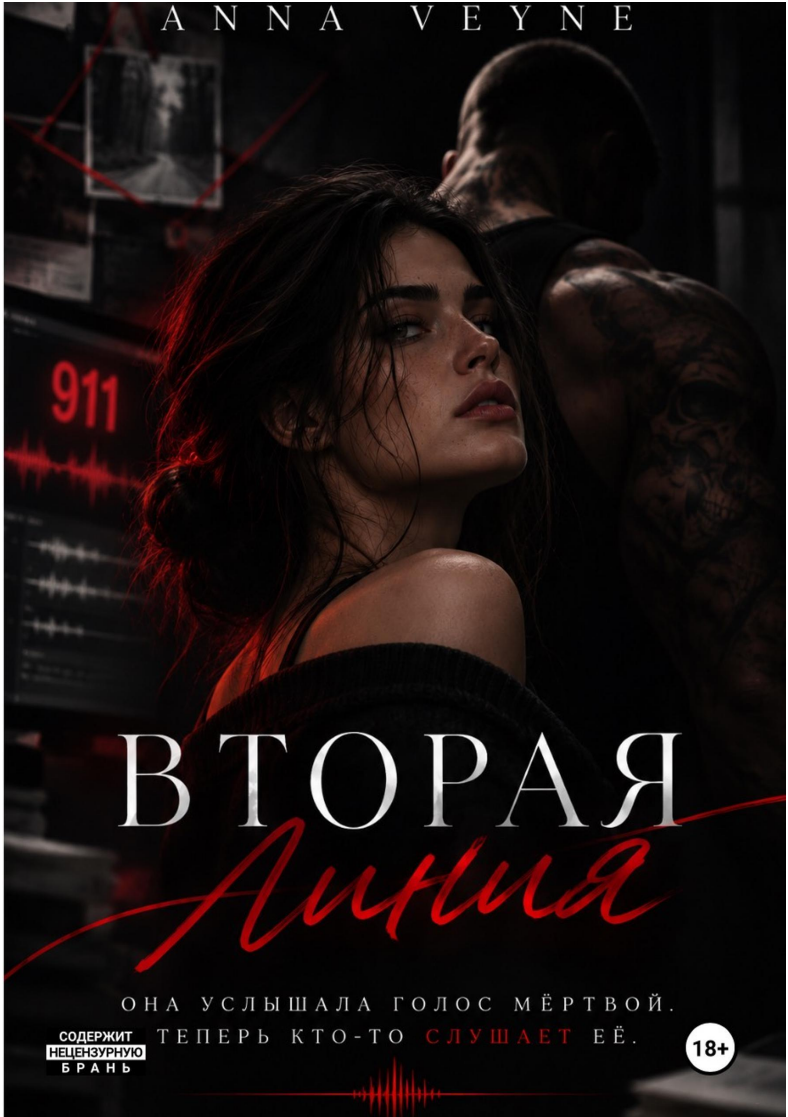
ANNA VEYNE
911
ВТОРАЯ
линия
ОНА УСЛЫШАЛА ГОЛОС МЁРТВОЙ.
ТЕПЕРЬ КТО-ТО СЛУШАЕТ ЕЁ.
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

# Anna Veyne
# Вторая линия

*https://litres.ru/74918202*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Мёртвые не звонят в службу спасения. Но однажды Слоан Келлер услышала голос девушки, похороненной одиннадцать дней назад.

Она совершила ошибку, решив выяснить правду.

Теперь за ней наблюдают. Незнакомец знает, когда она спит, с кем встречается и чего боится. Он убирает с её пути людей, даже если она никогда не просила его об этом.

Гидеон Роук — мужчина, от которого разумнее держаться подальше. Его руки испачканы кровью, а за безупречной внешностью скрывается человек, не привыкший оставлять свидетелей.

Пока Слоан ищет девушек, которых продают как товар, кто-то уже назначил цену за её собственную жизнь.

Она ещё не знает, кто за ней следит.

Он уже знает, как далеко готов зайти ради неё.

И самое страшное — однажды ей понравится то, чего она должна бояться.

# Содержание


| | |
|---|---|
| Пролог | 4 |
| Глава 1 | 22 |
| Глава 2 | 63 |
| Глава 3 | 88 |
| Глава 4 | 130 |
| Глава 5 | 182 |
| Глава 6 | 226 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 244 |

# Anna Veyne
# Вторая линия

## Пролог

**Девушка, которой не существовало**

*Греймарш, штат Редмонт. За восемь месяцев до основных событий.*

Первое, что я заметила, придя в сознание, — на мне всё ещё были кроссовки. За последние несколько месяцев я успела привыкнуть к тому, что обувь у нас отбирали сразу после возвращения, независимо от того, куда и зачем увозили. Мужчины объясняли это правилами безопасности, хотя все прекрасно понимали, что босиком убежать гораздо сложнее, особенно если за воротами тебя ждут несколько километров разбитого асфальта, ограждения с колючей проволокой и совершенно незнакомая местность.

Я попыталась приподняться, но боль под рёбрами заставила снова опуститься на бетон. Левую щёку стягивала засохшая кровь, во рту ощущался неприятный металлический привкус. Судя по состоянию тела, без сознания я провела достаточно долго, однако определить время было невозможно: единственная лампа под потолком продолжала мигать с раздражающей периодичностью, а небольшое помещение не

имело окон.

Впрочем, отсутствие окон меня уже давно не удивляло. Гораздо сильнее беспокоило то, что меня оставили одну. Обычно после подобных происшествий рядом обязательно находился кто-нибудь из охраны. Мужчины не особенно заботились о нашем здоровье, но очень внимательно следили за сохранностью того, что считали своей собственностью. Девушка со сломанной рукой стоила дешевле здоровой, а девушка, умершая до передачи покупателю, не приносила денег вовсе.

Именно поэтому я не сразу поняла, почему никто не пришёл проверить, очнулась ли я. Из-за стены донёсся приглушённый плач, и я повернула голову в сторону звука. Там, насколько я помнила, находилось ещё одно помещение, отделённое от моего толстой перегородкой. Вчера в него привели молодую девушку со светлыми волосами. Она постоянно спрашивала, когда сможет позвонить матери, и пыталась объяснить охранникам, что произошла какая-то ошибка.

Слушать её было почти невыносимо, потому что всего несколько месяцев назад я говорила примерно то же самое.

— Эй, ты меня слышишь? — позвала я, стараясь не повышать голос.

Плач постепенно стих, но ответа не последовало. Я уже решила, что девушка слишком напугана, когда с другой стороны послышался осторожный вопрос:

— Они тебя тоже били?

Я посмотрела на расплывшийся синяк возле локтя и попыталась вспомнить, с чего всё началось. Последним отчётливым воспоминанием оставалось лицо Мейсона, который требовал назвать имя человека, передавшего мне записку. Я отказалась отвечать, а дальше события слились в беспорядочную последовательность ударов, чужих голосов и боли.

— Сейчас всё нормально, — солгала я. — Как тебя зовут?

— Нам нельзя разговаривать.

— Я знаю. Просто скажи своё имя, и больше ничего не буду спрашивать.

Она долго молчала, словно пыталась понять, какой подвох скрывается за таким простым предложением.

— Лили, — наконец прошептала девушка.

— Меня зовут Эйвери. Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

Я закрыла глаза. Мне самой было двадцать шесть, но за последние месяцы разница между нами стала казаться огромной. Лили ещё верила, что происходящее можно объяснить недоразумением, что где-то существуют люди, которые обязательно вмешаются, стоит только сообщить им правду. Я давно перестала верить в случайность собственного положения, хотя надежда на то, что однажды смогу выбраться отсюда, упрямо отказывалась исчезать.

— Они сказали, что завтра меня переведут в другое место, — продолжила она. — Там, наверное, будет лучше. Один мужчина обещал, что мне разрешат работать в гостинице.

Мне пришлось сжать зубы, чтобы не ответить слишком резко. Я знала, что означали эти переводы. Некоторые девушки возвращались через несколько дней, совершенно не похожие на себя прежних. Других отправляли в соседние штаты, и мы больше никогда их не видели. Несколько раз мне доводилось слышать, как охранники обсуждали суммы, которые за них заплатили, с таким же равнодушием, с каким люди обычно разговаривают о стоимости подержанных автомобилей.

— Лили, послушай меня. Если появится возможность обратиться за помощью к кому-нибудь за пределами этого места, постарайся ею воспользоваться. Только не верь обещаниям людей, которые тебя сюда привезли.

— А ты?

Я посмотрела на металлическую дверь, возле которой ещё утром стоял Мейсон.

— Я тоже постараюсь выбраться.

Девушка больше ничего не сказала, и спустя некоторое время я услышала, как она тихонько отодвинулась от стены. Мне понадобилось несколько минут, чтобы сесть, опираясь спиной на холодный бетон. В таком положении боль стала терпимее, и я смогла осмотреть помещение внимательнее. У противоположной стены стоял металлический стол, на котором лежали пластиковый стакан и несколько смятых бумажных полотенец. Рядом валялся перевёрнутый стул, а возле дальней ножки стола я заметила небольшой прямоугольный

предмет.

Поначалу мне показалось, что это обычная пачка сигарет, оставленная кем-нибудь из охранников. Лишь когда лампа снова загорелась, я различила треснувший экран мобильного телефона. Я не сразу решилась подняться. За всё время моего пребывания здесь мне ни разу не предоставили возможности связаться с внешним миром. Перед тем как привезти нас на территорию комплекса, у каждой забрали телефон, документы и личные вещи. Даже охранники пользовались рациями или разговаривали по мобильным только за закрытыми дверями.

Оставленный на столе аппарат казался настолько очевидной приманкой, что я почти разозлилась. Неужели они действительно считали меня настолько глупой? Я добралась до стола, опираясь на мебель, и осторожно взяла телефон. На задней крышке обнаружилась белая наклейка с двумя параллельными чёрными полосами, одна из которых была заметно короче другой. Этот знак показался мне знакомым, но я никак не могла вспомнить, где его видела.

Экран загорелся после второго нажатия боковой кнопки. Заряда оставалось двенадцать процентов, зато в верхнем углу отображались две полоски сотовой связи. Несколько секунд я просто стояла и смотрела на них. Возможно, устройство действительно оставили здесь случайно. Может быть, кто-то торопился, отвлёкся на разговор и забыл забрать телефон. Я понимала, насколько невероятно подобное предпо-

ложение, но сама возможность связаться с полицией оказалась сильнее осторожности.

Я набрала 911, прежде чем успела передумать. Ответили почти сразу.

— Служба спасения, назовите адрес чрезвычайной ситуации.

Голос женщины был спокойным и немного усталым, как будто она произносила эту фразу уже несколько часов подряд. Я попыталась ответить, но горло сдавило от волнения. Пришлось откашляться, чтобы собеседница смогла меня расслышать.

— Пожалуйста, мне нужна полиция. Меня удерживают против воли, здесь есть другие женщины, и мы не знаем, где находимся.

— Хорошо, постарайтесь сохранять спокойствие. Вы можете назвать своё имя?

— Эйвери. Эйвери Кросс.

Оператор попросила повторить фамилию, а затем начала задавать вопросы о местонахождении здания. Я рассказала всё, что могла вспомнить: грузовики, постоянно проезжавшие по территории, запах морской воды, который иногда проникал в коридоры, и гудки больших судов, слышные по ночам. Насколько мне было известно, последнее место, где меня видели до исчезновения, находилось в Греймарше. Я предполагала, что нас держали где-то неподалёку от порта, но не могла быть уверена даже в этом.

— Сколько человек находится в здании? — спросила женщина.

— Я не знаю. Когда нас привезли, здесь было больше двадцати девушек. Потом некоторых увезли, а вместо них появились другие. Их продают, понимаете? Мужчины приезжают сюда и выбирают, кого забрать. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь как можно быстрее.

На другом конце линии застучали клавиши.

— Вы видели оружие у людей, которые вас удерживают?

— Да. У охранников есть пистолеты, а некоторые ходят с автоматами. Один из них называется Мейсон, хотя я не уверена, что это настоящее имя. Он высокий, с татуировкой на шее. Я могу рассказать больше, только сначала...

Я осеклась, услышав звук открывающейся двери где-то за пределами помещения. По коридору прошли двое мужчин. Один что-то раздражённо говорил о задержавшейся машине, второй рассмеялся и предложил сначала поесть. Их голоса постепенно удалились, но я продолжала стоять неподвижно, боясь, что любой неосторожный звук привлечёт внимание.

— Эйвери, вы ещё на линии? — спросила оператор.

— Да, только говорите потише. Если они услышат...

— Я понимаю. Вы можете спрятаться до прибытия помощи?

Я оглядела комнату. В ней не было даже шкафа, за которым можно было бы укрыться.

— Здесь негде прятаться.

— Хорошо. Оставайтесь на связи, пока мы уточняем ваше местоположение.

После этих слов послышался короткий электронный сигнал, а затем женский голос исчез. Вместо него заиграла едва слышная мелодия, которую неожиданно прервал щелчок. Я прижала телефон плотнее к уху, решив, что соединение вот-вот оборвётся.

— Эйвери Кросс? — спросила другая женщина.

Её голос отличался от предыдущего: более низкий, без характерной хрипотцы, с тщательно выверенной интонацией.

— Да, это я. А где девушка, с которой я разговаривала?

— Ваш вызов передали мне для дополнительной проверки. Мне необходимо уточнить некоторые сведения.

Я почувствовала раздражение, смешанное со страхом.

— Какие ещё сведения? Я же сказала, что меня похитили. Я понятия не имею, сколько времени у меня осталось, а вы продолжаете задавать вопросы.

— Понимаю, что вы напуганы. Назовите, пожалуйста, вашу дату рождения.

Я ответила, хотя совершенно не понимала, зачем это понадобилось. Женщина попросила назвать город, в котором я родилась, а затем имя матери. Последний вопрос заставил меня насторожиться. Вряд ли подобные подробности были необходимы для отправки полиции, особенно когда речь шла о человеке, которого могли обнаружить с телефоном в любую секунду.

— Почему вы спрашиваете об этом? — произнесла я.

— Нам необходимо убедиться, что мы правильно установили вашу личность.

— А разве сейчас это так важно?

В ответ послышался приглушённый разговор. Кажется, женщина прикрыла микрофон ладонью, но несколько слов я всё-таки разобрала. Она кому-то сказала, что данные совпадают. Потом упомянула какой-то документ. Я хотела спросить, с кем она разговаривает, когда оператор снова обратилась ко мне:

— Эйвери, где именно вы нашли телефон, с которого звоните?

Меня словно окатили ледяной водой. До этого момента я пыталась убедить себя, что звонок действительно поступил в службу спасения. Но теперь всё, происходившее за последние минуты, внезапно приобрело совершенно другой смысл. Почему их интересовало моё прошлое, а не местонахождение девушек? Зачем понадобилось имя матери? И каким образом оператор могла знать, что телефон не принадлежит мне?

Я осторожно отступила от стола.

— Что вы имеете в виду?

— Это ваш личный телефон?

— Нет. Я нашла его здесь.

Женщина ничего не ответила, однако я услышала, как она тихо выругалась. В коридоре снова послышались шаги. На

этот раз человек приближался к моей двери.

— Послушайте, — торопливо заговорила я, стараясь не сорваться на крик. — Я не знаю, кто вы и зачем задаёте все эти вопросы, но здесь действительно удерживают женщин. Одной девушке всего двадцать один год, её зовут Лили. Она находится в соседней комнате. Если вы не можете помочь мне, хотя бы запомните её имя.

— Эйвери, вам необходимо оставаться на месте.

— Вы вообще слышите, что я говорю?

— Я слышу вас прекрасно. Пожалуйста, больше не называйте никаких имён.

За дверью скрежетнул металл. Кто-то вставил ключ в замок, однако поворачивать его пока не спешил. Мне захотелось бросить телефон и сделать вид, что я всё это время лежала без сознания. Возможно, тогда у меня появился бы шанс объяснить своё поведение. Но я уже успела назвать имя Лили, а главное — собственное, и теперь не могла избавиться от ощущения, что совершила ошибку, последствия которой окажутся гораздо серьёзнее, чем очередное наказание.

— Скажите мне хотя бы, приедет ли полиция, — попросила я.

Вместо ответа женщина спросила:

— Откуда вы узнали имя Эйвери Кросс?

Я даже не сразу поняла смысл её вопроса.

— Что?

— Кто сказал вам использовать это имя?

— Никто. Это моё имя.

— Вы уверены?

Я невольно рассмеялась, хотя смешного в происходящем не было ничего.

— Вы сейчас серьёзно? Я нахожусь неизвестно где, меня избили, вокруг полно вооружённых мужчин, а вы пытаетесь выяснить, правильно ли я называю собственное имя?

Оператор помолчала. Когда она заговорила снова, в её голосе впервые послышалась неуверенность.

— Согласно имеющимся у нас сведениям, Эйвери Кросс умерла одиннадцать дней назад.

Я прислонилась спиной к стене. Несколько секунд пыталась понять, не ослышалась ли.

— Что значит умерла?

— Я не могу предоставить вам дополнительную информацию по телефону.

— Какую информацию? Вы только что сказали, что я мертва!

Снаружи повернулся ключ. Я обернулась и увидела, как тяжёлая металлическая дверь медленно открывается внутрь. На пороге стоял мужчина, которого я прежде никогда не встречала. Он был одет совершенно не так, как остальные. Вместо привычной тёмной формы охранников на нём были хорошо выглаженная белая рубашка, серые брюки и дорогие кожаные туфли. Аккуратная причёска, чисто выбритое лицо и тонкие серебряные часы делали его похожим скорее на че-

ловека, который приехал обсудить деловое соглашение, чем на того, кто имел какое-то отношение к происходившему в этом здании.

Он задержал взгляд на телефоне в моей руке, после чего посмотрел мне в лицо.

— Значит, всё-таки позвонила, — заметил он.

Я ничего не ответила. Мужчина вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь, оставив её незапертой. В этом жесте было нечто особенно неприятное: ему явно не приходило в голову, что я могу попытаться выбежать в коридор.

— Должен признать, я рассчитывал, что ты продержишься немного дольше, — продолжил он. — Мейсон уверял, что ты наконец начала понимать правила, но я предполагал, что он ошибается.

Он говорил спокойно, почти доброжелательно, словно мы встретились при каких-то вполне обычных обстоятельствах.

— Кто вы? — спросила я.

— Сейчас это не имеет значения. Отдай телефон, Эйвери.

Я покачала головой, прижимая аппарат к груди. Мужчина вздохнул, но не сделал ни малейшей попытки приблизиться.

— Ты ведь понимаешь, что тебе некуда идти? Мы находимся достаточно далеко от города, а снаружи есть люди, которым платят за то, чтобы никто не покидал территорию без разрешения. Не нужно усложнять ситуацию.

Мне хотелось спросить, почему оператор сказала, что я умерла. Кто оформил документы о моей смерти? Знает ли

об этом моя мать? Похоронили ли меня? Искали ли вообще? Но я боялась услышать ответы.

— Вы специально оставили телефон, — произнесла я.

Мужчина слегка приподнял брови.

— Не совсем. Телефон предназначался другой девушке, но ты оказалась достаточно любопытной, чтобы воспользоваться чужой возможностью.

От его слов мне стало дурно. Значит, всё это действительно было проверкой. Только проверяли не меня.

— Что вы собираетесь сделать с Лили?

Мужчина нахмурился, пытаясь вспомнить имя.

— Это новенькая из соседней комнаты? Не беспокойся, её перевод уже согласован.

Я подумала о том, с какой надеждой Лили рассказывала мне про гостиницу. О том, как легко она поверила обещанию работы и как сильно боялась нарушить установленные правила.

— Она никому ничего не сделала, — сказала я. — Она даже не понимает, где находится.

— Большинство людей не понимают, где находятся, пока им не объяснят. Но это не мешает им жить дальше.

Я смотрела на него, пытаясь найти хоть что-то человеческое за безупречно вежливым выражением лица.

— У вас есть дочь?

Вопрос застал его врасплох. По крайней мере, впервые за всё время нашего разговора он не ответил сразу.

— К чему ты спрашиваешь?

— Просто интересно, смогли бы вы так же спокойно говорить с ней, если бы она оказалась на месте Лили.

Мужчина посмотрел на меня с лёгким сожалением.

— Эйвери, я не хотел бы прибегать к неприятным мерам, но ты начинаешь испытывать моё терпение.

Он протянул руку за телефоном. Я отступила, насколько позволяла стена, и посмотрела на экран. Вызов всё ещё продолжался; женщина на другом конце линии больше не задавала вопросов, однако я различала едва слышное дыхание и случайные звуки, доносившиеся из помещения, где она находилась. Она слушала наш разговор. Я была уверена в этом.

— Вы всё слышали? — спросила я, обращаясь уже не к мужчине, а к оператору. — Вы знаете, что происходит, и всё равно ничего не делаете?

Мужчина перевёл взгляд на телефон. Его лицо впервые изменилось.

— С кем ты разговариваешь?

Я не ответила.

— Эйвери, дай мне телефон.

Теперь он говорил значительно жёстче. В его голосе не осталось прежней терпеливой снисходительности, и именно это неожиданно придало мне смелости. Пока он считал меня напуганной девушкой, которой достаточно объяснить бессмысленность сопротивления, я оставалась для него чем-то предсказуемым. Но если хотя бы одна деталь происходящего

выходила из-под контроля, тщательно выстроенное спокойствие начинало давать трещину.

Я не знала, поможет ли мне это. Однако впервые за долгое время мне захотелось воспользоваться чужой ошибкой.

— Меня зовут Эйвери Кросс, — отчётливо произнесла я, не отрывая взгляда от мужчины. — Мне двадцать шесть лет. Меня удерживают вместе с другими женщинами в здании возле порта Греймарша. Среди охранников есть человек по имени Мейсон, а прямо сейчас передо мной стоит мужчина в белой рубашке, который знает, почему меня объявили мёртвой.

Мужчина шагнул вперёд. Я успела сделать ещё одно движение, прежде чем он схватил меня за руку. Телефон ударился о бетон и отскочил под стол. Боль была такой сильной, что я закричала, но мужчина уже не обращал внимания ни на меня, ни на мои попытки вырваться. Он опустился на колено, поднял устройство и быстро посмотрел на экран.

— Чёрт возьми, — пробормотал он.

Потом поднёс телефон к уху.

— Кто на линии?

Я слышала только его ответы, однако по тому, как постепенно менялось выражение его лица, догадалась, что разговор складывается не так, как он ожидал.

— Нет, — произнёс он после недолгой паузы. — Этого не должно было произойти. Кто разрешил переводить вызов?

Он выслушал собеседницу, затем медленно повернулся ко

мне. В его взгляде больше не было ни снисходительности, ни раздражения. Теперь он смотрел на меня так, словно пытался оценить ущерб, который я уже успела причинить.

— Отправьте запись мне, — сказал он. — И выясните, кто ещё получил доступ.

Он завершил вызов, положил телефон в карман и несколько секунд молча стоял возле стола. Я ждала удара, приказа охранникам или хотя бы очередной угрозы. Но мужчина неожиданно присел передо мной на корточки, чтобы наши лица оказались примерно на одном уровне.

— Скажи мне, Эйвери, — спросил он уже значительно тише, — ты действительно не понимаешь, почему тебя пришлось объявить мёртвой?

Я покачала головой. Он внимательно изучал моё лицо, как будто пытался определить, насколько искренним был ответ.

— Тогда, боюсь, ты знаешь гораздо меньше, чем я предполагал.

Мужчина поднялся, направился к двери и позвал кого-то из охраны. Когда в коридоре появились двое мужчин, он негромко распорядился перевести меня в другую комнату, а затем добавил, что до его возвращения никто не должен со мной разговаривать. Уже выходя, он остановился и бросил взгляд на наклейку, прикреплённую к задней крышке телефона. На мгновение мне показалось, что он собирается сорвать её, но вместо этого мужчина лишь провёл большим пальцем по двум чёрным полосам.

— Забавно, — произнёс он, скорее самому себе, чем кому-либо из нас. — Столько лет никто не обращал внимания на эту мелочь.

Он убрал телефон и вышел, оставив меня с охранниками, которые явно не понимали, почему важный гость вдруг утратил прежнюю уверенность. Я тоже этого не понимала. Но, когда один из мужчин поднял меня с пола и повёл к выходу, я впервые задумалась о том, что, возможно, настоящий смысл случившегося заключался вовсе не в моём звонке. Кто-то уже объявил меня умершей. Кто-то оставил телефон в комнате, куда меня поместили после допроса. Кто-то перевёл мой вызов женщине, которая знала о моей смерти раньше, чем я сама.

И если всё это было связано, значит, существовал человек, которому очень хотелось узнать, что я стану делать, получив возможность обратиться за помощью. Я оглянулась на комнату, прежде чем охранник захлопнул дверь. Лили всё ещё находилась за стеной. Я слышала, как она звала меня, но ответить не решилась, потому что мужчина, державший меня за локоть, уже предупредил, что за ещё одно слово заставит пожалеть нас обеих.

Наверное, именно тогда я впервые по-настоящему испугалась не смерти. Гораздо страшнее оказалась мысль, что однажды нас всех могут объявить погибшими, не оставив ни единого человека, который усомнится в этом. А потом я вспомнила женщину из службы спасения, которая слушала мой

разговор до самого конца. Возможно, она тоже боялась. Возможно, у неё были причины молчать. Но где-то должна была остаться запись, на которой я называла своё имя и просила о помощи.

Я ещё не знала, что восемь месяцев спустя эту запись найдёт совершенно незнакомая мне женщина. И уж тем более не могла предположить, сколько людей захотят убить её только за то, что она решит меня услышать.

# Глава 1

**Мёртвые не звонят**

*Слоан Келлер*

*Греймарш, штат Редмонт. Восемь месяцев спустя.*

За четыре года работы с архивами экстренных вызовов я успела узнать о человеческой природе достаточно, чтобы перестать удивляться большинству вещей, которые прежде казались мне немыслимыми. Люди врали полицейским, скрывали от родственников обстоятельства несчастных случаев, выдумывали преступления, которых не совершали, и иногда признавались в таких поступках, о которых, вероятно, не решились бы рассказать даже священнику. При этом существовало одно обстоятельство, объединявшее почти все по-настоящему страшные записи: в тот момент, когда человек понимал, что может умереть, его переставало интересовать, какое впечатление он производит на окружающих.

Наверное, именно поэтому я до сих пор помнила голос семилетнего мальчика, который позвонил в службу спасения после того, как его мать потеряла сознание. Он не плакал, не кричал и даже старательно отвечал на вопросы оператора, поскольку был уверен, что взрослые обязательно помогут, если он всё сделает правильно. Лишь в конце разговора, когда женщина попросила его проверить, дышит ли мама, мальчик вдруг спросил, не рассердится ли она, когда

проснётся, ведь ему пришлось воспользоваться её телефоном без разрешения.

Я прослушала ту запись больше трёх лет назад, но иногда всё ещё вспоминала этот вопрос, особенно когда возвращалась домой после тяжёлой смены и обнаруживала, что опять забыла купить продукты. Впрочем, далеко не каждая запись оставляла после себя подобные воспоминания, и большую часть рабочего времени я занималась вещами настолько скучными, что даже моя мать, привыкшая с искренним интересом выслушивать рассказы о моей жизни, начинала зевать уже через несколько минут.

В тот понедельник мне предстояло проверить почти две сотни аудиофайлов, перенесённых со старого сервера городского управления экстренных служб, и я с самого утра испытывала вполне обоснованное желание найти человека, придумавшего назначать подобную работу на начало недели.

— Если я сегодня умру за этим столом, — сообщила я Норе, снимая мокрую куртку, — пожалуйста, проследи, чтобы в свидетельстве о смерти указали настоящую причину. Никаких сердечных приступов и прочей ерунды, исключительно профессиональное истощение вследствие преступной некомпетентности руководства.

Нора Беннет, расположившаяся за соседним компьютером, окинула меня внимательным взглядом и вернулась к своему телефону, очевидно, не обнаружив в моём состоянии ничего, требующего немедленного вмешательства.

— Я бы написала, что причиной смерти стало твоё патологическое нежелание ложиться спать раньше двух часов ночи, но боюсь, Харрис не оценит мою честность.

— Харрис не оценил бы даже собственную мать, если бы она пришла к нему без предварительной записи.

— Зато он ценит пунктуальность, а ты снова опоздала на семнадцать минут.

Я бросила сумку под стол и посмотрела на настенные часы, которые уже несколько месяцев спешили почти на пять минут. Нора прекрасно об этом знала, но, поскольку любое упоминание о моих опозданиях доставляло ей удовольствие, исправлять время не собиралась.

— На мосту опять перекрыли полосу, и если ремонт не закончится до Рождества, я совершенно серьёзно начну рассматривать вариант добираться сюда вплавь.

— Сначала научись нормально парковаться, а потом уже осваивай водный транспорт, — посоветовала она, наконец откладывая телефон. — Я видела, как ты вчера пыталась поставить машину возле супермаркета, и до сих пор не понимаю, почему никто не вызвал полицию.

Нора обладала той разновидностью дружелюбия, которая заставляла совершенно незнакомых людей рассказывать ей подробности собственной жизни уже через десять минут после знакомства. При этом с близкими она позволяла себе быть настолько язвительной, что временами я искренне удивлялась, каким образом нам удалось сохранить дружбу

на протяжении четырёх лет.

Мы познакомились вскоре после моего устройства в городской архив, когда я по ошибке прикрепила к служебному письму фотографию кота, принадлежавшего моей соседке. Нора, оказавшаяся единственной сотрудницей, которая не стала распространять эту историю по всему зданию, пригласила меня выпить после работы, а ближе к полуночи призналась, что всё-таки сохранила снимок и теперь собирается использовать его для шантажа.

С тех пор мы пережили достаточно совместных неприятностей, чтобы перестать церемониться друг с другом, хотя иногда мне казалось, что Нора вообще никогда не слышала о существовании такого понятия, как личные границы.

— Ты сегодня свободна вечером? — спросила она, когда я включила компьютер.

— Это зависит от того, собираешься ли ты снова знакомить меня с человеком, который считает, что работа в недвижимости автоматически делает его финансовым гением.

— Во-первых, Эрик действительно неплохо зарабатывал, а во-вторых, ты сама попросила познакомить тебя с кем-нибудь нормальным.

— Я попросила познакомить меня с человеком, который умеет поддерживать разговор, не демонстрируя фотографии собственного автомобиля каждые пятнадцать минут.

Нора рассмеялась и потянулась за кружкой, на которой большими буквами было написано «ЛУЧШИЙ СОТРУД-

НИК МЕСЯЦА». Никто из нас не знал, откуда у неё появилась эта кружка, поскольку подобной награды в нашем отделе никогда не существовало.

— Сегодня обойдёмся без мужчин, если только ты сама не решишь найти приключения. Я забронировала столик в «Мерсере», и мы наконец нормально поужинаем, потому что последний раз видели друг друга вне работы почти две недели назад.

Я пообещала подумать, хотя прекрасно знала, что к вечеру Нора всё равно добьётся своего. У неё был удивительный талант превращать собственные планы в коллективные, причём делала она это настолько уверенно, что большинство людей соглашались прежде, чем успевали осознать, что их вообще о чём-то спрашивали. Пока компьютер загружался, я достала из сумки рабочий блокнот и просмотрела список задач, присланный Харрисом в пятницу. В нём значились проверка целостности аудиозаписей, сверка идентификаторов происшествий и составление отчёта о файлах, не прошедших автоматическую обработку.

Ничего необычного, если не считать количества записей, которое, на мой взгляд, вполне позволяло рассчитывать на дополнительную оплату или хотя бы на официальное признание того факта, что у сотрудников архива тоже существует личная жизнь. Хотя с последним у меня действительно имелись определённые трудности.

В двадцать семь лет я жила одна в небольшой двухком-

натной квартире на Харпер-стрит, исправно платила по счетам, покупала продукты преимущественно после девяти вечера и регулярно обещала себе перестать откладывать деньги на вещи, которые могла позволить уже сейчас. Например, на нормальную кровать, вместо которой у меня стоял старый диван, доставшийся от предыдущей хозяйки квартиры.

Мама считала, что подобная самостоятельность давно перестала быть достоинством и постепенно превращается в дурную привычку. По её мнению, мне следовало найти мужчину, сменить работу на менее мрачную и, желательно, переехать из Греймарша в город, где зимой хотя бы иногда появлялось солнце. Я же вполне серьёзно полагала, что человек, способный добровольно жить с моим характером, заслуживает не брака, а государственной награды.

— Келлер, ты собираешься сегодня работать или планируешь провести весь день, разглядывая монитор? — поинтересовалась Нора, заметив, что я всё ещё не открыла ни одного файла.

Я показала ей средний палец, на что она отреагировала совершенно равнодушно, и наконец приступила к проверке.

⁂

К одиннадцати часам утра мне удалось обработать сорок две записи, обнаружить девять ошибок в регистрационных данных и окончательно убедиться, что перенос архива проводил человек, обладавший весьма своеобразными представлениями о систематизации информации.

В одном файле продолжительность разговора составляла три минуты, хотя сам аудиофрагмент заканчивался уже на двадцатой секунде. Другой был зарегистрирован как вызов пожарной службы, несмотря на то что звонивший всего лишь сообщал о столкновении двух автомобилей. Ещё несколько записей вообще не имели отношения к чрезвычайным ситуациям и представляли собой обрывки внутренних переговоров технических сотрудников. Подобные ошибки раздражали, но не удивляли, поскольку после обновления оборудования нам регулярно доставались материалы, требовавшие ручной проверки.

Именно поэтому запись под номером GM-0417-9286 поначалу не привлекла моего внимания. В карточке значилась категория «Неклассифицированный вызов», а в графе причины закрытия было указано «Некорректное обращение». При этом продолжительность разговора составляла восемь минут тридцать одну секунду, что показалось мне несколько необычным, поскольку ошибочные и ложные звонки редко занимали столько времени. Я открыла аудиофайл, надела наушники и, не особенно вслушиваясь в первые секунды, продолжила заполнять таблицу.

— Служба спасения, назовите адрес чрезвычайной ситуации, — произнесла женщина на записи.

Затем послышалось прерывистое дыхание, сопровождавшееся слабым фоновым шумом, и спустя несколько секунд другая женщина, значительно моложе первой, попросила

прислать полицию. Она говорила с заметным усилием, словно каждое произнесённое слово причиняло ей физическую боль, и я невольно перестала печатать, когда услышала, что её удерживают против воли вместе с другими женщинами.

Подобные сообщения поступали не так уж редко, хотя далеко не все впоследствии подтверждались. Иногда люди обращались за помощью во время семейных конфликтов, иногда речь действительно шла о незаконном лишении свободы, а в отдельных случаях звонившие намеренно сообщали ложные сведения, пытаясь привлечь внимание полиции к совершенно посторонним людям. Однако в этой записи меня насторожило то, как девушка отвечала на вопросы.

Она почти не отвлекалась на подробности собственного состояния, не пыталась объяснить, насколько сильно напугана, и несколько раз возвращалась к тому, что в здании находятся другие женщины, которых необходимо освободить. Когда оператор попросила назвать имя, девушка ответила не сразу, словно на мгновение засомневалась, стоит ли вообще сообщать его незнакомому человеку.

— Эйвери Кросс, — наконец произнесла она, после чего добавила, что находится, предположительно, где-то возле порта Греймарша.

Я записала имя в блокнот и открыла электронный журнал происшествий за соответствующую дату. Семнадцатого апреля в портовой зоне зарегистрировали несколько обращений, связанных с дорожными происшествиями, нарушения-

ми общественного порядка и подозрительными людьми возле складских помещений, однако ни одно из них не содержало сведений о женщинах, удерживаемых против воли. Меня это не слишком удивило, поскольку отсутствие точного адреса иногда существенно осложняло регистрацию происшествия, особенно если звонок передавался в другое подразделение.

Я продолжила прослушивание, одновременно проверяя маршрут соединения. Девушка сообщила, что в здании находится больше двадцати женщин, некоторых из которых регулярно увозят неизвестные мужчины. Она также упомянула охранника по имени Мейсон и рассказала, что люди, удерживающие их, вооружены. Первый оператор задавала обычные уточняющие вопросы и, насколько я могла судить, действовала в соответствии с установленной процедурой, однако примерно на третьей минуте разговор неожиданно прервался коротким электронным сигналом.

Я посмотрела на экран и обнаружила отметку о переводе вызова, рядом с которой отсутствовало название принимающего подразделения. Такое случалось после технических сбоев, хотя обычно восстановить сведения удавалось через журнал маршрутизации. Я открыла соответствующее окно, собираясь внести замечание в отчёт, когда в наушниках появился другой женский голос. Новая собеседница попросила Эйвери назвать дату рождения, город, в котором она появилась на свет, а затем имя матери.

Я нахмурилась, поскольку подобные вопросы выглядели довольно странно в ситуации, когда человек сообщал о непосредственной угрозе жизни и просил прислать вооружённых сотрудников полиции. Разумеется, установление личности иногда входило в обязанности оператора, однако обычно не имело первостепенного значения, особенно если звонящий не мог назвать адрес собственного местонахождения. Эйвери, судя по её реакции, тоже не понимала происходящего, хотя продолжала отвечать, вероятно, опасаясь, что отказ каким-то образом помешает получить помощь.

После очередной паузы женщина спросила, где именно девушка нашла телефон, с которого звонит. Я остановила воспроизведение. Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что мне захотелось убедиться, не пропустила ли я какую-нибудь важную часть разговора. Вернув запись почти на минуту назад, я повторно прослушала диалог, но так и не обнаружила ничего, что могло бы объяснить внезапный интерес оператора к происхождению устройства. Эйвери ведь не сообщала, что телефон чужой. Она вообще ничего не рассказывала о том, каким образом получила возможность позвонить.

Тем не менее женщина разговаривала с ней так, будто заранее знала об этом обстоятельстве. Я открыла служебный журнал и попыталась определить, кому именно перевели вызов, однако система сообщила, что сведения о маршруте отсутствуют. Пока я разбиралась с техническими данными, за-

пись продолжала воспроизводиться, и мне пришлось вновь переключить внимание на разговор, когда голос Эйвери внезапно изменился. Теперь девушка явно нервничала сильнее, чем в начале звонка, и просила оператора хотя бы запомнить имя женщины, находившейся в соседней комнате. В ответ ей велели больше не называть никаких имён.

Я почувствовала растущее недоумение, поскольку не могла придумать ни одной разумной причины, по которой сотрудник экстренной службы стал бы препятствовать передаче информации о возможных пострадавших. Затем прозвучал вопрос, заставивший меня окончательно забыть о таблице.

— Откуда вы узнали имя Эйвери Кросс?

Девушка растерялась, после чего попыталась объяснить, что это её настоящее имя, но оператор продолжала настаивать на том, что произошла какая-то ошибка. Следующие несколько секунд они разговаривали одновременно, и я не сразу разобрала фразу, произнесённую женщиной на линии. Пришлось увеличить громкость и вернуться к началу предложения.

— Согласно имеющимся у нас сведениям, Эйвери Кросс умерла одиннадцать дней назад.

Я сняла наушники и некоторое время смотрела на монитор, пытаясь осмыслить услышанное. На протяжении четырёх лет мне доводилось сталкиваться с самыми разными нарушениями служебных инструкций, однако я ни разу не слы-

шала, чтобы оператор сообщал человеку, находящемуся в опасности, о его собственной смерти. Причём делал это не в качестве предположения или попытки уточнить данные, а совершенно определённо, ссылаясь на какие-то официальные сведения.

Я вернулась к записи, надеясь, что дальнейший разговор прояснит ситуацию, но вместо объяснений услышала звук открывающейся двери и мужской голос, который сразу заставил Эйвери замолчать. Мужчина разговаривал с ней спокойно, почти снисходительно, словно пытался убедить капризного ребёнка выполнить совершенно обычную просьбу. Он потребовал отдать телефон, а когда девушка отказалась, сообщил, что ей в любом случае некуда бежать, поскольку территория находится далеко от города и охраняется людьми, которым платят за предотвращение побегов.

На записи слышалось, как Эйвери пыталась привлечь внимание оператора к происходящему, после чего раздался грохот, сопровождавшийся её криком. Я невольно уменьшила громкость. Мужчина поднял телефон и, судя по всему, обнаружил, что соединение всё ещё продолжается, поскольку в его голосе впервые появилось раздражение.

— Кто разрешил переводить вызов? — спросил он у женщины, находившейся на линии.

В ответ послышалось что-то неразборчивое, а затем мужчина потребовал отправить ему запись разговора и выяснить, кто ещё получил к ней доступ. После этого соедине-

ние оборвалось. Я медленно сняла наушники и посмотрела на карточку происшествия, в которой всё ещё значилось, что обращение было некорректным.

За годы работы я научилась не делать поспешных выводов по содержанию аудиофайлов, поскольку даже самые убедительные разговоры иногда оказывались частью инсценировки. Но сейчас меня беспокоила не только история девушки, утверждавшей, что её удерживают против воли, а поведение людей, принимавших и обрабатывавших её вызов. Если запись была настоящей, кто-то сознательно отказался передать информацию о возможном похищении полиции, хотя в разговоре содержалось достаточно сведений для начала проверки.

А если звонок инсценировали, оставалось совершенно непонятно, зачем потребовалась настолько сложная схема с переводом на неизвестного оператора и упоминанием официально зарегистрированной смерти. Я открыла браузер и ввела имя Эйвери Кросс в поисковую строку. Первым результатом оказалась публикация местного новостного издания, датированная началом апреля. В заголовке говорилось, что полиция Греймарша установила личность женщины, найденной погибшей неподалёку от заброшенного складского комплекса в восточной промышленной зоне города.

Я открыла статью и почти сразу обнаружила фотографию молодой светловолосой женщины с открытой улыбкой и

небольшими веснушками на переносице. Под изображением стояло полное имя. Эйвери Морган Кросс, двадцать шесть лет. Согласно публикации, тело женщины обнаружили шестого апреля, а спустя несколько дней судебно-медицинская экспертиза подтвердила её личность. Подробности обстоятельств смерти не разглашались, поскольку расследование на тот момент ещё продолжалось. Я перевела взгляд на карточку аудиофайла, датированного семнадцатым апреля, и снова открыла фотографию. Одиннадцать дней.

Именно столько прошло между обнаружением тела и звонком женщины, утверждавшей, что она Эйвери Кросс. Вторая публикация рассказывала о её исчезновении, произошедшем ещё в конце февраля. Перед тем как пропасть, Эйвери отправилась на встречу с человеком, предложившим ей работу, а последний раз её видели неподалёку от автобусной станции в южной части города. Родственники несколько недель пытались организовать поиски, обращались к местным журналистам и размещали фотографии в социальных сетях, но каких-либо достоверных сведений о её местонахождении получить не удалось.

Затем полиция сообщила об обнаружении тела, и история постепенно исчезла из новостной ленты. Я сидела перед монитором, пытаясь совместить две версии событий, каждая из которых выглядела достаточно убедительно, если рассматривать её отдельно.

Возможно, звонившая женщина воспользовалась чужим

именем, хотя для подобного обмана пришлось бы знать множество подробностей жизни погибшей. Не исключено и то, что полиция допустила ошибку при установлении личности, но тогда непонятно, почему оператор экстренной службы, вместо того чтобы направить помощь, начала выяснять происхождение телефона и требовать от звонившей прекратить называть имена. Я вернулась к статье и внимательнее рассмотрела фотографию Эйвери. Под снимком была указана дата рождения, совпадавшая с той, которую девушка назвала во время разговора.

Это ещё ничего не доказывало, поскольку сведения могли оказаться общедоступными, однако количество совпадений постепенно переставало казаться случайным.

— Келлер, ты собираешься обедать или решила окончательно поселиться за этим столом?

Я обернулась и обнаружила Нору, стоявшую рядом с двумя бумажными стаканами кофе. Она смотрела на меня с выражением человека, который уже некоторое время безуспешно пытается привлечь внимание собеседника.

— Ты давно здесь стоишь? — спросила я, отодвигая клавиатуру.

— Достаточно, чтобы убедиться, что из тебя получился бы отвратительный свидетель преступления. Я могла бы украсть у тебя сумку, компьютер и половину мебели, а ты бы заметила это только после окончания смены.

Она поставила кофе на стол и заглянула в монитор, после

чего её улыбка постепенно исчезла.

— Что случилось?

Я немного помедлила, решая, с чего начать объяснение, а затем предложила ей сесть и послушать запись, которую только что обнаружила. Нора работала непосредственно с экстренными вызовами и гораздо лучше меня знала внутренние процедуры обработки звонков, поэтому её мнение могло оказаться полезным. Первые несколько минут она слушала с обычным профессиональным вниманием, изредка поглядывая на экран, но после появления второго оператора придвинулась ближе к столу и попросила увеличить громкость.

Когда запись закончилась, Нора некоторое время молчала, рассматривая технические сведения, а затем повернулась ко мне.

— Слоан, скажи, пожалуйста, что это какая-нибудь старая учебная запись, которую забыли удалить из системы.

Я покачала головой и показала ей сведения о дате поступления вызова, а затем открыла найденную статью о смерти Эйвери Кросс. Нора внимательно прочитала публикацию, вернулась к карточке происшествия и снова посмотрела на фотографию погибшей.

— Ты уверена, что речь об одной и той же женщине?

— Пока у меня есть только совпадение имени, фамилии, возраста и даты рождения, но мне кажется, этого достаточно, чтобы хотя бы проверить обстоятельства.

— А почему обращение закрыли как некорректное?

— Именно это я и пытаюсь понять, потому что в журнале происшествий нет никакой информации о направлении полиции по этому вызову.

Нора нахмурилась и придвинула клавиатуру ближе к себе. Некоторое время она просматривала служебные разделы программы, открывая окна, о существовании которых я даже не подозревала, после чего попыталась получить сведения о переводе звонка. Система отказала в доступе. Она повторила действие через другое меню, но результат оказался тем же.

— Странно, — заметила Нора, возвращаясь к основной карточке. — У меня есть допуск к маршрутизации вызовов, и если разговор передавали хотя бы внутри городской системы, я должна видеть подразделение, которое его приняло. Здесь же вообще отсутствует информация о получателе, словно соединение прошло через какой-то внешний канал.

— Такое возможно?

— Теоретически да, но для этого должны существовать определённые основания, а сама операция всё равно фиксируется в журнале. Меня больше беспокоит то, что второй оператор не представилась и сразу начала задавать вопросы, которые совершенно не относились к первоначальному обращению.

Я снова запустила короткий фрагмент, где женщина интересовалась происхождением телефона. Нора попросила повторить его ещё раз, а затем задумчиво постучала пальцем

по краю стола.

— Послушай, я не хочу тебя пугать, но этот разговор вообще не похож на стандартную обработку экстренного вызова. Если девушка действительно находилась в опасности, оператор должна была передать информацию полиции независимо от того, удалось ли установить точный адрес. Здесь же складывается впечатление, что собеседница гораздо больше заинтересована в личности самой звонившей.

— Именно поэтому я и не понимаю, как запись оказалась в категории некорректных обращений.

Нора некоторое время изучала журнал происшествия, после чего откинулась на спинку кресла.

— На твоём месте я бы поговорила с Харрисом и попросила провести служебную проверку. Возможно, у этой истории есть вполне обычное объяснение, о котором мы ничего не знаем, но оставлять такой файл без внимания определённо не стоит.

Я согласилась, хотя перспектива разговора с начальником не вызывала особого энтузиазма. Роберт Харрис руководил нашим отделом почти двенадцать лет и обладал редким талантом превращать любую инициативу сотрудников в дополнительный повод для недовольства. При этом он прекрасно разбирался в системе архивирования и имел доступ к документам, которые обычным специалистам не показывали, поэтому обращаться к нему всё равно придётся.

— Только сначала пообедай, — добавила Нора, заметив,

что я уже собираюсь открыть следующую вкладку. — Если ты сейчас упадёшь в обморок, Харрис окончательно убедится, что нам нельзя доверять сложные задачи.

Я нехотя поднялась, выключила аудиоплеер и последовала за ней к лестнице, по дороге всё ещё размышляя о женщине, чей голос впервые услышала меньше часа назад.

⁂

Греймарш никогда не принадлежал к числу городов, которые туристические агентства охотно размещают на рекламных фотографиях. Даже центральные улицы, где располагались дорогие рестораны, небольшие художественные галереи и отреставрированные исторические здания, выглядели несколько усталыми, особенно поздней осенью, когда затяжные дожди превращали тротуары в бесконечную череду луж, а с моря почти ежедневно поднимался густой туман.

На востоке города находился огромный промышленный порт, благодаря которому Греймарш существовал уже больше века. Вокруг него тянулись грузовые терминалы, склады, ремонтные мастерские и старые рабочие кварталы, часть которых постепенно пустела по мере того, как предприятия переносили производство в другие штаты. На противоположной стороне города начинались холмы с дорогими особняками, закрытыми жилыми комплексами и частными подъездными дорогами, куда обычные жители практически никогда не попадали.

Иногда мне казалось, что Греймарш существует сразу в

двух совершенно разных реальностях, жители которых случайно оказались на одной территории и теперь старательно делают вид, что не замечают друг друга. Я выросла в южной части города, где большинство семей жили от зарплаты до зарплаты, а дети рано привыкали различать звук проезжающего грузовика и полицейской машины. После окончания школы мне ужасно хотелось уехать куда-нибудь подальше, желательно в место с нормальным климатом и хотя бы минимальным количеством людей, знавших мою мать.

В двадцать два года я действительно попыталась начать новую жизнь, но через несколько месяцев вернулась в Грейнмарш, убедив себя, что это временное решение. С тех пор прошло пять лет, и я всё ещё продолжала называть собственное возвращение временным, хотя уже успела снять квартиру, устроиться на постоянную работу и выучить расписание автобусов лучше, чем некоторые водители.

— Ты опять задумалась о чём-то неприятном, — заметила Нора, когда мы устроились за столиком возле окна служебной столовой.

Я посмотрела на сэндвич, который только что купила, и подумала, что человек, отвечающий за питание сотрудников, определённо не испытывает к нам никаких тёплых чувств.

— Просто пытаюсь понять, почему все уверены, что работа с архивами должна быть скучной. По-моему, у меня сегодня куда больше поводов для беспокойства, чем у половины полицейского управления.

— Если ты продолжишь расследовать каждый странный звонок самостоятельно, тебе действительно придётся познакомиться с полицией гораздо ближе, чем хотелось бы.

Нора произнесла это шутливо, однако я заметила, что её всё ещё беспокоит запись Эйвери. Несколько раз она собиралась что-то спросить, но каждый раз передумывала, будто не хотела окончательно испортить нам обед. Вместо этого она начала рассказывать о благотворительном мероприятии, которое должно было состояться вечером в одном из дорогих отелей центра.

Организатором выступал фонд Вивьен Хейл, известной предпринимательницы, чьи фотографии регулярно появлялись в местных новостях. Последние несколько лет она занималась финансированием программ помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, и недавно объявила об открытии нового центра временного размещения. Я слышала об этом проекте, хотя никогда особенно не интересовалась деятельностью самой Вивьен.

Мать, напротив, считала её едва ли не главной благодетельницей города и каждый раз, когда видела интервью с ней по телевизору, обязательно замечала, что богатые люди всё-таки иногда способны приносить пользу обществу.

— Кстати, — произнесла Нора, отламывая кусочек сэндвича, — фонд Хейл ведь сотрудничал с той волонтёрской организацией, где ты раньше работала?

Я подняла взгляд от стакана и некоторое время пыталась

понять, почему этот вопрос вызвал у меня настолько неприятное чувство.

— Возможно, они участвовали в нескольких совместных программах, но я уже давно не имею к этому отношения.

— Я просто вспомнила, что ты рассказывала о помощи женщинам, которым требовалось временное жильё. Кажется, фонд занимается чем-то похожим.

Я кивнула, надеясь, что разговор на этом закончится. Пять лет назад, когда мне было двадцать два, я действительно участвовала в волонтёрской программе поддержки женщин, оказавшихся в тяжёлых жизненных обстоятельствах. Тогда мне казалось, что достаточно немного свободного времени и искреннего желания помогать, чтобы изменить хотя бы несколько чужих судеб. Большую часть работы составляли совершенно обыденные задачи: поиск доступного жилья, помощь с заполнением документов, сопровождение на собеседования и организация перевозок личных вещей.

Временами случались ситуации, когда женщинам требовалась срочная защита, и тогда сотрудники программы старались как можно быстрее организовать временное размещение в безопасных местах. Я относилась к этой работе серьёзно, хотя теперь понимала, насколько наивной была в некоторых вопросах. Несколько месяцев спустя произошло событие, после которого я ушла из организации и больше никогда не возвращалась к волонтёрству.

Нора знала только общие обстоятельства, поскольку даже

ей я не любила рассказывать о том периоде своей жизни, а она, при всех своих недостатках, умела понимать, когда лучше не задавать лишних вопросов.

— В любом случае сегодняшний приём наверняка будет ужасно скучным, — продолжила она, явно решив сменить тему. — Половина городского совета, куча бизнесменов, бесконечные речи о социальной ответственности и шампанское, которое стоит дороже моей недельной зарплаты.

— Звучит как место, где тебе определённо понравится.

— Я бы пошла исключительно ради шампанского, но меня туда, к сожалению, никто не приглашал.

Она улыбнулась, а я впервые за последние несколько часов позволила себе немного расслабиться. Мы ещё какое-то время обсуждали её нового знакомого, предстоящие выходные и планы на Рождество, после чего вернулись к работе, договорившись встретиться вечером в «Мерсере». Однако стоило мне снова сесть за компьютер, как мысли вернулись к Эйвери Кросс, и я поняла, что до разговора с Харрисом вряд ли смогу нормально сосредоточиться на остальных записях.

⁂

Кабинет Роберта Харриса находился в конце коридора, рядом с небольшим помещением, где хранились старые служебные журналы и оборудование, которое давно следовало списать. Начальник сидел за столом, внимательно изучая какие-то документы, и даже не предложил мне присесть, когда я объяснила причину своего визита. Он выслушал крат-

кое изложение обстоятельств, просмотрел распечатку карточки происшествия и несколько секунд рассматривал фотографию Эйвери, которую я приложила к материалам.

— Келлер, правильно ли я понимаю, что вы обнаружили несоответствие между сведениями из открытых источников и содержанием архивной записи, после чего решили самостоятельно выяснить обстоятельства происшествия?

Я постаралась не обращать внимания на раздражение, прозвучавшее в его голосе.

— Я обнаружила запись, закрытую как некорректное обращение, хотя содержание разговора указывает на возможное похищение нескольких женщин. Кроме того, в журнале отсутствуют сведения о подразделении, которому передали вызов, а сам оператор сообщил звонившей, что она официально мертва.

Харрис снял очки и положил их рядом с клавиатурой, после чего посмотрел на меня с выражением человека, которому уже порядком надоел разговор.

— И на основании этого вы полагаете, что необходимо проводить служебное расследование?

— Я полагаю, что необходимо хотя бы проверить, почему обращение закрыли без зарегистрированной реакции экстренных служб.

Он ещё раз просмотрел документы, затем сложил их в аккуратную стопку и придвинул к краю стола.

— Слоан, вы должны понимать, что наш отдел занимает-

ся хранением и технической обработкой информации, а не расследованием преступлений. Если материал относится к закрытому делу, сведения о нём могут быть ограничены, и это совершенно не означает, что кто-то допустил нарушение.

— Но запись не имеет отметки о закрытом расследовании, а сведения о переводе вызова вообще отсутствуют.

— Именно поэтому я и говорю, что речь, вероятнее всего, идёт о технической ошибке.

Мне захотелось спросить, почему он настолько уверенно объясняет всё техническим сбоем, даже не попытавшись изучить аудиофайл, однако я вовремя напомнила себе, что спор с начальником редко приводит к желаемому результату.

— Тогда я хотела бы направить запись на дополнительную проверку, — предложила я. — Если проблема действительно возникла во время переноса архива, технический отдел сможет восстановить недостающие сведения.

Харрис некоторое время смотрел на меня, словно решал, стоит ли продолжать разговор, а затем протянул руку за распечаткой.

— Оставьте документы здесь, я сам определю, требуется ли дополнительная проверка.

— Вы сможете сообщить мне результат?

— Если он будет иметь отношение к вашим непосредственным обязанностям.

Я почувствовала, что начинаю терять терпение.

— При всём уважении, мистер Харрис, речь идёт о жен-

щине, которая могла находиться в опасности, и я не понимаю, почему мы должны просто проигнорировать её обращение.

На этот раз он посмотрел на меня значительно внимательнее, и я почти сразу пожалела о выбранной формулировке.

— Я не предлагал ничего игнорировать, Келлер, и очень советую вам впредь внимательнее относиться к собственным словам. Вы обнаружили техническое несоответствие и передали его руководству, что полностью соответствует вашим обязанностям. Всё остальное находится вне вашей компетенции.

Мне пришлось сделать усилие, чтобы не ответить резко. Харрис никогда не повышал голос на сотрудников, но обладал неприятной способностью заставлять их чувствовать себя провинившимися школьниками даже тогда, когда никаких оснований для этого не было.

— Хорошо, — произнесла я, решив закончить разговор. — Тогда я отмечу обнаруженное несоответствие в итоговом отчёте.

Он кивнул и снова надел очки, давая понять, что больше не намерен обсуждать эту тему. Уже возле двери я услышала, как он окликнул меня, и обернулась, рассчитывая наконец получить хотя бы какое-нибудь объяснение.

— Слоан, ещё одно обстоятельство, — сказал Харрис, не поднимаясь из кресла. — Если запись действительно относится к закрытому расследованию, любые попытки самосто-

ятельно получить дополнительные сведения могут создать проблемы не только вам, но и нашему отделу. Я надеюсь, вы понимаете, о чём идёт речь.

Я ответила, что прекрасно понимаю, после чего вышла в коридор и направилась обратно к своему кабинету. Только усевшись за рабочий стол, я позволила себе признать, насколько сильно меня раздражает произошедший разговор. С одной стороны, Харрис был прав: я не имела ни полномочий, ни достаточной информации, чтобы самостоятельно расследовать обстоятельства исчезновения Эйвери Кросс. Более того, моя работа предполагала соблюдение определённых правил, которые существовали не просто ради удобства руководства.

Но с другой стороны, я никак не могла избавиться от ощущения, что начальник даже не попытался разобраться в ситуации, прежде чем объявить её обычным техническим несоответствием. Я открыла служебный журнал, собираясь внести окончательную отметку в отчёт, и обнаружила, что карточка происшествия всё ещё доступна для просмотра. Раз уж техническая проверка действительно входила в мои обязанности, я решила хотя бы удостовериться, что аудиофайл не был повреждён во время переноса и его регистрационные данные соответствовали сведениям в журнале.

Это казалось вполне разумным решением, хотя теперь я понимаю, что именно в тот момент перестала заниматься обычной архивной работой.

⁂

Сначала результаты выглядели совершенно нормально. Аудиофайл соответствовал установленному формату, его контрольная сумма совпадала с данными, зафиксированными после переноса, а длительность разговора не отличалась от указанной в карточке происшествия. Затем я открыла подробную историю изменений, рассчитывая определить, когда именно записи присвоили категорию «Некорректное обращение», и неожиданно обнаружила расхождение между временем поступления вызова и временем создания регистрационной карточки. Согласно основному журналу, звонок Эйвери Кросс поступил семнадцатого апреля в 02:47.

Однако карточку происшествия создали в 02:11 того же дня. Я несколько раз сверила данные, поскольку подобные ошибки иногда возникали из-за неправильной настройки системного времени, особенно при переносе материалов между серверами, расположенными в разных часовых поясах. Но оба значения относились к одной и той же локальной временной зоне, а сведения о создании карточки подтверждались несколькими независимыми полями. Получалось, что кто-то зарегистрировал обращение за тридцать шесть минут до того, как сам звонок вообще поступил в систему. Это уже не походило на обычную ошибку классификации.

Я открыла следующую строку и обнаружила, что категорию «Некорректное обращение» установили вручную в 02:14, то есть за тридцать три минуты до начала разговора.

Некоторое время я пыталась найти рациональное объяснение происходящему, перебирая возможные причины некорректного отображения времени, но каждая новая проверка лишь подтверждала первоначальные сведения. Особенно странным оказалось то, что операция закрытия была выполнена не обычным сотрудником диспетчерской службы, а пользователем, чья учётная запись имела специальное обозначение.

Вместо имени и фамилии система показывала цифровой идентификатор и небольшую служебную отметку.

*Внешний оператор. Вторичная линия обработки.*

Я перечитала эти слова и попыталась вспомнить, сталкивалась ли прежде с подобным подразделением. В городском управлении существовали отдельные линии для обработки медицинских вызовов, передачи обращений в пожарную службу и взаимодействия с подразделениями полиции, однако ни в одном из известных мне справочников не упоминалась вторичная линия обработки. Разумеется, я могла просто не знать о её существовании, особенно если речь шла о специализированной системе, доступ к которой имели лишь определённые сотрудники.

Но тогда возникал вопрос, почему оператор этой линии получил возможность закрыть обращение ещё до его поступления. Я открыла журнал доступа к записи и начала просматривать историю обращений. За восемь месяцев файл открывали всего несколько раз. Первые два просмотра относились

к апрелю, третий был зарегистрирован во время переноса данных, а последний произошёл сегодня утром. В 08:16. Я удивлённо посмотрела на экран, поскольку в это время ещё стояла в пробке на мосту и разговаривала с Норой, пытаясь убедить её предупредить Харриса о моём опоздании.

Получалось, что кто-то просмотрел запись меньше чем за час до того, как я впервые открыла её в рабочем каталоге. И этим человеком оказался тот же внешний оператор, чья учётная запись фигурировала в истории создания карточки. Меня не особенно удивило бы, если бы технический специалист проверял файлы перед их передачей на обработку, однако здесь не было никаких сведений о служебном запросе или плановом аудите. Кроме того, следующий пункт журнала указывал, что пользователь изменил параметры хранения записи.

Я открыла подробности и обнаружила распоряжение об автоматическом удалении исходного аудиофайла, назначенном на сегодняшний вечер. В графе времени исполнения значилось 23:59. Несколько минут я смотрела на сведения об операции, пытаясь понять, зачем удалять запись, которую только что направили на дополнительную техническую проверку. Насколько мне было известно, подобные материалы могли переводить в отдельные архивы или ограничивать к ним доступ, но окончательное удаление требовало соблюдения установленной процедуры и соответствующего разрешения.

Я раскрыла дополнительное поле, в котором должны были находиться сведения о сотруднике, согласовавшем операцию. На экране появилось моё имя.

*Келлер, Слоан М.*

Я перечитала строку, затем проверила служебный идентификатор и поняла, что никаких сомнений быть не может: распоряжение действительно было оформлено от имени моей учётной записи. При этом я совершенно точно не подтверждала удаление файла и до сегодняшнего утра даже не знала о его существовании. Первой мыслью было, что система неправильно указала пользователя после какой-нибудь автоматической операции, однако проверка способа авторизации заставила меня усомниться в этом объяснении.

В журнале значилось, что запрос прошёл обычную электронную проверку, а значит, кто-то воспользовался действующими служебными полномочиями. Я открыла историю собственных входов в систему. Утром моя учётная запись была активирована в 08:12, причём подключение произошло не с рабочего компьютера, закреплённого за мной, а с терминала, расположенного в восточной части Греймарша. В графе адреса значилось старое административное здание, которое, насколько я помнила, несколько лет назад серьёзно пострадало во время пожара и с тех пор практически не использовалось городскими службами.

Некоторое время я пыталась вспомнить, не могла ли случайно оставить активный сеанс на чужом устройстве, одна-

ко последний раз работала вне нашего отдела больше месяца назад, когда участвовала в проверке оборудования в новом диспетчерском центре. Ни в каких зданиях восточной части города я тогда не была. Я достала телефон и написала Норе, спрашивая, не пользовалась ли она утром моим компьютером. Подруга ответила почти сразу, заверив, что даже не подходила к моему столу до моего появления, после чего поинтересовалась, почему я задаю такие странные вопросы.

Я не стала объяснять всё сообщением, пообещав рассказать позже, и вернулась к рабочей программе. Теперь происходящее выглядело значительно серьёзнее обычной технической ошибки. Кто-то не только получил доступ к материалам, связанным с Эйвери Кросс, но и воспользовался моими служебными данными, чтобы оформить их удаление. Причём сделал это в тот самый день, когда я должна была проверить запись.

Я прекрасно понимала, что в подобной ситуации необходимо немедленно уведомить технический отдел и службу внутренней безопасности, поскольку любое промедление могло привести к дальнейшему несанкционированному использованию моей учётной записи. Но прежде чем отправить сообщение, я решила проверить, сохранились ли какие-нибудь дополнительные сведения, которые помогут установить обстоятельства произошедшего. Мне удалось открыть идентификатор внешнего оператора, зафиксированный в истории карточки, однако при попытке получить ин-

формацию о пользователе система сообщила, что его профиль неактивен.

Это означало, что запись о сотруднике по-прежнему существовала в базе, но доступ к соответствующей учётной записи был ограничен или прекращён. Я скопировала цифровой идентификатор в рабочий блокнот, записала время создания карточки и отметила сведения о последнем обращении к аудиофайлу. Затем составила служебное уведомление о подозрительной активности, указав, что распоряжение об удалении записи было оформлено без моего участия и что в журнале зафиксирован вход с неизвестного рабочего терминала.

Отправив сообщение через систему внутренней отчётности, я дополнительно запросила временную блокировку операции удаления до завершения проверки. Только после этого позволила себе немного расслабиться, поскольку теперь хотя бы существовало официальное подтверждение того, что я обнаружила нарушение и сообщила о нём ответственным сотрудникам. Я посмотрела на часы и поняла, что рабочий день практически закончился. За окном по-прежнему шёл дождь, сотрудники соседних кабинетов постепенно собирались домой, а в коридоре уже появилась уборщица с тележкой, которую она обычно возила по этажу после пяти часов.

Нора прислала очередное сообщение, напоминая о нашем ужине и настойчиво требуя не придумывать оправданий для отмены встречи. Я ответила, что обязательно приду, по-

сле чего начала собирать вещи. Именно тогда в правом углу экрана появилось уведомление об отклонении моего запроса. Система сообщала, что приостановка удаления невозможна из-за недостаточного уровня полномочий. Я нахмурилась и открыла карточку происшествия, собираясь проверить, действительно ли операция была передана на более высокий уровень согласования.

Однако вместо привычной страницы с техническими сведениями увидела сообщение, которого прежде не было.

*Материал передан под внешний контроль. Дальнейшее использование ограничено.*

Я попыталась открыть историю изменений, затем сам аудиофайл и наконец журнал маршрутизации, но каждый раз получала одинаковый отказ. Ещё несколько минут назад все эти сведения были доступны мне в рамках обычных служебных полномочий, а теперь кто-то последовательно закрывал доступ к ним, причём происходило это настолько быстро, что я невольно задумалась, не наблюдает ли неизвестный пользователь за моими действиями непосредственно сейчас. Конечно, подобное предположение могло оказаться обычным совпадением, поскольку запросы на изменение прав доступа иногда обрабатывались автоматически.

Но мне было трудно поверить, что система случайно решила ограничить сведения именно в тот момент, когда я попыталась предотвратить удаление записи. Я открыла отправленное служебное уведомление и убедилась, что оно по-

прежнему находится в журнале внутренней отчётности. Затем сохранила номер обращения в блокнот, выключила компьютер и некоторое время сидела за столом, пытаясь определить, какие действия следует предпринять дальше.

Возможно, Харрис уже получил сообщение и распорядился ограничить доступ к материалу до выяснения обстоятельств. Это объясняло бы внезапное изменение полномочий, хотя совершенно не объясняло ни странную дату создания карточки, ни использование моей учётной записи с неизвестного терминала. Мне не хотелось верить, что кто-то из сотрудников нашего управления сознательно пытается скрыть обстоятельства звонка, но всё больше деталей заставляли сомневаться в первоначальной версии о техническом сбое. Я убрала блокнот в сумку и направилась к выходу.

⁂

К тому времени, когда я вышла из здания, дождь немного усилился, а ветер с моря стал настолько неприятным, что мне пришлось почти сразу натянуть капюшон. Парковка была заполнена автомобилями сотрудников вечерней смены, и я некоторое время искала свою машину, пытаясь вспомнить, где именно оставила её утром. Обычно я парковалась возле западного ограждения, но из-за опоздания пришлось занять одно из свободных мест ближе к дальнему въезду.

Добравшись до автомобиля, я бросила сумку на пассажирское сиденье и несколько минут сидела с заведённым двигателем, наблюдая, как дворники размазывают дождевую

воду по лобовому стеклу. За последние часы я успела придумать множество возможных объяснений происходящему, но ни одно не казалось достаточно убедительным.

Вполне вероятно, что Эйвери Кросс действительно умерла шестого апреля, а девушка, назвавшаяся её именем, участвовала в какой-нибудь тщательно подготовленной инсценировке. Не исключено, что запись относилась к закрытой операции правоохранительных органов, сведения о которой по понятным причинам не были доступны обычным сотрудникам городского архива. Я даже допускала, что проблемы с регистрационными данными возникли после переноса информации со старого сервера, хотя подобное объяснение становилось всё менее правдоподобным по мере появления новых подробностей.

Но если существовала хотя бы небольшая вероятность того, что девушка действительно звонила из здания, где незаконно удерживали женщин, я не могла просто забыть о её просьбе. Особенно после того, как услышала, чем закончился разговор. Я вспомнила, как оператор сообщила Эйвери о её смерти, и попыталась представить, что чувствует человек, который узнаёт подобное, находясь в плену. Сама мысль казалась настолько абсурдной, что в обычных обстоятельствах я наверняка решила бы, что речь идёт о чьей-то неудачной шутке. Однако голос девушки не оставлял впечатления человека, который развлекается за чужой счёт.

Я достала телефон и открыла фотографию Эйвери, най-

денную в новостной статье. На снимке она стояла возле какого-то кафе, слегка прищурившись от солнца, и улыбалась так естественно, что было трудно представить её запертой в помещении без окон, где каждый разговор с посторонними мог закончиться наказанием. Мне вдруг захотелось узнать, какой она была до исчезновения, чем занималась, с кем дружила и действительно ли собиралась устроиться на работу, о которой говорилось в публикации.

Возможно, именно эта обычная фотография сделала произошедшее для меня чем-то большим, чем очередное несоответствие в архивных данных. За годы работы я научилась воспринимать информацию из служебных материалов достаточно отстранённо, иначе просто не смогла бы ежедневно слушать чужие трагедии. Но иногда за номером происшествия неожиданно обнаруживался человек, чья жизнь казалась настолько похожей на твою собственную, что привычная дистанция исчезала. Эйвери было двадцать шесть, когда она пропала. Мне недавно исполнилось двадцать семь.

До исчезновения она жила в обычном городе, искала работу и, вероятно, строила планы на будущее, не предполагая, что однажды её имя появится в полицейских сводках. Я подумала о Норе, которая ждала меня вечером в ресторане, о матери, наверняка собиравшейся позвонить ближе к выходным, и о собственной квартире, где меня не ждал никто, кроме давно забытой посуды в раковине. Мне было трудно представить, что всё это может исчезнуть из-за одной встре-

чи с незнакомым человеком. Я заблокировала телефон и наконец выехала с парковки.

Дорога домой занимала около двадцати минут, если не приходилось стоять в пробке возле центрального перекрёстка. Вечером движение обычно было спокойнее, поэтому я решила сначала заехать домой, принять душ и переодеться, а затем отправиться в «Мерсер», где Нора наверняка уже успеет заказать что-нибудь алкогольное и начнёт возмущаться моим отсутствием. На первом светофоре телефон снова завибрировал. Я мельком посмотрела на экран, ожидая увидеть очередное сообщение от подруги, но вместо этого обнаружила уведомление из служебной почты. Отправителем значился автоматический адрес системы внутренней отчётности.

Я дождалась зелёного сигнала, свернула на ближайшую стоянку и открыла письмо. В нём сообщалось, что обращение о несанкционированном использовании моей учётной записи принято к рассмотрению, однако доступ к связанным материалам временно ограничен до завершения проверки. Ниже находилась стандартная приписка о необходимости соблюдать конфиденциальность служебной информации. Я уже собиралась закрыть письмо, когда заметила время его отправки. 17:06. Получалось, что запрос обработали практически сразу после его подачи, хотя обычно подобные обращения рассматривали не менее нескольких рабочих часов.

Впрочем, при подозрении на нарушение безопасности система могла автоматически устанавливать ограничения, поэтому я решила пока не придавать этому обстоятельству особого значения. Гораздо сильнее меня беспокоило другое: если запись действительно собирались удалить в полночь, существовала вероятность, что к завтрашнему утру исходного файла уже не окажется в системе. Я ещё раз перечитала уведомление, затем открыла переписку с Норой и написала, что хочу поговорить с ней о произошедшем после ужина. Подруга ответила почти мгновенно, поинтересовавшись, не случилось ли чего-нибудь серьёзного.

Я заверила её, что со мной всё в порядке, хотя сама уже не была уверена, насколько убедительно это звучит. Прежде чем вернуться на дорогу, я достала из сумки блокнот и ещё раз посмотрела на записи, сделанные во время проверки. Имя Эйвери Кросс, две даты, время создания карточки происшествия и идентификатор неизвестного оператора занимали меньше половины страницы. Ниже я записала название подразделения, которое по-прежнему не могла найти ни в одном из известных мне служебных справочников.

*Вторичная линия обработки.*

Я провела пальцем по этим словам, пытаясь вспомнить, не слышала ли их когда-нибудь раньше. В обычной системе экстренных вызовов подобное название могло обозначать резервный канал связи или специальный порядок передачи обращений, однако тогда оно должно было фигурировать хо-

тя бы в одном из технических документов. Здесь же получалось, что подразделение существовало исключительно в истории одного звонка, поступившего от женщины, которую к тому моменту уже объявили погибшей.

Я закрыла блокнот и убрала его в сумку, решив, что завтра с утра первым делом уточню у Норы, можно ли проверить сведения о подобных линиях через внутренний справочник диспетчерской службы. Если ничего обнаружить не удастся, придётся снова обратиться к Харрису, а затем, возможно, непосредственно в технический отдел. Мне совершенно не хотелось превращать обычную проверку архивных материалов в многодневный конфликт с руководством, но ещё меньше хотелось однажды узнать, что я могла заметить важную ошибку и предпочла ничего не делать.

Когда я наконец вернулась на дорогу, дождь начал стихать, а сквозь низкие облака над портом проступили огни грузовых терминалов. Греймарш постепенно погружался в вечернюю суету, и всё вокруг выглядело настолько привычно, что происшествие в архиве на мгновение показалось мне чем-то далёким, почти нереальным. Я ещё не знала, что человек, воспользовавшийся моей учётной записью, прекрасно представлял, кто именно обнаружит аудиофайл. Не знала и того, что фотография с моего служебного удостоверения уже несколько часов находилась в материалах, которые не имели никакого отношения к работе городского управления.

Позднее я не раз возвращалась мыслями к этому вечеру,

пытаясь понять, существовал ли момент, когда ещё можно было отказаться от дальнейших поисков. Мне хотелось верить, что да, хотя теперь я уже не могла быть в этом уверена. Ведь к тому времени, когда я впервые услышала голос Эйвери Кросс, решение о моей судьбе уже было принято человеком, с которым мне ещё только предстояло познакомиться.

# Глава 2

**Дом напротив**

*Слоан Келлер*

*Греймарш, штат Редмонт. Понедельник, вечер.*

К восьми вечера я успела трижды передумать идти в «Мерсер», один раз пожалеть о том, что вообще согласилась на встречу, и потратить почти двадцать минут на поиски чёрных джинсов, которые, как выяснилось, всё это время находились в стиральной машине. В результате я стояла перед зеркалом в ванной, пытаясь привести в порядок волосы, пока Нора присылала одно сообщение за другим, настойчиво интересуясь, не собираюсь ли я отметить наше дружеское свидание своим отсутствием.

Последнее сообщение содержало фотографию бокала красного вина и весьма недвусмысленную угрозу заказать самое дорогое блюдо в меню за мой счёт. Я улыбнулась, отложила телефон и ещё раз посмотрела на собственное отражение.

Мама часто говорила, что я выгляжу старше своих лет, когда собираю волосы в тугой хвост. Мне же казалось, что дело вовсе не в причёске, а в выражении лица, с которым я обычно пыталась справиться с очередной неприятностью. Впрочем, в двадцать семь лет было уже несколько поздно переживать из-за подобных вещей, особенно учитывая, что

единственным мужчиной, которому предстояло увидеть меня сегодня вечером, вероятно, окажется официант. Я распустила волосы, позволив тёмным прядям свободно упасть на плечи, и вернулась в спальню за сумкой.

Квартира, которую я снимала последние два года, находилась на втором этаже небольшого кирпичного дома в северной части Харпер-стрит. В здании было всего шесть квартир, и большинство жильцов проживали здесь настолько давно, что относились к любому новому человеку с подозрением, которое постепенно сменялось почти родственническим любопытством.

Когда я только переехала, соседка с первого этажа, миссис Уэллер, трижды приходила ко мне с домашней выпечкой, прежде чем наконец призналась, что хотела узнать, не собираюсь ли я устраивать шумные вечеринки. Я заверила её, что обычно возвращаюсь с работы слишком уставшей даже для просмотра телевизора, после чего она неожиданно прониклась ко мне симпатией и начала оставлять возле моей двери небольшие пакеты с овощами из собственного огорода.

Это было мило, хотя однажды мне пришлось довольно долго объяснять Норе, почему в моём холодильнике одновременно лежали четыре кабачка и совершенно отсутствовали продукты, из которых можно приготовить нормальный ужин. Саму квартиру трудно было назвать особенно уютной, но она подходила мне по стоимости и расположению, а главное, находилась достаточно далеко от родительского дома,

чтобы мать не могла приезжать без предупреждения каждый раз, когда ей казалось, что я неправильно организую собственную жизнь.

В гостиной стоял старый диван, доставшийся от предыдущих жильцов, книжный шкаф, который я купила на распродаже и самостоятельно собирала почти шесть часов, и небольшой деревянный стол возле окна. Последний предназначался для работы, хотя в действительности чаще использовался в качестве места хранения неоплаченных счетов, книг и кружек, которые я почему-то постоянно забывала относить на кухню. Из двух окон гостиной открывался вид на противоположную сторону улицы, где между аккуратными жилыми домами стоял трёхэтажный особняк, построенный, вероятно, ещё в начале прошлого века.

Когда-то он принадлежал семье местного врача, но после смерти последнего владельца здание несколько лет оставалось пустым. Время постепенно уничтожало остатки прежней респектабельности: краска на деревянных оконных рамах облупилась, небольшая веранда просела, а сад за металлической оградой настолько зарос, что летом почти полностью скрывал нижний этаж. Дом несколько раз выставляли на продажу, однако желающих приобрести старое здание, требовавшее дорогостоящего ремонта, по всей видимости, не находилось.

Я привыкла видеть его каждый день и почти перестала обращать внимание на мрачноватый фасад, хотя Нора упорно

утверждала, что жить напротив такого места может только человек, добровольно работающий с записями чужих трагедий. Проверив, выключила ли свет на кухне, я взяла ключи и направилась к выходу, но уже возле двери вспомнила о рабочем блокноте, который оставила в сумке после возвращения домой. Я поколебалась, затем достала его и положила в ящик стола.

Весь вечер мне хотелось ещё раз перечитать сведения об Эйвери Кросс, хотя я прекрасно понимала, что ничего нового там не обнаружу. В блокноте находились лишь несколько дат, служебный идентификатор неизвестного пользователя и название подразделения, существование которого мне так и не удалось подтвердить. Тем не менее сам факт, что кто-то воспользовался моей учётной записью, продолжал беспокоить меня гораздо сильнее, чем я готова была признать.

На работе подобные случаи происходили крайне редко, и обычно виновником оказывался сотрудник, забывший выйти из системы на общем компьютере. Однако в моём случае подключение было выполнено из здания, в котором я никогда не работала, а операция касалась конкретного файла, доступ к которому ограничили сразу после моей попытки предотвратить его удаление. Я закрыла ящик, решив вернуться к этому вопросу завтра, когда смогу поговорить с техническим отделом.

Телефон снова завибрировал, и я увидела сообщение от Норы с обещанием лично приехать за мной, если не появ-

люсь в ресторане в течение ближайших пятнадцати минут. Пришлось поторопиться.

⁂

«Мерсер» находился на первом этаже старого здания неподалёку от центральной площади Греймарша и пользовался популярностью у людей, которые хотели поужинать в приличном месте, но не были готовы тратить половину месячной зарплаты на блюдо размером с ладонь. Внутри всегда было немного шумно, особенно по пятницам, однако в понедельник посетителей оказалось сравнительно мало, и я почти сразу заметила Нору за столиком у окна. Перед ней стояли два бокала, небольшая тарелка с оливками и корзинка с хлебом, от которой она уже успела отломить приличный кусок.

— Я начинаю подозревать, что ты специально опаздываешь, чтобы заставить меня пить в одиночестве, — заявила она вместо приветствия.

Я сняла куртку и села напротив, чувствуя приятное тепло после прохладного вечернего воздуха.

— Если бы я хотела заставить тебя пить в одиночестве, мне вообще не пришлось бы ничего делать. Ты прекрасно справляешься самостоятельно.

Нора придвинула ко мне бокал.

— Я заказала тебе вино, потому что ты всё равно попросила бы то же самое, а ещё потому, что после сегодняшнего дня ты выглядела так, будто собиралась добровольно вер-

нуться в архив и провести там ночь.

— Я действительно об этом думала, но потом вспомнила, что Харрис наверняка потребует объяснительную за использование электричества в нерабочее время.

Она рассмеялась и подозвала официанта, после чего мы заказали ужин и некоторое время обсуждали обычные рабочие неприятности. Нора рассказала о новом сотруднике диспетчерской, который во время учебного звонка перепутал адреса и отправил полицейский наряд к зданию городского суда вместо ближайшей автозаправки. Я поделилась историей о том, как один из архивных файлов оказался подписан именем сотрудника технической поддержки, хотя на записи совершенно отчётливо слышался разговор о краже садового инвентаря.

Мы обе смеялись, возможно, немного громче, чем следовало, и постепенно я начала чувствовать, что напряжение последних часов отступает. Однако стоило официанту принести еду и ненадолго оставить нас одних, как Нора отложила вилку и внимательно посмотрела на меня.

— Теперь рассказывай, что произошло после обеда. Ты прислала мне какие-то странные сообщения, а потом исчезла почти на два часа.

Я некоторое время рассматривала содержимое тарелки, собираясь с мыслями.

— Помнишь запись, которую мы слушали утром?

— Естественно. Такие вещи трудно забыть за несколько

часов.

— Я нашла кое-что в техническом журнале, и теперь совершенно не понимаю, стоит ли вообще продолжать заниматься этим делом.

Нора подалась вперёд, ожидая объяснений, и я рассказала ей о времени создания карточки происшествия, неизвестном внешнем операторе и распоряжении об удалении файла, которое кто-то оформил от моего имени. Чем дольше я говорила, тем внимательнее становилась подруга, а когда упомянула о подключении из восточного административного сектора, она даже перестала притрагиваться к еде.

— Ты сообщила об этом в службу безопасности? — спросила она, когда я закончила.

Я кивнула и объяснила, что отправила официальное уведомление, но почти сразу после этого лишилась доступа к записи. Нора задумчиво провела пальцем по ножке бокала.

— Мне не нравится вся эта история, Слоан. Я могу представить ошибку в датах или неправильно настроенную систему маршрутизации, но если кто-то использовал твою учётную запись, чтобы удалить конкретный файл, это уже совершенно другой разговор.

— Возможно, проблема связана с переносом данных, и мой идентификатор просто оказался в неправильном поле.

— Тогда почему система зафиксировала вход с другого терминала?

Я не нашлась с ответом, поскольку задавала себе тот же

вопрос практически весь день. Нора некоторое время молчала, после чего осторожно спросила:

— Ты ведь не пыталась самостоятельно сохранить копию записи на личный компьютер?

— Нет, конечно. Я прекрасно понимаю, чем это может закончиться, особенно если материал действительно относится к закрытому расследованию.

— Хорошо, потому что последнее, что нам сейчас нужно, — твой увольнительный приказ.

Я улыбнулась, хотя в глубине души совсем не была уверена, что служебная проверка не приведёт именно к такому результату. Мы ещё некоторое время обсуждали возможные технические причины произошедшего, пока Нора не призналась, что никогда не слышала о подразделении под названием «Вторичная линия обработки». Она предположила, что это может быть внутреннее обозначение резервного канала связи, доступного лишь определённым сотрудникам, но сама выглядела не особенно убеждённой.

— Завтра я попробую узнать у наших системных администраторов, существует ли вообще что-нибудь с таким названием, — пообещала она. — Только, пожалуйста, не устраивай самостоятельное расследование до того, как мы получим хотя бы какое-нибудь официальное объяснение.

Я заверила её, что пока не собираюсь заниматься ничем подобным, хотя прекрасно понимала, что это обещание будет гораздо проще выполнить, если завтра утром обнаружит-

ся обычная ошибка в работе оборудования. Некоторое время мы молчали, слушая негромкую музыку и разговоры за соседними столиками, пока Нора вдруг не поинтересовалась, почему история Эйвери настолько сильно меня задела. Я уже собиралась ответить, что дело исключительно в профессиональном интересе, но поймала себя на мысли, что это будет не совсем правдой.

— Наверное, потому что она почти моего возраста, — призналась я. — До исчезновения у неё была обычная жизнь, семья, какие-то планы, а потом всё закончилось, и теперь даже непонятно, действительно ли она умерла.

Нора посмотрела на меня внимательнее, чем прежде.

— Ты не обязана спасать каждого человека, Слоан.

Я невольно усмехнулась.

— Учитывая мою должность, это было бы довольно затруднительно.

— Я серьёзно. Ты иногда начинаешь чувствовать ответственность за вещи, которые совершенно от тебя не зависят, а потом неделями мучаешься из-за того, что не смогла ничего изменить.

Я отвела взгляд к окну, за которым медленно проезжали автомобили. Подруга знала обо мне достаточно, чтобы подобные замечания не казались случайными, и всё же мне не хотелось обсуждать причины, по которым я так болезненно реагировала на некоторые истории.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — произнесла я,

возвращаясь к ужину.

Нора не стала спорить, хотя по её лицу было видно, что она придерживается другого мнения. К счастью, почти сразу ей позвонил новый знакомый, о котором она рассказывала утром, и разговор постепенно перешёл на более приятные темы.

⁂

Около половины десятого я оставила Нору возле ресторана и направилась к парковке, где стояла моя машина. Подруга собиралась встретиться с кем-то из знакомых, поэтому мы договорились созвониться на следующий день, хотя перед расставанием она ещё раз попросила меня не засиживаться ночью за чтением материалов об Эйвери Кросс. Я пообещала лечь спать пораньше, не уточняя, что подобные обещания обычно имеют весьма приблизительное отношение к действительности. По дороге домой я позвонила матери.

Она ответила после третьего гудка и почти сразу спросила, почему я не звонила в выходные, хотя прекрасно знала, что сама могла набрать меня в любой момент.

— Я работала в субботу, а в воскресенье занималась домашними делами, — объяснила я, останавливаясь на красный сигнал светофора.

— Ты всегда работаешь, Аня, — сказала мама, по привычке сокращая моё имя на манер, который сохранился ещё с детства. — В твоём возрасте люди должны хоть иногда отдыхать.

— Спасибо за напоминание о возрасте, я как раз собиралась начать переживать из-за приближающихся тридцати.

Она не оценила шутку и вместо этого принялась расспрашивать, нормально ли я питаюсь, не забыла ли записаться к стоматологу и когда наконец собираюсь приехать в гости. Я отвечала привычными короткими репликами, иногда улыбаясь её замечаниям, и постепенно почувствовала себя немного спокойнее. Мать жила в соседнем округе, примерно в часе езды от Греймарша, и после моего переезда регулярно пыталась убедить меня вернуться поближе к семье. Иногда мне казалось, что она искренне считает мою самостоятельную жизнь каким-то временным недоразумением, которое рано или поздно обязательно исправится.

Разговор продолжался почти пятнадцать минут, пока она неожиданно не упомянула о благотворительном мероприятии Вивьен Хейл.

— Я сегодня видела по телевизору, что они снова собирают деньги для женщин, которым некуда обратиться за помощью. Помнишь, ты ведь раньше участвовала в похожей программе?

Я крепче сжала руль, хотя прекрасно понимала, что мать не вкладывает в вопрос никакого скрытого смысла.

— Помню, мам, но это было довольно давно.

— Может быть, стоило бы снова чем-нибудь таким заняться? Ты ведь тогда так увлечённо об этом рассказывала.

— Я сейчас слишком много работаю, чтобы брать на себя

дополнительные обязанности.

Она вздохнула, и я почти физически ощутила, как на другом конце линии готовится очередное рассуждение о том, что необходимо найти правильный баланс между работой и личной жизнью. К счастью, вместо этого мать спросила, не собираюсь ли я приехать на День благодарения, и разговор постепенно вернулся к обычным семейным планам. Когда мы попрощались, до дома оставалось меньше десяти минут.

Я включила радио, но после нескольких раздражающих рекламных роликов выключила его и продолжила ехать в тишине, размышляя о том, насколько странно в течение одного дня услышать сразу несколько упоминаний о собственном волонтёрском прошлом. Разумеется, в этом не было ничего необычного. Вивьен Хейл действительно организовывала крупное мероприятие, а моя мать всегда с интересом следила за подобными новостями, особенно когда они касались благотворительности. И всё же неприятное чувство, возникшее ещё во время разговора с Норой, никак не желало исчезать.

Я давно убедила себя, что пять лет назад сделала всё, что могла, и не обязана бесконечно возвращаться к событиям, изменить которые уже невозможно. Однако иногда достаточно было услышать название знакомой организации, чтобы воспоминания вновь становились настолько отчётливыми, словно всё произошло совсем недавно. Мне не хотелось думать об этом сегодня, поэтому я сосредоточилась на доро-

ге и постаралась не возвращаться мыслями к прошлому.

⁂

На Харпер-стрит было непривычно безлюдно. Обычно возле небольшого круглосуточного магазина на углу собирались несколько местных жителей, которые любили обсуждать новости, стоя под навесом и куря сигареты, но в этот вечер вход оказался пустым. Я припарковалась возле дома, забрала сумку с пассажирского сиденья и направилась к подъезду, по дороге машинально проверяя, не оставила ли включёнными фары. На первом этаже пахло свежей выпечкой и средством для мытья полов, а из квартиры миссис Уэллер доносились звуки телевизора.

Я уже поднялась на несколько ступеней, когда соседка приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

— Слоан, дорогая, это ты?

Я остановилась и обернулась. Миссис Уэллер была невысокой женщиной лет семидесяти, с аккуратно уложенными седыми волосами и привычкой носить дома длинные вязаные кардиганы независимо от времени года. Она жила одна после смерти мужа и, насколько я понимала, знала практически всё, что происходило на нашей улице.

— Добрый вечер, миссис Уэллер. У вас всё хорошо?

— Разумеется, милая. Просто хотела спросить, не видела ли ты сегодня людей возле старого дома напротив?

Я посмотрела в сторону входной двери, хотя с лестницы особняк всё равно не был виден.

— Нет, я только что приехала. А что случилось?

Соседка слегка нахмурилась.

— Днём возле него стоял какой-то автомобиль, и двое мужчин долго ходили вокруг участка. Один даже открывал калитку, хотя я совершенно уверена, что дом до сих пор никому не продали.

— Возможно, приезжали сотрудники агентства недвижимости?

— Может быть, но обычно они заранее предупреждают соседей, если собираются проводить осмотр. Во всяком случае, раньше предупреждали.

Я улыбнулась, поскольку прекрасно знала, что миссис Уэллер воспринимает любые события на Харпер-стрит как вопросы, требующие её непосредственного участия.

— Наверняка кто-нибудь решил наконец купить это здание. Может быть, нам даже повезёт и его приведут в порядок.

— Дай бог, — вздохнула она. — Хотя я бы предпочла, чтобы туда переехала приличная семья, а не очередные люди, которые будут устраивать вечеринки до утра.

Мы ещё несколько минут поговорили о погоде и ремонте дороги, после чего я пожелала соседке спокойной ночи и поднялась к себе. Пока искала ключи, я невольно вспомнила её слова об автомобиле возле пустующего дома. Само по себе это не выглядело чем-то странным, поскольку здание уже несколько раз осматривали потенциальные покупатели. Иногда возле него появлялись рабочие, которые проверяли

состояние крыши, окон или инженерных коммуникаций, а однажды туда даже приезжала съёмочная группа местного телеканала, готовившая репортаж об исторических зданиях Греймарша.

Тем не менее я подошла к окну гостиной почти сразу после того, как включила свет. Особняк напротив выглядел точно так же, как всегда: тёмный фасад, заросший двор и узкие окна второго этажа, в которых отражались огни уличных фонарей. Возле ворот действительно виднелись следы автомобильных шин на влажной земле, но больше ничего необычного я не заметила. Я уже собиралась отойти, когда обратила внимание, что калитка, обычно закрытая на старую металлическую цепь, теперь слегка приоткрыта. Возможно, днём кто-то просто забыл её запереть.

Я решила, что завтра при случае расскажу об этом миссис Уэллер, хотя совершенно не сомневалась, что она и без меня будет следить за происходящим.

⁂

Дома я первым делом переоделась в старые спортивные брюки и широкую футболку, которую когда-то купила на музыкальном фестивале, а затем отправилась на кухню готовить чай. После ресторанного ужина есть не хотелось, однако привычка чем-нибудь занимать руки, когда я нервничала, оказалась сильнее здравого смысла, поэтому вскоре на столе появились кружка, тарелка с печеньем и открытая упаковка шоколада. Я включила телевизор, выбрала сериал, который

смотрела последние несколько недель, и устроилась на диване, надеясь провести остаток вечера без каких-либо мыслей о работе.

Первые двадцать минут всё шло вполне успешно, пока один из персонажей не произнёс что-то об исчезнувшей женщине, после чего я неожиданно поймала себя на том, что снова думаю об Эйвери Кросс. Раздражённо выключив телевизор, я взяла телефон и открыла сохранённую утром новостную статью. На фотографии Эйвери улыбалась в камеру, слегка повернув голову, а за её спиной виднелась часть летней террасы какого-то заведения. Я увеличила изображение, пытаясь рассмотреть детали, хотя прекрасно понимала, что фотография не имеет никакого отношения к обстоятельствам звонка. Мне просто хотелось увидеть её живой.

Возможно, подобное желание выглядело странно для человека, который большую часть рабочего времени проводил с архивами чужих трагедий, но иногда именно фотографии помогали вспомнить, что за каждым номером происшествия существовала полноценная человеческая жизнь. Я открыла другую публикацию, посвящённую поискам Эйвери, и начала читать комментарии, оставленные под ней ещё весной. Большинство содержало обычные слова поддержки родственникам, предложения помощи и бессмысленные предположения о том, что могло произойти с девушкой.

Однако один комментарий, опубликованный за несколько дней до обнаружения тела, привлёк моё внимание. Поль-

зователь без фотографии утверждал, что видел Эйвери в компании неизвестной женщины возле автобусной станции, причём обе выглядели совершенно спокойными, словно собирались отправиться в обычную поездку. Под сообщением находилось несколько ответов с просьбой связаться с полицией, но сам автор больше ничего не написал. Я сделала заметку в телефоне, хотя и понимала, что доверять подобным сообщениям без проверки не стоит.

После громких исчезновений всегда появлялись люди, уверенные, что видели пропавшего человека в самых неожиданных местах, и далеко не все подобные свидетельства имели хоть какое-нибудь отношение к действительности. Всё же мне хотелось завтра проверить, упоминалась ли эта женщина в официальных материалах. Я уже собиралась закрыть статью, когда телефон завибрировал от входящего сообщения. На экране появилось имя Норы.

*Ты дома?*

Я ответила, что приехала почти час назад, после чего подруга прислала фотографию своего кота, растянувшегося на подушке, и сообщила, что теперь у неё нет даже теоретической возможности нормально лечь спать. Я улыбнулась и попросила передать животному, что полностью поддерживаю его жизненную позицию. Переписка продолжалась ещё несколько минут, пока Нора не пожелала мне спокойной ночи и не напомнила о необходимости хотя бы иногда отключаться от работы. Я положила телефон на стол и посмотрела

на часы. Без четверти одиннадцать.

Завтра нужно было вставать в семь, поэтому я решила, что разумнее всего будет принять душ и лечь спать, даже если уснуть сразу не получится. Перед тем как отправиться в ванную, я подошла к окну, собираясь закрыть шторы. Улица постепенно пустела, и лишь изредка мимо проезжали автомобили, освещая мокрый асфальт фарами. В окнах соседних домов кое-где горел свет, а на первом этаже нашего здания миссис Уэллер, судя по всему, наконец выключила телевизор. Я уже взялась за край шторы, когда заметила какое-то движение на втором этаже особняка напротив.

Сначала мне показалось, что в оконном стекле просто отразились фары проезжавшей машины, однако спустя несколько секунд я различила человеческую фигуру. Кто-то стоял возле окна в комнате, которая, насколько мне было известно, оставалась пустой уже несколько лет. Я невольно приблизилась к стеклу, пытаясь рассмотреть незнакомца. Освещения внутри дома не было, поэтому различить черты лица или одежду оказалось невозможно. Я видела лишь высокую тёмную фигуру, неподвижно стоявшую немного в глубине помещения.

Возможно, это был один из мужчин, о которых рассказывала миссис Уэллер, и они действительно занимались осмотром здания перед продажей. Однако время для подобных занятий казалось довольно странным. Я посмотрела на часы, затем снова на окно особняка. Незнакомец не двигался. Мне

пришло в голову, что он мог вовсе не смотреть в мою сторону, поскольку с такого расстояния невозможно определить направление взгляда человека, находящегося в тёмной комнате. Тем не менее я испытывала неприятное ощущение, знакомое каждому, кто хотя бы однажды случайно замечал чужое внимание, не понимая, чем его заслужил.

Я немного отступила от окна, не желая стоять на виду, и осторожно выглянула из-за шторы. Фигура по-прежнему находилась на прежнем месте. При этом незнакомец не пытался скрыться и, похоже, совершенно не беспокоился о том, что его могут заметить с улицы. Я достала телефон и открыла камеру, надеясь хотя бы приблизительно рассмотреть человека через увеличение изображения. Однако пока настраивала фокус, фигура отошла от окна и исчезла в глубине комнаты. Я сделала несколько снимков пустого проёма, после чего опустила телефон и некоторое время продолжала наблюдать за особняком. Больше никто не появился.

Здравый смысл подсказывал, что я просто увидела человека, который имел какое-то отношение к осмотру здания, и в любой другой вечер наверняка не придала бы этому значения. Но после странной истории с записью Эйвери Кросс мои мысли явно были настроены на поиск неприятностей даже там, где их могло не существовать. Я закрыла шторы и отправилась в ванную, решив, что утром обязательно спрошу миссис Уэллер, не знает ли она, кому теперь принадлежит дом.

⁂

После душа я ещё некоторое время читала книгу, но сосредоточиться на сюжете никак не удавалось. Меня раздражало, что обычное происшествие за окном сумело настолько легко выбить из привычного состояния, хотя никаких реальных оснований для беспокойства у меня не было. Сама по себе мысль о том, что кто-то находится в пустующем здании, не представляла ничего необычного. Возможно, новые владельцы решили осмотреть помещения вечером, поскольку днём были заняты работой, или кто-нибудь из местных подростков пробрался внутрь ради развлечения.

В Греймарше хватало заброшенных домов, которые регулярно привлекали любителей подобных приключений. И всё же мне не нравилось, что незнакомец стоял именно возле окна, выходившего на мою квартиру. Я понимала, насколько нелепо делать из этого какие-либо выводы, поэтому попыталась отвлечься чтением, но спустя несколько страниц обнаружила, что совершенно не помню содержание последних абзацев. Пришлось отложить книгу и выключить прикроватную лампу. Комната постепенно погрузилась в привычный полумрак, который лишь немного нарушал свет уличного фонаря, пробивавшийся через неплотно закрытые шторы.

Я лежала на боку, прислушиваясь к звукам старого здания, и мысленно составляла список дел на завтрашний день. Нужно было узнать, что произошло с моим служебным обращением, поговорить с техническими специалистами, про-

верить историю входов в систему и, если получится, выяснить, почему запись Эйвери Кросс оказалась среди материалов, предназначенных для автоматического удаления. Кроме того, я обещала матери приехать на День благодарения и совершенно забыла записаться к стоматологу, о чём она наверняка напомнит во время следующего разговора.

Постепенно мысли стали путаться, и я почти уснула, когда с улицы донёсся звук автомобильной двери. В другое время я даже не обратила бы внимания, поскольку на Харпер-стрит люди регулярно возвращались домой поздно вечером, но теперь невольно прислушалась. Затем послышались негромкие голоса, которые быстро стихли, после чего двигатель автомобиля завёлся и машина уехала. Я посмотрела на телефон. 00:18. Любопытство оказалось сильнее желания спать. Поднявшись с кровати, я подошла к окну спальни, расположенному немного дальше от улицы, и осторожно отодвинула край шторы.

Из этого положения особняк напротив был виден лишь частично, зато хорошо просматривалась калитка, ведущая во двор. Она была закрыта. Я прищурилась, пытаясь понять, не ошиблась ли раньше, когда заметила, что металлическая створка осталась приоткрытой после дневного визита неизвестных мужчин. Возможно, кто-то просто вернулся и привёл участок в порядок. Я уже собиралась вернуться в постель, когда заметила человека возле боковой стены особняка. Он стоял рядом с узким проходом между домом и сосед-

ним гаражом, где почти не было света, поэтому я не могла определить даже приблизительный возраст.

Незнакомец что-то держал в руке, периодически опуская голову, словно проверял телефон. Через несколько секунд он направился к воротам, но вместо того чтобы выйти на улицу, остановился и посмотрел в сторону моего дома. Я невольно отступила от окна. Конечно, человек мог просто осматривать соседние здания или пытаться понять, где припарковал автомобиль, однако мне совершенно не хотелось обнаружить, что он заметил моё присутствие. Подождав немного, я снова выглянула наружу. Возле ворот уже никого не было.

Несколько минут я стояла у окна, пытаясь решить, стоит ли позвонить в полицию и сообщить о возможном проникновении в пустующий дом. В конце концов решила, что пока для этого недостаточно оснований, особенно учитывая слова миссис Уэллер о дневном посещении здания какими-то мужчинами. Если утром выяснится, что новые владельцы действительно проводили осмотр, я только выставлю себя чрезмерно подозрительной соседкой. Я вернулась в спальню и всё-таки легла, хотя ещё довольно долго не могла уснуть.

⁂

Утром меня разбудил телефонный звонок матери. Я с трудом нашла аппарат среди подушек и ответила, даже не посмотрев на время.

— Слоан, ты ещё спишь? — спросила она таким тоном, словно застала меня за чем-то совершенно недопустимым.

— Мам, сейчас семь утра, а я легла после полуночи. Что случилось?

Она объяснила, что всего лишь хотела уточнить дату моего приезда на праздник, поскольку собиралась заранее заказать продукты и не хотела потом выяснять, что я решила провести выходные где-нибудь ещё. Я пообещала приехать, попросила дать мне хотя бы десять минут прийти в себя и, закончив разговор, направилась на кухню включать кофеварку. Вчерашний вечер постепенно возвращался в память, хотя события с незнакомцем в пустующем доме уже не казались настолько тревожными. При дневном свете всё выглядело значительно прозаичнее. Я подошла к окну гостиной и посмотрела на особняк.

Солнце, редкий гость в ноябрьском Греймарше, освещало верхнюю часть фасада, позволяя впервые за долгое время рассмотреть облупившуюся краску на оконных рамах и повреждённый водосток возле крыши. Никаких признаков присутствия людей не наблюдалось, а калитка действительно оказалась закрыта. Я улыбнулась собственной ночной подозрительности и уже собиралась вернуться к кофеварке, когда заметила на столе телефон, который оставила там после вчерашних попыток сфотографировать незнакомца. Открыв галерею, я пролистала несколько снимков тёмного окна.

Первые два оказались практически бесполезными: камера сфокусировалась на отражении света, и различить что-либо за стеклом было невозможно. На третьем изображении окон-

ный проём выглядел немного отчётливее. Я увеличила фотографию и некоторое время рассматривала тёмное помещение, пытаясь найти хотя бы приблизительные очертания человеческой фигуры. Именно тогда я заметила то, на что совершенно не обратила внимания вечером. В глубине комнаты, за оконной рамой, виднелся небольшой прямоугольный предмет, установленный примерно на уровне подоконника.

На первый взгляд он напоминал коробку или часть старой мебели, однако после увеличения фотографии я различила узкую металлическую стойку и прикреплённый к ней корпус. Я нахмурилась, повернула телефон горизонтально и попыталась рассмотреть изображение внимательнее. Качество снимка не позволяло сделать никаких определённых выводов, но предмет удивительно напоминал небольшой фотоаппарат, установленный на штативе. Я посмотрела на окно особняка, затем снова на экран.

Возможно, новые владельцы фотографировали помещения для оценки состояния здания или подготовки документов перед продажей. Подобное объяснение казалось совершенно разумным, особенно если учитывать, что днём возле дома действительно находились посторонние люди. Но меня смущало расположение предполагаемого штатива. Судя по фотографии, он стоял не посреди комнаты и не возле противоположной стены, где удобнее было бы снимать интерьер, а непосредственно напротив окна, выходившего на Харпер-стрит.

Я ещё несколько секунд рассматривала изображение, пытаясь определить направление объектива, однако разрешение камеры оказалось недостаточным. В конце концов я сохранила снимок в отдельную папку и решила, что вечером поговорю с миссис Уэллер, а при необходимости свяжусь с агентством, занимавшимся продажей особняка. Возможно, всё это действительно было обычным совпадением, которому я придавала слишком большое значение после тяжёлого рабочего дня. Но пока я собиралась на работу, мне несколько раз приходила в голову одна и та же мысль.

Из окон второго этажа пустующего дома открывался почти прямой обзор на мою гостиную. И если незнакомец действительно установил там камеру, ему совершенно необязательно было находиться возле окна, чтобы видеть происходящее у меня дома.

# Глава 3

**Девушка без имени**

*Кэссиди Брукс*

*Греймарш, штат Редмонт. Вторник.*

Ханна Портер продержалась на свободе сорок три секунды, прежде чем Уоррен ударил её резиновой дубинкой под колено, заставив рухнуть на мокрый бетон возле служебных ворот. Я видела это через открытую дверь погрузочного помещения, где мы с Джун разбирали очередную партию белья, и до сих пор не могу объяснить, почему самым отчётливым воспоминанием о том утре остался не крик девушки, а звук, с которым её коленная чашечка встретилась с неровной поверхностью двора. Она не сразу поняла, что больше не сможет бежать.

Попыталась подняться, опираясь на ладони, но повреждённая нога подогнулась, и Ханна снова упала, успев выставить руку перед лицом. Уоррен подошёл к ней неторопливо, словно не видел необходимости торопиться теперь, когда побег окончательно провалился, и наступил ботинком на край её широкой футболки, прижимая ткань к земле.

— Ну и куда ты собралась, красавица? — спросил он, наклоняясь.

Ханна дёрнулась, пытаясь высвободить одежду, однако мужчина схватил её за волосы у основания затылка и заста-

вил поднять голову. Из носа девушки текла кровь, тонкая красная дорожка уже успела пересечь верхнюю губу и подбородок. Она тяжело дышала, явно не понимая, что произошло с ногой, а когда охранник потребовал подняться самостоятельно, попыталась объяснить, что не может. Уоррен ответил ударом ладони по лицу. Я непроизвольно сделала шаг к двери, но Джун схватила меня за предплечье с такой силой, что позже на коже остались следы её пальцев.

— Даже не думай, — прошептала она, не отпуская меня. — Ты знаешь, чем это закончится.

Я действительно знала. За одиннадцать месяцев мне довелось увидеть достаточно, чтобы перестать верить в возможность остановить подобное насилие обычной просьбой. Здесь не существовало человека, которому можно было пожаловаться на жестокость охраны, поскольку сами охранники действовали с разрешения тех, кто распоряжался нашей жизнью. И всё же смотреть на происходящее было почти невыносимо.

Ханна была у нас всего четыре дня. Ей недавно исполнилось двадцать, она училась на медицинскую сестру и до сих пор продолжала спрашивать, когда сможет позвонить старшей сестре. В первую ночь она почти не спала, потому что не могла понять, почему никто не сообщает полиции о нашем местонахождении, а вчера попыталась убедить меня, что мы должны объединиться и потребовать встречи с руководством.

Мне хотелось сказать ей, что здесь нет никакого руководства, заинтересованного в наших требованиях, но я промолчала, поскольку объяснить происходящее человеку, который ещё несколько дней назад жил совершенно обычной жизнью, оказалось гораздо сложнее, чем я предполагала. Теперь она лежала на бетоне, пока Уоррен связывал ей руки пластиковым хомутом. Грэм, прибежавший следом, остановился возле них и несколько секунд пытался восстановить дыхание.

— Эта сука чуть не добралась до дороги, — выдохнул он. — Если бы ворота были открыты, пришлось бы ловить её за территорией.

— Тогда тебе повезло, что я умею делать свою работу, — ответил Уоррен.

Он поднял Ханну за связанные руки, и та вскрикнула, когда повреждённая нога коснулась земли. Мужчина даже не посмотрел на неё, продолжая тащить к зданию, а Грэм пошёл впереди, раздражённо стряхивая грязь с брюк. Я отступила от двери, когда они приблизились. Ханна заметила меня почти сразу. В её взгляде было столько отчаянной надежды, что мне захотелось отвернуться, но я заставила себя остаться на месте.

— Кэссиди, пожалуйста, — произнесла она, спотыкаясь на пороге. — Скажи им, что я ничего не сделала.

Я открыла рот, однако ответить не успела. Грэм ударил её кулаком в живот. Удар оказался настолько неожиданным, что девушка согнулась пополам, пытаясь вдохнуть, но свя-

занное положение рук не позволяло даже нормально удерживать равновесие. Уоррен подхватил её за плечо, не давая упасть, и с раздражением посмотрел на напарника.

— Не здесь, идиот. Ривз сказала привести её в общую комнату.

— Тогда пусть заткнётся.

Я стояла в нескольких шагах, чувствуя, как желудок болезненно сжимается от бессилия. Ханна кашляла, пытаясь восстановить дыхание, а я думала о том, что всего несколько минут назад она могла свободно идти по коридору, не испытывая боли при каждом движении. Для этих мужчин произошедшее не имело никакого значения. Они обсуждали её так, словно речь шла о непослушной собаке, которую необходимо вернуть в вольер.

⁂

Элеанор Ривз никогда не присутствовала при наказаниях случайно. Обычно она появлялась заранее, успев переодеться, привести в порядок волосы и подготовить необходимые документы, поскольку считала, что любое дисциплинарное взыскание должно быть оформлено в соответствии с внутренним распорядком организации. В тот день на ней был светлый брючный костюм, а в руках она держала планшет с небольшой камерой, которую сотрудники использовали для фиксации нарушений.

Когда нас собрали в бывшем зале групповой терапии, Ривз уже стояла возле стола, разговаривая с мужчиной из ме-

дицинского корпуса. Ханну посадили на пластиковый стул посреди помещения, не развязывая рук. Её повреждённая нога дрожала, а кровь из носа уже успела высохнуть на верхней губе. Она несколько раз пыталась изменить положение, но Уоррен каждый раз требовал сидеть прямо, и после очередного замечания девушка перестала двигаться. Нас было восемь человек.

Рейчел, которую недавно вернули после трёхдневного отсутствия, сидела возле стены, не поднимая головы. Джун расположилась рядом со мной, а остальные девушки старались не смотреть на Ханну, прекрасно понимая, что любая попытка привлечь внимание может закончиться участием в происходящем. Ривз дождалась, пока охранник закроет дверь.

— Доброе утро, девушки. Полагаю, большинство уже знает, что сегодня произошло неприятное событие, которое вынуждает нас пересмотреть вопрос о вашей дисциплине.

Она говорила спокойно, без малейшего раздражения. Именно это всегда пугало меня сильнее всего. Когда человек кричит, можно хотя бы представить, что он потерял контроль над собой. Ривз никогда не теряла контроля, а потому каждое её действие было осознанным решением, принятым заранее.

— Ханна, — продолжила она, — вчера я объяснила тебе последствия нарушения правил, однако ты предпочла проигнорировать мои предупреждения и попыталась покинуть

территорию учреждения без разрешения.

Девушка подняла голову.

— Вы меня похитили.

Ривз посмотрела на неё так, словно услышала особенно глупое замечание.

— Мы уже обсуждали твоё положение. Ты находишься здесь в рамках программы, которая предполагает определённые ограничения до завершения административных процедур.

— Я ничего не подписывала! Вы забрали мой телефон, документы и не говорите, где я нахожусь!

— Именно поэтому тебе необходимо научиться сотрудничать, дорогая.

Ханна попыталась подняться со стула, но повреждённая нога не выдержала нагрузки. Уоррен оказался рядом раньше, чем она успела потерять равновесие, и резко усадил её обратно, придавив ладонью плечо. Ривз вздохнула.

— Боюсь, обычного предупреждения будет недостаточно.

Она перевела взгляд на охранника.

— Начните с первого этапа.

Я почувствовала, как Джун рядом со мной напряглась. Уоррен поставил стул возле стены и заставил Ханну подняться. Девушка попыталась опереться на здоровую ногу, но мужчина толкнул её вперёд, после чего она упала на колени, не сумев выставить перед собой связанные руки.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Я больше не буду.

Уоррен не ответил. Он заставил девушку встать на колени лицом к остальным, после чего достал из-за пояса короткую резиновую дубинку. Я знала, что последует дальше, поскольку сама несколько месяцев назад оказалась в подобном положении после попытки спрятать ключ от складского помещения. Тогда мне казалось, что самое страшное заключается в боли. Теперь я понимала, что ещё страшнее ожидание очередного удара, когда человек перестаёт различать секунды и уже не может предугадать, в какой момент причинят новую боль.

— Ханна, — произнесла Ривз, — прежде чем мы продолжим, я хочу предоставить тебе возможность признать ошибку.

Девушка судорожно кивнула.

— Я больше не буду убегать. Клянусь, только не бейте меня.

— Ты готова подтвердить, что сотрудники учреждения действовали исключительно ради твоей безопасности?

Ханна посмотрела на неё с растерянностью.

— Я...

Уоррен ударил её по бедру. Она вскрикнула, резко согнулась и едва не упала на бок, но мужчина схватил её за плечо, заставляя удержаться на коленях.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — процедил он.

— Да! Да, я готова!

Ривз что-то отметила в планшете.

— Хорошо. Тогда скажи всем присутствующим, почему тебе пришлось применить дисциплинарное взыскание.

Ханна пыталась говорить, но слова путались с плачем.

— Потому что я попыталась сбежать.

— Не совсем так, дорогая. Ты нарушила правила, поставила под угрозу безопасность персонала и отказалась выполнять законные распоряжения.

— Да, — повторила Ханна. — Я всё поняла, пожалуйста...

Второй удар пришёлся по тому же бедру, и на этот раз она не смогла удержать равновесие, повалившись на бок. Уоррен подождал, пока девушка попробует подняться, после чего схватил её за предплечье и поставил обратно на колени. Я видела, как дрожат её руки, как она пытается дышать через рот из-за крови, запёкшейся возле носа, и как отчаянно смотрит на наши лица, словно всё ещё надеется обнаружить среди нас человека, способного остановить происходящее. Ривз наблюдала за этим с выражением спокойного профессионального интереса.

— Посмотрите на Ханну, — обратилась она к нам. — Я хочу, чтобы каждая поняла, к чему приводит нежелание соблюдать элементарные требования. Мы не получаем никакого удовольствия от подобных мероприятий, однако вынуждены заботиться о безопасности всего учреждения.

Джун опустила голову. Я же продолжала смотреть на Ханну, поскольку понимала, что если тоже отвернусь, она останется совсем одна. Уоррен ударил её ещё раз. Девушка

вскрикнула, а затем неожиданно замолчала, словно боль оказалась настолько сильной, что организм перестал понимать, как на неё реагировать. Она сидела на коленях, тяжело дыша, с мокрыми от слёз щеками, и пыталась хоть немного перенести вес тела на здоровую ногу. Меня затошнило.

— Хватит, — сказала я, прежде чем успела подумать о последствиях.

Джун резко повернулась ко мне. Ривз медленно подняла голову от планшета.

— Прости, Кэссиди, что ты сказала?

Я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее, но заставила себя не отводить взгляд.

— Она уже признала, что нарушила правила. Вы добились того, чего хотели.

Ривз несколько секунд молча рассматривала меня.

— Подойди.

Я поднялась, понимая, что совершаю ошибку, однако оставаться на месте было уже поздно. Уоррен отступил от Ханны и посмотрел на меня с неприятной заинтересованностью. Ривз положила планшет на стол.

— Ты считаешь, что имеешь право определять, когда дисциплинарное взыскание следует прекратить?

— Нет. Я просто думаю, что ей нужен врач.

— Она получит медицинскую помощь после завершения процедуры.

— Но она едва держится на ногах.

Ривз вздохнула, словно я утомила её совершенно ненужными замечаниями.

— Кэссиди, ты находишься здесь достаточно давно, чтобы понимать разницу между сочувствием и намеренным нарушением дисциплины. Мне очень жаль, что ты до сих пор не научилась этой разнице.

Она посмотрела на Уоррена.

— Поставьте её рядом.

Я инстинктивно отступила. Мужчина схватил меня за локоть, и прежде чем я успела вырваться, резко вывернул руку за спину, заставляя согнуться. Боль прошила плечо настолько неожиданно, что у меня перехватило дыхание. Я попыталась выпрямиться, но Уоррен только усилил давление, после чего толкнул меня к стене рядом с Ханной.

— На колени, — приказал он.

Я подчинилась, хотя пол оказался настолько холодным, что даже через ткань брюк почувствовала неприятную сырость. Ривз подошла ближе.

— Теперь я хочу, чтобы вы обе внимательно меня выслушали. Если ещё хоть раз кто-нибудь попытается вмешаться в работу персонала или нарушить порядок, последствия затронут не только виновного, но и всех, кто окажется рядом.

Она посмотрела на Ханну.

— Видишь, к чему привело твоё поведение? Кэссиди решила вмешаться и теперь тоже вынуждена отвечать за последствия твоего поступка.

Ханна подняла голову.

— Не надо её трогать, пожалуйста. Она ничего не сделала.

Ривз едва заметно улыбнулась.

— Вот и прекрасно. Значит, ты начинаешь понимать, что своими решениями можешь причинить неприятности другим людям.

Она повернулась ко мне.

— А ты, Кэссиди, должна понять, что иногда лучший способ помочь человеку заключается в том, чтобы позволить ему самостоятельно столкнуться с последствиями своего поведения.

Мне хотелось плюнуть ей в лицо. Вместо этого я смотрела на собственные руки, потому что прекрасно понимала, что одно необдуманное движение может закончиться новым ударом по Ханне. Ривз взяла со стола подготовленный документ.

— Сейчас каждая из вас подтвердит, что произошедшее стало следствием нарушения внутренних правил. После этого мы решим, насколько серьёзными должны быть дальнейшие ограничения.

Она положила передо мной лист бумаги. В нём говорилось, что Ханна Портер проявила агрессию по отношению к сотрудникам, попыталась причинить вред самой себе и отказалась выполнять распоряжения охраны. В отдельном пункте значилось, что все применённые меры были необходимыми и соответствовали характеру нарушения. Я медленно

подняла голову.

— Но она ни на кого не нападала.

Ривз посмотрела на меня.

— Ты собираешься снова спорить?

Я не ответила. Она повернулась к Уоррену.

— Продолжайте.

Я услышала, как Ханна судорожно втянула воздух, и поняла, что следующий удар последует именно ей.

— Подождите! — вырвалось у меня.

Ривз подняла руку, останавливая охранника.

— Я слушаю.

Я посмотрела на документ. Возможно, если бы речь шла только обо мне, я смогла бы найти в себе силы отказаться. Но Ханна сидела рядом, едва удерживаясь на коленях, и каждая секунда промедления означала для неё новую боль.

— Я подпишу.

Ривз протянула ручку.

— Вот видишь, Кэссиди, насколько проще становится общение, когда человек готов к сотрудничеству.

Я поставила подпись, чувствуя, как неприятно дрожат пальцы. В тот момент я ненавидела её. Но ещё сильнее ненавидела себя.

⁂

Ханну действительно отвели в медицинский кабинет, хотя перед этим заставили несколько минут самостоятельно идти по коридору, не позволяя опираться на стену. Каждый шаг

причинял ей боль. Она пыталась переносить вес на здоровую ногу, но периодически теряла равновесие, и тогда Грэм раздражённо хватал её за плечо, заставляя двигаться быстрее. Меня оставили в общей комнате ещё почти на час. Уоррен приказал стоять на коленях возле стены и не менять положение, пока Ривз не разрешит подняться. Первое время я пыталась сидеть неподвижно, однако вскоре ноги начали неметь, а тупая боль в коленях постепенно поднялась к пояснице.

Когда я осторожно перенесла вес на одну сторону, Уоррен ударил дубинкой по полу возле моей руки.

— Я разве разрешал шевелиться?

Я выпрямилась. Он усмехнулся, наблюдая за тем, как я пытаюсь устроиться удобнее, а затем сел за стол и принялся просматривать что-то в телефоне. Хуже всего было то, что происходящее совершенно не требовало его внимания. Для него это являлось обычной частью рабочего дня, которую можно было совмещать с перепиской, просмотром новостей и разговорами о предстоящем ужине. Через некоторое время в помещение вошёл другой охранник, и они начали обсуждать автомобиль, который один из них собирался купить.

Я слушала их разговор, стараясь не думать о боли в ногах, и постепенно понимала, что именно эта обыденность делает происходящее настолько невыносимым. За стеной находилась Ханна, которая ещё недавно училась на медицинскую сестру и выбирала подарок старшей сестре ко дню рождения. А рядом со мной сидели мужчины, обсуждавшие преиму-

щества кожаного салона и расход топлива, словно несколько минут назад никто из них не участвовал в избиении беззащитной девушки.

Когда меня наконец отпустили, я не сразу смогла подняться. Ноги плохо слушались, а колени болезненно отзывались на каждое движение. Уоррен наблюдал за моими попытками с откровенным удовольствием, но помогать не собирался. Мне пришлось опереться на стену и постепенно выпрямиться, стараясь не показывать, насколько сильно дрожат мышцы.

— В следующий раз думай, прежде чем открывать рот, — сказал он, когда я направилась к двери.

Я ничего не ответила. Уже в коридоре меня вырвало в мусорное ведро возле лестницы.

⁂

Джун нашла меня в душевой. Я сидела на низкой пластиковой скамье, пытаясь смыть с рук грязь, оставшуюся после пола в общей комнате, когда она осторожно вошла и закрыла за собой дверь.

— Господи, Кэссиди, — прошептала она, заметив мои колени. — Они совсем охренели.

Я попыталась улыбнуться, но почувствовала, как предательски дрогнули губы.

— По-моему, это произошло задолго до сегодняшнего дня.

Она принесла небольшую бутылку воды и чистое полотен-

це, после чего присела рядом. Некоторое время мы молчали. Я пыталась привести дыхание в порядок, пока Джун осторожно осматривала мою руку, которую Уоррен выкрутил за спину. Плечо болело, но, насколько я могла судить, серьёзного повреждения не было.

— Ты не должна была вмешиваться, — наконец произнесла она.

Я посмотрела на неё.

— И просто сидеть, пока они её избивают?

— Да, если это единственный способ не заставить их избить ещё кого-нибудь.

Её ответ прозвучал настолько жёстко, что я невольно отстранилась. Джун заметила мою реакцию и тяжело вздохнула.

— Послушай, я понимаю, что ты хотела помочь, но здесь никто не станет добрее оттого, что мы попытаемся доказать им, насколько они жестоки. Эти люди прекрасно знают, что делают.

Я опустила голову.

— Она смотрела на меня, Джун. Когда они привели её обратно, она действительно думала, что я смогу что-нибудь изменить.

Подруга осторожно коснулась моего плеча.

— Потому что она ещё не понимает, где находится.

Я не ответила. Пожалуй, именно в этом заключалась самая страшная часть первых недель заключения: человек про-

должал искать правила, по которым должен работать окружающий мир, и никак не мог принять, что здесь они просто не действуют. До исчезновения я тоже была уверена, что существуют определённые границы, которые люди не станут переступать. Мне казалось, что если объяснить произошедшее достаточно подробно, обязательно найдётся кто-нибудь, кто остановит насилие.

Но за одиннадцать месяцев я успела увидеть, как девушки умоляли позвонить родителям, как их заставляли принимать неизвестные препараты, как возвращали после поездок в состоянии, когда они не могли самостоятельно подняться с кровати. И всё это происходило внутри здания, где на стенах до сих пор висели плакаты о человеческом достоинстве и необходимости заботиться друг о друге.

— Что теперь будет с Ханной? — спросила я.

Джун некоторое время молчала.

— Ривз распорядилась оставить её в медицинском крыле до вечера. Потом, возможно, переведут в изолятор.

Я закрыла глаза. Изолятором у нас называли небольшую комнату без окон, расположенную возле бывшего склада медикаментов. Там стояла металлическая кровать с тонким матрасом, а свет включали и выключали по усмотрению охраны. Я провела в этом помещении трое суток после одной из предыдущих попыток сопротивления. К концу второго дня мне казалось, что я начинаю слышать звуки, которых в действительности не существовало. Когда меня выпустили,

я почти неделю боялась засыпать без света.

— Ей двадцать лет, — произнесла я, чувствуя, как вновь поднимается злость.

Джун посмотрела на меня с усталой нежностью.

— Кэссиди, им плевать, сколько ей лет.

⁂

После обеда нас отправили на первый этаж, где сотрудники готовили комнаты к приезду неизвестных посетителей. Я впервые увидела, насколько тщательно здесь умеют создавать видимость приличного учреждения, когда это действительно необходимо. С кроватей сняли старое бельё, заменили покрывала, убрали из коридора сломанные стулья и даже поставили возле входа вазу с искусственными цветами. Несколько сотрудников протирали окна, а в бывшем кабинете физиотерапии появился большой стол с бутылками воды, чашками и подносом, на котором лежали аккуратно разложенные печенья. Ривз распорядилась выдать некоторым девушкам новую одежду.

Когда я увидела подготовленные комплекты, мне стало не по себе. Чёрные брюки, светлые блузки, простые платья и туфли разных размеров выглядели так, словно их специально подбирали для собеседования или фотографирования. Джун, помогавшая сортировать вещи, заметила мой взгляд.

— Сегодня будут выбирать, — негромко сказала она.

Я не сразу поняла, что именно она имеет в виду. Потом посмотрела на одежду и почувствовала неприятный холод в

животе.

— Сколько человек?

— Не знаю. Вчера вечером привезли документы на шестерых, но утром Ривз велела подготовить ещё две анкеты.

Я осторожно провела рукой по ткани одной из блузок.

— Ханну тоже включили?

Джун покачала головой.

— После сегодняшнего её вряд ли покажут кому-нибудь до тех пор, пока не сойдут синяки.

Она произнесла это без особых эмоций, словно сообщала обычные сведения о графике уборки. И я вдруг поняла, насколько сильно изменились мы обе. Когда-то подобные слова наверняка заставили бы меня ужаснуться. Теперь я просто кивнула и продолжила складывать одежду.

⁂

Меня вызвали около трёх часов дня. Охранник проводил меня в бывший кабинет физиотерапии, где за большим столом сидела незнакомая женщина лет сорока в тёмно-синем костюме. У неё были аккуратно уложенные каштановые волосы, неброские украшения и тонкий золотой браслет на запястье. На первый взгляд она выглядела человеком, которому вполне можно доверить оформление документов, организацию благотворительного мероприятия или руководство частной клиникой.

Когда я вошла, женщина подняла голову от папки и улыбнулась.

— Кэссиди Брукс?

Я кивнула.

— Меня зовут Маргарет. Я занимаюсь вопросами дальнейшего размещения участниц программы, и сегодня мы хотели бы обсудить несколько возможностей, которые могут оказаться для тебя особенно интересными.

Она предложила присесть. Я опустилась на стул, стараясь не показывать, насколько сильно болят колени после утреннего наказания. Маргарет открыла папку и начала просматривать документы.

— Насколько я понимаю, ты находишься здесь почти год?

— Одиннадцать месяцев.

— За это время ты, вероятно, успела понять, насколько важно соблюдение правил и сотрудничество с персоналом.

Я ничего не ответила. Она посмотрела на меня поверх очков.

— Элеанор сообщила, что сегодня возникло небольшое недоразумение. Надеюсь, оно не повлияет на твоё дальнейшее поведение.

Мне захотелось спросить, как именно она представляет себе «небольшое недоразумение», после которого двадцатилетнюю девушку избили до состояния, когда она не могла самостоятельно ходить. Но я промолчала. Маргарет удовлетворённо кивнула.

— Прекрасно. Тогда начнём с основных вопросов. До поступления в программу ты работала?

— Администратором медицинского центра.

— Значит, имеешь опыт общения с людьми, умеешь работать с документами и понимаешь необходимость соблюдения конфиденциальности.

Она сделала пометку.

— Иностранные языки?

— Немного испанский.

— Очень хорошо.

Маргарет задавала вопросы ещё несколько минут, после чего попросила меня встать и пройти к зеркалу. Я подчинилась. Она внимательно осмотрела меня, попросила убрать волосы, затем уточнила рост, вес и наличие хронических заболеваний. Я отвечала автоматически, почти не задумываясь над происходящим. До тех пор, пока она не открыла следующую страницу анкеты. Там находилась моя фотография. Снимок сделали несколько месяцев назад, вскоре после очередного перевода. Тогда меня заставили вымыть волосы, надеть светлую блузку и улыбнуться в камеру, объяснив, что изображение необходимо для оформления внутренних документов.

Теперь я впервые увидела, где именно оно использовалось. Под фотографией располагались характеристики, составленные сотрудниками центра. Возраст. Рост. Вес. Состояние здоровья. Образование. Поведение. История переводов. Возле последней графы стояла короткая отметка.

Умеренная сопротивляемость.

Я некоторое время смотрела на эти слова, пытаясь понять, как человеческую способность сопротивляться насилию можно превратить в параметр анкеты. Маргарет заметила мой взгляд.

— Это исключительно внутренняя оценка адаптации, Кэссиди. Не стоит придавать подобным обозначениям слишком большое значение.

В этот момент дверь открылась. В кабинет вошёл Мейсон. Я узнала его сразу, хотя не видела несколько месяцев. Он работал в одном из зданий, где меня удерживали раньше, и отличался от остальных охранников неприятной привычкой разговаривать с нами почти дружелюбно. Иногда он даже спрашивал, нормально ли мы спали и не слишком ли холодно в комнатах, хотя прекрасно знал, что происходит с девушками за закрытыми дверями. Несколько месяцев назад я видела, как он избил женщину, отказавшуюся садиться в автомобиль.

После этого Мейсон спокойно вернулся в помещение, налил себе кофе и начал обсуждать с коллегой результаты футбольного матча. С тех пор мне было достаточно услышать его голос, чтобы почувствовать неприятное напряжение во всём теле.

— Кэссиди Брукс, — произнёс он, остановившись возле двери. — Надо же, а я думал, ты наконец научилась не создавать проблем.

Я ничего не ответила. Мейсон повернулся к Маргарет.

— Она подходит?

Женщина посмотрела в анкету.

— По основным параметрам да, но есть несколько дисциплинарных отметок, которые могут повлиять на окончательное согласование.

— Старые отметки можно убрать, если они мешают, — ответил он. — Нам не нужно усложнять оформление из-за пары неприятных эпизодов.

Маргарет поджала губы.

— Для этого потребуется дополнительное согласование.

— Тогда согласуй.

Я стояла возле зеркала, постепенно понимая, что они обсуждают моё будущее так, словно меня вообще нет в комнате. Мейсон протянул руку за папкой.

— Сколько?

Маргарет назвала сумму. Двадцать восемь тысяч долларов. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что речь идёт обо мне. За одиннадцать месяцев я потеряла работу, квартиру, документы и почти всё, что связывало меня с прежней жизнью, но до этого момента никогда не пыталась представить, сколько денег кто-нибудь может получить за моё исчезновение. Мейсон недовольно нахмурился.

— Слишком мало. У неё хорошее образование, она здорова и вполне способна выполнять указания, когда перестаёт строить из себя героиню.

— Учитывая сроки размещения и дисциплинарную исто-

рию, цена соответствует условиям.

Он посмотрел на меня.

— Ты ведь понимаешь, что мы сейчас обсуждаем, Кэсси-ди?

Я почувствовала, как пересохло во рту.

— Да.

— Тогда скажи, почему люди должны платить за тебя такие деньги, если ты продолжаешь создавать проблемы?

Я не знала, какого ответа он ждёт. Маргарет осторожно вмешалась:

— Мейсон, я бы предпочла закончить оценку без дополнительных осложнений.

Он усмехнулся.

— Разумеется. Я просто хочу убедиться, что наша девочка понимает, насколько ей повезло.

Мне захотелось ударить его. Вместо этого я опустила глаза, потому что прекрасно помнила, что произошло с Ханной всего несколько часов назад. Мейсон некоторое время наблюдал за мной, после чего повернулся к Маргарет.

— Хорошо. Включай её во вторую группу, но предупреди принимающую сторону о необходимости первоначального контроля. И не забудь убрать старые записи из анкеты.

Когда дверь закрылась, Маргарет снова предложила мне сесть.

— Не обращай внимания на его манеру общения, — произнесла она. — Мейсон иногда бывает слишком прямоли-

нейным, но в действительности заинтересован в том, чтобы все процедуры прошли благополучно.

Я посмотрела на её аккуратно сложенные руки.

— Вы только что обсуждали, сколько за меня заплатят.

Она не изменилась в лице.

— Мы обсуждали стоимость программы размещения и связанных с ней услуг.

— Вы назвали меня здоровой, образованной и удобной. Это тоже входит в стоимость программы?

Маргарет некоторое время молчала, после чего медленно сняла очки.

— Кэссиди, я понимаю, что за последние месяцы ты пережила множество неприятных событий, но попытки придавать происходящему исключительно негативный смысл не помогут тебе двигаться дальше.

Меня поразило, насколько искренне она произнесла эти слова. Возможно, именно это оказалось страшнее всего. Она действительно могла считать себя человеком, который просто выполняет сложную работу, принимает необходимые решения и помогает организации функционировать. При желании Маргарет наверняка сумела бы объяснить самой себе любое происходящее. Даже мою продажу.

⁂

После собеседования меня отправили обратно в прачечную. На большом столе лежали несколько мешков с одеждой, привезённых из другого здания. Джун уже успела разобрать

часть вещей и теперь сортировала оставшиеся комплекты по размерам. Я подошла к ней, стараясь не показывать, насколько сильно болит плечо.

— Что они сказали? — спросила она.

Я некоторое время молчала.

— Что я стою двадцать восемь тысяч долларов.

Джун перестала складывать полотенца. Её лицо изменилось, но она почти сразу взяла себя в руки.

— Значит, тебя собираются перевести.

— Похоже на то.

— Когда?

— Не знаю. Они обсуждали какую-то вторую группу и необходимость подготовить документы.

Она посмотрела на меня с выражением, которое я не сразу смогла понять.

— Кэссиди, ты должна быть осторожнее. Иногда после таких переводов девушек больше никогда не привозят обратно.

— Я знаю.

— Нет, — тихо ответила она. — Мне кажется, ты до сих пор не понимаешь, что это означает.

Я хотела возразить, но в этот момент заметила среди одежды знакомую серую толстовку с маленькой вышитой птицей возле кармана. Несколько секунд я просто держала её в руках, пытаясь понять, почему она вызвала настолько отчётливое воспоминание. Затем обнаружила на внутренней

стороне рукава небольшую заплатку из белых ниток. Я узнала её сразу. Несколько месяцев назад именно я зашивала этот разрыв, используя старую иглу и остатки ниток из коробки с принадлежностями для ремонта белья. Толстовка принадлежала Эмме Уилсон.

Она провела здесь почти три месяца, прежде чем Ривз объявила, что её документы подготовлены и она сможет покинуть центр в рамках специальной программы социальной помощи. Я прекрасно помнила день её отъезда. Эмма плакала от облегчения, обнимала всех подряд и обещала обязательно найти способ сообщить нашим семьям, где нас удерживают. На прощание она отдала мне маленькую резинку для волос и попросила сохранить её до нашей следующей встречи. С тех пор прошло пять месяцев. Я перевернула толстовку, снова рассматривая заплатку.

— Джун, посмотри.

Она подошла ближе и почти сразу узнала вещь.

— Это Эммина?

Я кивнула.

— Она уехала в ней. Я помню, потому что тогда шёл дождь, а другой тёплой одежды у неё не было.

Джун некоторое время рассматривала толстовку, после чего осторожно положила её на стол.

— Возможно, вещи просто вернули из другого центра.

— Но если Эмму действительно отпустили, почему её одежда снова оказалась здесь?

Она не ответила. Я провела пальцами по внутреннему шву и заметила небольшую тканевую бирку, которой раньше не было. На ней находился номер партии и маленький символ, состоявший из двух параллельных линий. Одна из них обрывалась немного раньше другой. Я видела такой знак на документах Маргарет.

— Джун, ты знаешь, что это?

Она посмотрела на бирку.

— Не уверена. Кажется, подобная маркировка встречается на некоторых вещах, которые привозят из других учреждений.

Я осторожно запомнила номер. Возможно, он ничего не означал. Но если существовала хотя бы небольшая вероятность, что Эмму можно найти по документам, связанным с её перевозкой, мне хотелось сохранить всё, что могло однажды помочь. В этот момент дверь прачечной открылась, и внутрь вошёл Грэм. Он поставил на пол две большие коробки и приказал подготовить их к отправке вместе с остальными вещами. Я наклонилась, собираясь передвинуть одну из них ближе к столу, но заметила, что крышка была плохо закреплена и слегка приподнялась. Внутри находились небольшие пластиковые упаковки, аккуратно уложенные рядами.

На некоторых виднелись обозначения лекарственных препаратов, другие вообще не имели никаких этикеток. Я не успела рассмотреть содержимое подробнее, поскольку Грэм сразу подошёл и резко захлопнул крышку.

— Я не просил тебя открывать.

— Она сама приподнялась, когда я взяла коробку.

Мужчина посмотрел на меня с выражением откровенного раздражения.

— Тогда в следующий раз следи за руками. Тебе платят не за любопытство.

Я не стала напоминать, что мне вообще никто ничего не платит. Грэм забрал коробку и вышел, оставив вторую возле двери. Когда его шаги стихли, Джун медленно повернулась ко мне.

— Теперь понимаешь, почему я стараюсь не интересоваться тем, что они перевозят?

Я кивнула. На протяжении нескольких месяцев я подозревала, что через здание проходят наркотики и незаконно приобретённые лекарства, но до сегодняшнего дня не видела ничего, что могло хотя бы частично подтвердить эти предположения. Теперь появлялось всё больше признаков того, что преступная организация использует одни и те же помещения для разных операций. Женщины, документы, лекарства и неизвестные грузы перемещались между зданиями под контролем одних и тех же людей.

И за всем этим стояла структура, которую кто-то сумел превратить в почти обычный бизнес.

⁂

Рейчел пришла попрощаться незадолго до девяти вечера. На ней было простое тёмно-синее платье, а в руках она

держала небольшую дорожную сумку, которую выдали после медицинского осмотра. Она выглядела немного лучше, чем утром, хотя двигалась медленно и периодически с трудом подбирала слова. Я сразу поняла, что ей снова дали какие-то препараты. Рейчел остановилась возле моей кровати, некоторое время рассматривая собственные руки, после чего достала из кармана маленькую фотографию, сложенную пополам. На снимке был мальчик лет шести в красной футболке, державший перед собой игрушечного динозавра. Я сразу узнала Дэниела.

Рейчел часто рассказывала о сыне в первые месяцы после прибытия, пока сотрудники не начали использовать сведения о ребёнке, чтобы заставлять её выполнять требования. Ей говорили, что мальчик находится у родственников, но иногда намекали, что при неправильном поведении его могут передать другим людям. Я не знала, насколько реальными были эти угрозы, но прекрасно видела, как они действовали на Рейчел.

— Кэссиди, если я не вернусь, ты запомнишь его имя? — спросила она.

Я осторожно взяла её за руку.

— Конечно.

Она посмотрела на фотографию.

— Он очень любит динозавров. Когда ему было пять, он заставил меня купить маленький рождественский подарок для игрушечного тираннозавра, потому что решил, что тот

тоже заслуживает праздник.

Рейчел попыталась улыбнуться, но губы задрожали.

— Я боюсь, что уже не помню, как звучит его голос.

Мне захотелось сказать, что подобное невозможно, что мать обязательно узнает собственного ребёнка даже спустя много лет, но я слишком хорошо понимала, насколько легко здесь теряются вещи, которые прежде казались неотъемлемой частью жизни. Иногда я сама пыталась вспомнить голос своей матери и с ужасом обнаруживала, что в памяти остались лишь отдельные интонации.

— Ты ещё услышишь его, — произнесла я, хотя не имела никакого права давать такие обещания.

Рейчел крепче сжала фотографию.

— Если когда-нибудь увидишь Дэниела, скажи ему, что я не хотела уходить.

Я обняла её. Несколько секунд она стояла, прижимаясь лицом к моему плечу, после чего осторожно отстранилась. В дверях появился Грэм.

— Пошевеливайся, Николь. Машина уже ждёт.

Рейчел вздрогнула при звуке чужого имени. Я почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость. Даже теперь, когда её собирались увезти неизвестно куда, сотрудники продолжали обращаться к ней так, словно настоящая Рейчел Коул больше не существовала. Она взяла сумку и направилась к двери, стараясь не оглядываться. Я смотрела ей вслед, пока она не исчезла в коридоре. И впервые за долгое

время мне пришло в голову, что, возможно, некоторые девушки здесь действительно умирают задолго до того, как перестают дышать.

⁂

Мейсона я увидела возле служебного входа. Он стоял рядом с чёрным внедорожником и разговаривал с Маргарет, держа в руках телефон. Судя по выражению его лица, разговор складывался совсем не так, как он рассчитывал. Я находилась в прачечной, куда меня отправили забрать последнюю партию чистого белья, и могла наблюдать за частью двора через узкую полоску стекла, оставшуюся незакрытой возле верхней рамы. Рядом с микроавтобусом стояли две девушки, которых собирались увезти вместе с Рейчел.

Они держали небольшие сумки и разговаривали с женщиной в светлом пальто, периодически поглядывая на ворота, за которыми начиналась дорога к остальному миру. Мейсон тем временем достал телефон и что-то показал Ривз. Она нахмурилась, после чего быстро направилась обратно к служебному входу. Маргарет осталась возле машины. Через несколько секунд Мейсон открыл заднюю дверь внедорожника, и я заметила женщину, сидевшую внутри. Она была светловолосой, в тёмной одежде, а её лицо оставалось почти полностью скрытым тенью. Я не придала этому особого значения, пока она не подняла руку, поправляя волосы.

На запястье виднелась маленькая татуировка бабочки. Я невольно приблизилась к стеклу. За последние месяцы

я успела познакомиться с десятками женщин, и некоторые имели похожие татуировки, но именно эту помнила слишком хорошо. Лили. Она находилась в прежнем здании несколько месяцев назад и однажды рассказала мне о девушке по имени Эйвери Кросс, которая пыталась позвонить в полицию. Лили говорила, что Эйвери продолжала разговаривать с оператором даже после того, как охрана обнаружила у неё телефон. Позже Эйвери исчезла. А ещё через несколько недель увезли саму Лили, объяснив, что её переводят в программу социальной помощи.

Теперь она сидела в автомобиле Мейсона. Женщина слегка повернула голову, и свет дворового фонаря на мгновение осветил часть её лица. Я узнала знакомый профиль. Мне захотелось постучать в окно, привлечь её внимание и хотя бы убедиться, что она меня видит, но я вовремя вспомнила, что возле прачечной расположена камера наблюдения. Вместо этого я отступила в глубину помещения, стараясь успокоить дыхание. Если Лили действительно находилась здесь, значит, все эти месяцы её не отпускали. Она просто переходила из одного здания в другое, оставаясь частью той же системы. Я подумала об Эмме, чья одежда сегодня вернулась в прачечную.

О Рейчел, которую только что посадили в микроавтобус. О Ханне, лежавшей где-то в медицинском крыле после утренней попытки побега. И впервые почувствовала, что постепенно начинаю понимать действительный смысл всех

этих переводов. Нас не освобождали. Нас перемещали. А документы, которые мы подписывали под угрозами и обещаниями, позволяли людям, управлявшим нашей жизнью, создавать видимость добровольного участия в программах, которых, возможно, вообще не существовало.

⁂

Возвращаясь в спальню, я услышала разговор возле лестницы. Мейсон стоял рядом с Ривз, держа в руках папку, а на его лице было выражение сдержанного раздражения. Я остановилась за поворотом коридора, не желая привлекать внимание.

— ...вся эта история началась из-за одной записи, — произнёс он. — Я предупреждал, что нельзя было оставлять её в обычной системе.

Ривз ответила что-то слишком тихо, чтобы я смогла разобрать. Мейсон продолжил:

— Теперь кто-то из архива снова добрался до материалов, которые должны были исчезнуть ещё весной. И если они начнут проверять старые переводы, нам придётся объяснять гораздо больше, чем один несчастный звонок.

Я почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось. Весна. Старая запись. Женщина по имени Эйвери Кросс. Возможно, эти обстоятельства никак не были связаны, но совпадений становилось слишком много, чтобы спокойно их игнорировать.

— А что с девушкой? — спросила Ривз.

— С какой именно?

— С той, которая работает в архиве. Ты сказал, что она уже под наблюдением.

Мейсон некоторое время молчал.

— Насколько я понимаю, вопросом занимаются другие люди. Тебе достаточно проследить, чтобы до конца недели здесь не осталось никого, кто помнит апрельский случай.

Я прижалась плечом к стене. До этого момента мне казалось, что самое страшное происходит внутри здания, где мы находимся. Но теперь становилось очевидно, что кто-то за его пределами уже пытается разобраться в произошедшем, и люди, управлявшие нашей жизнью, воспринимают это как серьёзную угрозу.

— И ещё, Элеанор, — добавил Мейсон, понизив голос. — Проверь списки перед отправлением. Последний раз кто-то умудрился оставить в документах настоящее имя девушки, которая официально числится погибшей.

Ривз раздражённо вздохнула.

— Я уже распорядилась всё исправить.

— Тогда проследи, чтобы больше не возникало подобных ошибок. Мне совершенно не хочется объяснять начальству, почему среди живых женщин снова обнаруживаются мёртвые.

Он произнёс это почти буднично, словно речь шла о неправильно заполненном инвентаризационном журнале. Я стояла неподвижно, пока их голоса постепенно не стихли в

противоположном конце коридора. Только после этого смогла заставить себя вернуться в спальню.

⁂

Ночью я долго не могла уснуть. Джун лежала на соседней кровати, отвернувшись к стене, а остальные женщины старались не разговаривать после отбоя. В коридоре время от времени проходил охранник, проверявший закрытые двери, и каждый раз я невольно прислушивалась к его шагам, опасаясь, что меня снова вызовут к Ривз. Но никто не приходил. Я думала о разговоре, который услышала возле лестницы, и постепенно осознавала, насколько важными могли оказаться случайно замеченные сведения.

Если в системе действительно существовали документы, согласно которым некоторые женщины официально считались погибшими, их исчезновения можно было скрывать значительно дольше, чем я предполагала. Родственники переставали искать тех, кого объявили мёртвыми. Полиция закрывала дела. А сами женщины продолжали существовать под другими именами, перемещаясь между зданиями, о которых никто за пределами организации даже не подозревал. Я вспомнила Эйвери Кросс. Лили рассказывала, что после звонка в службу спасения её увели, а позже всем сообщили о переводе.

Теперь становилось ясно, что вопрос мог заключаться не только в том, куда исчезла девушка. Возможно, кто-то сумел официально оформить её смерть задолго до того, как

она вообще перестала находиться в заключении. Я осторожно поднялась с кровати и подошла к тумбочке, где хранила несколько личных вещей. Среди них находились маленькая резинка для волос, оставленная Эммой Уилсон, фотография, которую однажды подарила Джун, и старый лист бумаги с перечнем хозяйственных принадлежностей. На обратной стороне я начала записывать всё, что удалось узнать за день. Название организации, указанной в документах Маргарет.

Номер с бирки серой толстовки. Дата сегодняшних перевозок. Имя Мейсона. И символ из двух параллельных линий, который, по всей видимости, использовали сразу несколько связанных между собой организаций. Я не знала, помогут ли когда-нибудь эти записи кому-нибудь. Возможно, их обнаружат во время очередной проверки и накажут меня так, что я ещё долго не смогу нормально двигаться. Но мысль о том, что все сведения исчезнут вместе со мной, казалась значительно страшнее. Я осторожно сложила лист и спрятала его за задней стенкой тумбочки, где несколько месяцев назад обнаружила небольшую щель.

Затем вернулась в постель, надеясь хотя бы немного поспать до утра. Однако едва я закрыла глаза, как в коридоре снова послышались шаги. На этот раз они остановились возле нашей двери. Кто-то вставил ключ в замок, после чего створка осторожно открылась. Я притворилась спящей, хотя сердце билось настолько сильно, что мне казалось, его услы-

шат даже через несколько метров. В комнату вошли двое мужчин. Один из них держал в руках небольшой планшет с документами, другой направился к кровати Джун и негромко произнёс её имя. Она проснулась почти сразу.

— Собирайся, — сказал охранник. — Тебя переводят.

Джун приподнялась на локте.

— Сейчас? Но Ривз говорила, что следующие отправления будут только в конце недели.

— Планы изменились.

Я открыла глаза и села, стараясь не показывать, насколько сильно испугалась.

— Куда вы её увозите?

Мужчина посмотрел на меня с явным раздражением.

— Кэссиди, ложись обратно. Тебя это не касается.

Джун медленно поднялась и начала собирать вещи, хотя их у неё было настолько мало, что вся процедура заняла меньше минуты. Я подошла ближе, пытаясь хотя бы обнять её перед уходом. Охранник не стал препятствовать. Джун крепко прижалась ко мне и негромко прошептала:

— Не забудь про Эмму.

Мне пришлось сдержать слёзы.

— Я помню.

Она отстранилась, взяла небольшую сумку и направилась к двери, не оборачиваясь. Когда её увели, я ещё долго стояла посреди комнаты, пытаясь понять, почему перевод назначили настолько внезапно. Джун всегда считалась одной

из самых дисциплинированных женщин, ей доверяли работу в прачечной и иногда разрешали выполнять хозяйственные поручения без постоянного сопровождения. Она практически никогда не спорила с сотрудниками. И всё же её увезли среди ночи, не дав даже возможности попрощаться с остальными. Я вернулась к кровати и заметила, что Ханна, которую незадолго до отбоя наконец привели обратно в спальню, наблюдает за мной.

На её запястье была тугая повязка, а лицо выглядело болезненно бледным.

— Они заберут нас всех? — спросила она, стараясь говорить как можно тише.

Я посмотрела на закрытую дверь. Мне хотелось ответить, что этого не произойдёт, но после сегодняшнего дня подобное обещание показалось бы почти жестоким.

— Не знаю, Ханна. Но пока мы здесь, нужно стараться запоминать всё, что происходит.

Она кивнула и отвернулась к стене. Я легла, чувствуя, что сон окончательно исчез, и попыталась мысленно восстановить последовательность сегодняшних событий. Утренняя попытка побега. Ложное заявление. Собеседование с Маргарет. Разговор о стоимости. Серая толстовка Эммы. Лили в автомобиле Мейсона. И загадочная запись, из-за которой кто-то за пределами центра, по всей видимости, начал задавать неудобные вопросы. Чем дольше я размышляла, тем сильнее убеждалась, что все эти обстоятельства свя-

заны между собой.

Но настоящую причину внезапных переводов я узнала только на следующее утро.

⁂

Ривз вызвала меня в кабинет ещё до завтрака. Она выглядела непривычно уставшей, хотя, как всегда, старалась сохранять аккуратный внешний вид. На столе лежали несколько открытых папок, а рядом с компьютером стояла чашка кофе, к которой она, судя по всему, почти не притронулась.

— Кэссиди, у нас возникли некоторые изменения в программе размещения, — сообщила она, предлагая мне сесть.

Я молча опустилась на стул. Ривз некоторое время изучала документы, после чего достала из папки один лист и положила передо мной.

— В ближайшие дни тебя могут перевести в другое учреждение. Я рассчитываю, что ты проявишь больше благоразумия, чем вчера, поскольку теперь у нас нет возможности бесконечно обсуждать каждое административное решение.

Я взяла бумагу. На ней находилась таблица с несколькими именами и датами. Я сразу заметила фамилию Джун. Возле неё стояла отметка о завершённом переводе. Ниже находилось имя Рейчел, также сопровождавшееся записью о передаче другой организации. В последней строке значилась моя фамилия. Брукс, Кэссиди. Я внимательно посмотрела на соседние графы, пытаясь понять, куда именно меня собираются отправить. Однако вместо названия учреждения обнару-

жила обозначение, которое уже встречала на некоторых документах.

Вторая линия.

— Что это означает? — спросила я, указывая на запись.

Ривз посмотрела на лист.

— Внутреннее обозначение программы. Тебе не нужно разбираться в технических подробностях.

Я хотела спросить, почему организация использует названия, напоминающие подразделения телефонной службы, но вовремя остановилась. Затем заметила дату в последней колонке. На первый взгляд она выглядела как обычный день предполагаемого перевода. Но рядом находилось слово, которое заставило меня перечитать строку несколько раз.

«Смерть подтверждена».

Я подняла глаза.

— Здесь написано, что я умерла.

Ривз некоторое время смотрела на меня, после чего протянула руку за документом.

— Ты неправильно понимаешь служебные обозначения, Кэссиди.

— Но здесь стоит моё настоящее имя, а рядом указана дата смерти.

Она забрала лист и быстро закрыла папку.

— Повторяю, это внутренние документы, которые не предназначены для ознакомления участниц программы.

Я сидела неподвижно, пытаясь понять, что именно толь-

ко что увидела. Дата находилась в будущем. Завтра. Согласно документам, подготовленным людьми, которые почти год удерживали меня против воли, мне предстояло умереть на следующий день. Ривз поднялась, давая понять, что разговор окончен, после чего вызвала охранника и распорядилась проводить меня обратно в спальню. Я подчинилась, поскольку не могла придумать ничего, что следовало бы сказать в ответ. Только вернувшись к своей кровати, я наконец осознала смысл произошедшего. Возможно, Эйвери Кросс действительно умерла одиннадцать дней до того, как позвонила в службу спасения.

По крайней мере, именно так считали люди, составлявшие документы. Но теперь я знала, что они способны заранее назначать дату чужой смерти, даже не собираясь в действительности убивать человека. Для этого им достаточно было сделать запись в нужной графе. А дальше женщина просто исчезала из мира, в котором её ещё могли искать. Я подошла к тумбочке и осторожно коснулась места, где спрятала вчерашние заметки. Если меня действительно собирались объявить погибшей, то уже завтра кто-нибудь из моих родственников мог получить страшное известие, не подозревая, что я по-прежнему жива.

Мне захотелось закричать, разбить окно, броситься к охраннику и потребовать объяснений. Но вместо этого я опустилась на кровать, заставляя себя сохранять спокойствие. Потому что впервые за одиннадцать месяцев у меня появи-

лось не только желание выбраться. Теперь я знала, что должна сделать всё возможное, чтобы хотя бы один человек за пределами этого здания узнал правду. Иначе завтра Кэссиди Брукс действительно перестанет существовать.

# Глава 4

**Чужой доступ**

*Слоан Келлер*

*Греймарш, штат Редмонт. Вторник.*

К половине восьмого утра я успела выпить две чашки кофе, обнаружить, что в холодильнике закончились яйца, и окончательно убедить себя в том, что фотография, сделанная накануне вечером, не является достаточным основанием для подозрений в слежке. Последнее далось значительно труднее, поскольку каждый раз, когда я открывала снимок, предмет возле окна заброшенного особняка всё больше напоминал камеру, установленную на небольшом штативе.

Я даже попыталась увеличить резкость изображения в приложении для обработки фотографий, но быстро обнаружила, что подобные манипуляции создают лишь более убедительную версию того, чего камера телефона в действительности не сумела зафиксировать. В результате я сидела на кухне, рассматривая два практически одинаковых размытых прямоугольника, и чувствовала себя человеком, который слишком много времени провёл за чтением криминальных историй.

Впрочем, профессиональная привычка сомневаться в собственных выводах иногда оказывалась полезной. За годы работы с архивами экстренных вызовов мне неоднократно

приходилось сталкиваться с записями, первоначальное содержание которых казалось очевидным, пока не выяснялось, что важная деталь была неправильно понята или вовсе отсутствовала. Человеческий мозг удивительно хорошо умел заполнять пробелы, особенно когда уже имел представление о том, что именно хотел увидеть. Поэтому я решила начать с самого простого объяснения.

Открыла сайт агентства недвижимости, занимавшегося продажей дома напротив, нашла телефон и позвонила, рассчитывая выяснить, проводились ли накануне какие-нибудь осмотры. Мне ответила женщина с приятным голосом, представившаяся Кэролайн. Она выслушала мой вопрос, попросила немного подождать и несколько минут проверяла сведения о недвижимости, периодически сообщая, что компьютер работает медленнее, чем ей хотелось бы.

— Вы говорите о доме на северной Харпер-стрит, двадцать восемь? — наконец уточнила она.

— Да, именно о нём.

— Насколько я вижу, объект сняли с продажи ещё в прошлом месяце. Мы больше не организуем показы.

Я посмотрела в окно. Особняк стоял напротив, освещённый серым утренним светом, и выглядел совершенно необитаемым.

— Значит, его купили?

— К сожалению, я не могу сообщить подробности сделки, но могу подтвердить, что наше агентство больше не пред-

ставляет этот объект.

— А сотрудники могли приезжать туда вчера? Например, чтобы забрать оборудование или подготовить документы?

Кэролайн снова проверила какую-то информацию.

— В нашем расписании ничего подобного нет. Возможно, туда приезжали представители собственника. Если вы живёте поблизости и вас беспокоит состояние здания, я бы посоветовала обратиться в муниципальную службу.

Я поблагодарила её и завершила разговор. Полученная информация не доказывала ничего необычного. Дом мог сменить владельца, а новый собственник имел полное право осматривать комнаты в любое удобное время, даже если делал это поздним вечером. И всё же меня беспокоило, что люди, появившиеся накануне возле особняка, не включили свет, хотя находились внутри после наступления темноты. Я ещё раз посмотрела на фотографию. Предмет, похожий на камеру, находился у окна второго этажа, прямо напротив моей гостиной. Вполне возможно, что это был обычный строительный прибор. Мне хотелось верить именно в это.

С улицы донёсся громкий стук, и я невольно вздрогнула, прежде чем поняла, что кто-то пытается закрыть крышку переполненного мусорного контейнера возле соседнего дома. Я раздражённо выключила телефон. Последние сутки определённо не лучшим образом сказывались на моём душевном равновесии.

⁂

Возле подъезда меня перехватила миссис Уэллер. Она стояла на крыльце в длинном тёмно-синем пальто, держа в руках бумажный пакет из булочной, и выглядела настолько довольной возможностью поговорить, что я сразу поняла: быстро уйти не получится.

— Слоан, дорогая, я как раз хотела тебя увидеть. Ты ведь вчера тоже заметила, что напротив кто-то был?

Я остановилась, поправляя ремень сумки.

— Видела свет... точнее, кажется, человека возле окна. Вы случайно не знаете, кому теперь принадлежит дом?

Соседка нахмурилась.

— Понятия не имею. Я разговаривала с агентом ещё в сентябре, но потом они перестали приезжать. А вчера около двух часов дня возле ворот стоял чёрный автомобиль, и двое мужчин довольно долго что-то обсуждали.

— Вы запомнили марку?

— Я в машинах совершенно не разбираюсь, милая. Зато прекрасно помню, что один из них курил прямо возле калитки, а другой разговаривал по телефону и всё время смотрел на окна.

— На окна особняка?

Миссис Уэллер немного помедлила.

— Вообще-то на наш дом. Но, возможно, он просто смотрел, сколько здесь квартир.

Я почувствовала неприятное напряжение, хотя постаралась не показать этого.

— Они заходили внутрь?

— Да, открыли калитку и прошли к главному входу. Я хотела подойти и спросить, что они собираются делать с участком, но потом вспомнила, что обещала дочери не вмешиваться в чужие дела.

Я с трудом сдержала улыбку.

— И как долго вам удалось придерживаться этого обещания?

— Минут пятнадцать, — призналась она без малейшего смущения. — Но когда я наконец вышла, автомобиль уже уехал.

Она поправила пакет и посмотрела на меня внимательнее.

— А почему ты спрашиваешь? Что-нибудь случилось?

Мне пришлось решить, стоит ли рассказывать пожилой женщине о ночном незнакомце и фотографии, которую я сделала из собственной квартиры. С одной стороны, если напротив действительно установили камеру, миссис Уэллер тоже могла оказаться в поле наблюдения. С другой — я совсем не хотела пугать её предположениями, которым пока не имелось подтверждения.

— Ничего серьёзного. Просто вчера поздно вечером мне показалось, что кто-то находился на втором этаже. Если дом уже продали, наверное, новые хозяева занимаются ремонтом.

— Вполне возможно. Хотя странные они какие-то, если начинают ремонт с того, что бродят по комнатам без света.

Она произнесла именно то, о чём я думала, но я не стала развивать разговор. Мы попрощались, и я направилась к машине, пообещав сообщить соседке, если узнаю что-нибудь о новых владельцах. Когда я выезжала с Харпер-стрит, то невольно посмотрела в зеркало заднего вида. Особняк постепенно исчез за поворотом, и я с облегчением подумала, что по крайней мере следующие восемь часов мне не придётся видеть его из собственного окна. Впоследствии это показалось бы мне довольно наивной причиной для спокойствия.

⁂

Нора ожидала меня возле кофейного автомата, когда я вошла в отдел без десяти девять. Она держала два бумажных стакана и выглядела так, словно уже успела поругаться с половиной сотрудников, хотя рабочий день только начинался.

— Я решила, что тебе понадобится кофе, — сообщила она, протягивая один стакан. — Потом вспомнила, что ты наверняка уже выпила несколько чашек дома, но решила не отказываться от первоначального плана.

— Ты удивительно заботливая.

— Стараюсь компенсировать недостатки твоего характера.

Я сняла куртку и поставила сумку возле стола. На экране рабочего компьютера уже светилось стандартное окно авторизации. Я ввела логин, пароль и нажала кнопку входа, ожидая увидеть привычный рабочий каталог. Вместо этого появилась надпись: Учётная запись временно заблокирована.

Обратитесь к администратору системы. Я попробовала ещё раз, внимательно проверив раскладку клавиатуры, но сообщение не изменилось.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Кажется, сегодняшний день решил начаться с того места, на котором закончился вчерашний.

Нора заглянула через моё плечо.

— Что случилось?

Я показала ей экран. Она некоторое время рассматривала уведомление, после чего поставила свой кофе на стол и присела рядом.

— Ты вчера отправляла запрос о несанкционированном доступе?

— Да.

— Тогда, возможно, они заблокировали учётную запись до окончания проверки.

— Было бы неплохо, если бы кто-нибудь потрудился меня предупредить.

Нора посмотрела на меня с выражением человека, который уже собирается произнести что-то язвительное, но передумал.

— Ты нормально спала?

Я вспомнила незнакомца возле окна, ночные звуки со двора и почти час, проведённый за попытками рассмотреть размытый снимок.

— Не особенно.

— Это заметно. У тебя такой вид, будто ты собираешься убить кого-нибудь исключительно ради возможности вернуться в постель.

— Если человек добровольно работает в техническом отделе нашего управления, я готова рассмотреть подобный вариант.

Она коротко рассмеялась, но почти сразу посерьёзнела.

— Кстати, я попыталась выяснить, что означает твоя «Вторичная линия обработки».

Я повернулась к ней.

— И?

— Наш системный администратор понятия не имеет. Он сказал, что иногда подобные названия используют для резервных каналов, но в действующем справочнике диспетчерской такой линии нет.

— Ты проверяла сама?

— Да, пока искала другую информацию. В старой документации есть несколько похожих обозначений, связанных с передачей звонков между округами, но ничего, что полностью совпадало бы с твоим названием.

Я почувствовала разочарование.

— Значит, мы снова ничего не знаем.

— Не совсем. Я поговорила с Майклом из отдела коммуникаций, и он вспомнил, что несколько лет назад город заключал договор с частной компанией на резервное обслуживание части каналов связи. По его словам, контракт давно

закончился, но отдельные технические обозначения могли остаться в системе.

— Название компании он помнит?

— Нет. Но обещал посмотреть старые документы, если найдёт время.

Я задумалась. Частные подрядчики действительно могли обслуживать некоторые элементы городской инфраструктуры, и в этом не было ничего необычного. Однако подобные организации не должны были самостоятельно принимать решения об обработке экстренных вызовов, тем более сообщать людям сведения об их смерти и скрывать обращения от полиции.

— А Майклу ты рассказала о записи?

— Нет, — ответила Нора. — Только спросила о старой системе маршрутизации, как мы и договаривались.

Я благодарно посмотрела на неё. Нора могла позволить себе огромное количество шуточек на мой счёт, но в серьёзных вопросах умела сохранять осторожность.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени. Если Харрис узнает, что я снова помогаю тебе копаться в его любимом архиве, он окончательно решит, что мы создаём организованную преступную группу.

— Тогда ты будешь отвечать за связи с общественностью.

— А ты?

— За планирование побега.

Она улыбнулась, но прежде чем успела ответить, возле нашего стола появился сотрудник внутренней безопасности.

— Слоан Келлер?

Я подняла голову. Перед нами стоял мужчина лет сорока с небольшой папкой в руках. На его бейдже значилось имя Маркус Дейн.

— Да, это я.

— Нам необходимо поговорить о вашем вчерашнем обращении. Пройдёмте, пожалуйста, в переговорную.

Я посмотрела на Нору. Та едва заметно пожала плечами, но по выражению её лица было видно, что происходящее не вызывает у неё особого энтузиазма. Я взяла блокнот и последовала за мужчиной. В коридоре было непривычно тихо, хотя сотрудники уже начали работу, а из соседних кабинетов доносились разговоры и звуки телефонов. Маркус шёл впереди, не пытаясь завести беседу, и остановился только возле небольшой переговорной, расположенной рядом с техническим отделом.

Когда он открыл дверь, я увидела, что внутри находится ещё один человек. Мужчина сидел возле окна, просматривая какие-то документы, и поднял голову при нашем появлении. На нём были тёмная рубашка, серый пиджак и слегка помятое пальто, висевшее на спинке соседнего стула. Тёмно-русые волосы выглядели так, словно он несколько раз проводил по ним рукой, пытаясь сосредоточиться, а выражение лица оставалось спокойным, но явно не располагало к пустым раз-

говорам.

— Мисс Келлер? — спросил он, поднимаясь.

Я кивнула.

— Детектив Нолан Прайс, полиция Греймарша.

Он показал удостоверение и протянул руку. Я пожала её, стараясь скрыть удивление.

— Мне сказали, что речь идёт о проверке моей учётной записи.

— Именно так, — ответил Маркус, закрывая дверь. — Но поскольку подозрительные действия связаны с материалами действующего уголовного расследования, мы попросили детектива Прайса присутствовать при разговоре.

Я медленно опустилась на предложенный стул. Ещё вчера мне казалось, что худшее, что может случиться после обнаружения странной записи, — это конфликт с Харрисом и несколько неприятных разговоров с системными администраторами. Теперь напротив сидел полицейский детектив, а сотрудник внутренней безопасности раскладывал на столе распечатки, на которых я уже заметила собственное имя. И впервые за всё утро мне пришло в голову, что происходящее может оказаться значительно серьёзнее, чем я предполагала.

⁂

Маркус Дейн начал разговор с подробного объяснения того, какие меры были приняты после моего обращения, и уже через несколько минут я поняла, что сотрудники внутренней безопасности успели сделать значительно больше, чем пред-

полагала.

Мою учётную запись заблокировали незадолго до полуночи. Все активные подключения завершили, доступ к служебным каталогам временно приостановили, а журнал событий, связанных с записью Эйвери Кросс, перенесли в отдельное защищённое хранилище. Сам аудиофайл, по словам Маркуса, пока оставался в системе, хотя операция автоматического удаления действительно была назначена на одиннадцать пятьдесят девять вечера.

— То есть запись не удалили? — уточнила я.

— Нет. После вашего уведомления её включили в перечень материалов, подлежащих сохранению до завершения проверки.

Я почувствовала облегчение, хотя оно быстро сменилось новым вопросом.

— Но вчера вечером система отказала мне в приостановке удаления.

— Потому что вы не обладали необходимыми полномочиями. Блокировка была выполнена на другом уровне, после того как ваше обращение обработал дежурный специалист.

Маркус говорил уверенно, а его объяснение выглядело достаточно логичным. И всё же меня не оставляло неприятное ощущение, что кто-то намеренно осложнил ситуацию, которую можно было решить обычным служебным запросом.

— А что с входом в мою учётную запись?

Он придвинул ко мне распечатку. На листе находилась

таблица с несколькими временными отметками, адресами подключений и обозначениями пользователей. Большинство строк соответствовало обычным рабочим операциям, однако одна была выделена жёлтым цветом. Понедельник, 08:12. Удалённая авторизация. Восточный административный сектор.

— Мы проверили этот сеанс, — пояснил Маркус. — Подключение действительно зарегистрировано под вашим служебным идентификатором. Запрос прошёл через старый шлюз удалённого доступа, который используется для обслуживания нескольких архивных систем.

— Но я никогда не работала из восточного административного корпуса.

— Мы уже установили, что вы находились в другом месте. У нас есть сведения о времени вашего прохода через главный турникет и о первом подключении к рабочему компьютеру.

Я посмотрела на следующую строку. 08:53. Это соответствовало времени, когда я наконец добралась до своего стола после утренней пробки.

— Тогда почему вы не можете установить, кто воспользовался моими данными?

Маркус слегка сжал губы.

— Потому что система фиксирует источник подключения, но не личность человека, находившегося за терминалом. Сейчас мы выясняем, имел ли кто-нибудь доступ к вашим учётным данным или произошло некорректное назна-

чение пользовательского идентификатора.

Нолан Прайс до этого молча слушал разговор, изредка делая пометки в блокноте.

— Вы кому-нибудь сообщали свой пароль, мисс Келлер? — спросил он.

— Нет.

— Пользовались общими рабочими местами в последние несколько недель?

— Несколько раз. Но всегда завершала сеанс после работы.

— Записывали пароль на бумаге, сохраняли в браузере или отправляли себе по почте?

Я посмотрела на него с раздражением.

— Детектив, я четыре года работаю с архивами, в которых содержится конфиденциальная информация. Мне прекрасно известно, как обращаться со служебными данными.

Он не обиделся и даже не попытался объяснить, почему задаёт подобные вопросы.

— В таком случае нам придётся рассмотреть другие способы получения доступа.

Маркус открыл следующую страницу.

— Есть ещё одно обстоятельство. Вчерашнее распоряжение об удалении файла было подтверждено вашим идентификатором, но операция не сопровождалась обычным просмотром содержимого записи.

Я нахмурилась.

— Не понимаю.

— Когда сотрудник вручную меняет параметры хранения архивного материала, система обычно фиксирует последовательность действий: открытие карточки, переход в служебный раздел, изменение параметров и подтверждение. Здесь же операция поступила через внешний административный канал как готовый запрос.

— То есть кто-то использовал моё имя, даже не открывая саму запись?

— Именно так.

Я посмотрела на детектива. Он сидел, слегка подавшись вперёд, и внимательно изучал распечатку. Его поведение отличалось от манеры Харриса, который вчера почти сразу попытался убедить меня, что произошедшее не заслуживает внимания. Прайс не торопился ни соглашаться с моими предположениями, ни опровергать их, словно предпочитал сначала определить, какие сведения действительно можно подтвердить.

— Вы считаете это попыткой уничтожить доказательства? — спросила я.

Он поднял глаза.

— Пока у нас нет оснований утверждать, что целью было именно уничтожение доказательств. Для начала необходимо установить, кто создал запрос и почему использовал ваши служебные полномочия.

— А обстоятельства самого звонка разве не имеют значе-

ния?

— Имеют. Именно поэтому я здесь.

Я некоторое время смотрела на него, пытаясь понять, насколько подробно он знаком с историей Эйвери.

— Вы занимались её делом?

Прайс отложил ручку.

— Я участвовал в расследовании обстоятельств её исчезновения. После обнаружения тела материал передали в другое подразделение, но некоторые вопросы так и остались открытыми.

У меня появилось неприятное чувство, что разговор постепенно выходит за рамки проверки учётной записи.

— Значит, вы знаете, что её объявили погибшей шестого апреля?

— Да.

— И вам известно, что одиннадцать дней спустя в нашу службу поступил звонок от женщины, назвавшейся Эйвери Кросс?

Детектив некоторое время молчал.

— Теперь известно.

Он ответил настолько спокойно, что я не сразу осознала смысл сказанного.

— То есть до вчерашнего дня полиция вообще не знала об этой записи?

Маркус посмотрел на Прайса, но не вмешался.

— В материалах, с которыми я работал, подобного обра-

щения не было, — ответил детектив. — Однако это не означает, что о нём не знало какое-нибудь другое подразделение.

Я вспомнила, как первый оператор спокойно задавала вопросы, пытаясь выяснить адрес, а затем неизвестная женщина приняла вызов и начала интересоваться личностью звонившей.

— Там говорится, что в здании удерживают больше двадцати женщин. Девушка просит прислать полицию, называет имя охранника и предполагает, что находится возле порта. Но вместо помощи её соединяют с человеком, который сообщает ей, что она уже умерла.

Прайс смотрел на меня не перебивая.

— Вы прослушали запись целиком?

— Да.

— Сколько раз?

— Полностью один. Некоторые фрагменты переслушивала, потому что пыталась разобраться в технических данных.

— Вы уверены, что девушка действительно назвала себя Эйвери Кросс?

Я почувствовала раздражение, хотя прекрасно понимала необходимость вопроса.

— Она назвала имя, фамилию и дату рождения. Всё совпало с открытыми сведениями.

— Но вы не можете подтвердить, что голос принадлежал именно ей?

— У меня нет образца её голоса для сравнения.

Детектив кивнул.

— Это важное различие.

Я откинулась на спинку стула.

— Вы думаете, что кто-то специально представился именем погибшей девушки?

— Я думаю, что у нас есть запись, происхождение которой требует проверки. И есть официальные материалы об установлении личности погибшей женщины. Прежде чем делать выводы, необходимо понять, каким образом эти сведения могут сосуществовать.

— А если звонившая действительно была Эйвери?

Прайс посмотрел на меня внимательнее.

— Тогда придётся выяснить, чьё тело обнаружили в апреле.

По его лицу было невозможно определить, допускает ли он подобный исход или произнёс эти слова исключительно потому, что обязан рассматривать все версии. Я опустила взгляд на распечатку, лежавшую передо мной. За последние сутки я неоднократно думала о возможной ошибке при установлении личности, но услышать подобное предположение от полицейского оказалось значительно неприятнее. Особенно учитывая, что где-то в Греймарше существовала семья, похоронившая дочь и уже несколько месяцев пытавшаяся привыкнуть к её смерти.

— Вы разговаривали с родственниками Эйвери? — спросила я.

— Да.

— И что они говорят?

Прайс некоторое время смотрел на меня, после чего спокойно ответил:

— Пока я не могу обсуждать с вами подробности их показаний.

Я почувствовала себя глупо. Разумеется, он не собирался рассказывать сотруднице городского архива всё, что знал о расследовании. Но в тот момент мне было трудно воспринимать себя совершенно посторонним человеком, поскольку именно я обнаружила запись, существование которой, по всей видимости, не было известно даже полиции.

— Тогда хотя бы скажите, это дело действительно продолжают расследовать?

— Да, мисс Келлер. Установление личности погибшей не означает, что обстоятельства её смерти автоматически становятся понятными.

Я кивнула. Это был первый за последние сутки ответ, который показался мне по-настоящему обнадёживающим.

⁂

Разговор продолжался почти сорок минут. Прайс подробно расспросил меня о том, каким образом я обнаружила файл, какие действия выполняла после прослушивания, кому рассказала о необычном содержании и почему решила самостоятельно проверить техническую историю записи. Я старалась отвечать максимально точно, хотя несколько раз

ловила себя на желании оправдаться, словно в происходящем действительно имелась моя вина. Он не обвинял меня напрямую, но некоторые вопросы заставляли чувствовать себя человеком, который случайно оказался слишком близко к чужой тайне.

— Вы сообщили кому-нибудь за пределами управления о содержании записи? — спросил он ближе к концу разговора.

— Нет. Только Норе Беннет, она работает в диспетчерской, и мистеру Харрису.

— Никому из знакомых, родственников?

— Нет.

— А вчера вечером, после того как обнаружили нарушение доступа, с вами не пытался связаться кто-нибудь посторонний?

Я уже собиралась отрицательно покачать головой, когда вспомнила незнакомца в особняке напротив. Прайс заметил, что я замешкалась.

— Что-то произошло?

Я некоторое время решала, стоит ли рассказывать о подозрительной камере. Ситуация и без того выглядела достаточно странной, чтобы добавлять к ней историю о человеке, стоявшем ночью возле окна заброшенного дома. Однако если в дальнейшем выяснится, что за моей квартирой действительно наблюдали, я наверняка пожалею, что не сообщила об этом сразу.

— Вчера вечером я заметила человека в пустующем доме

напротив своей квартиры, — произнесла я. — А утром обнаружила на фотографии предмет, который может оказаться камерой.

Маркус оторвался от документов. Прайс не изменился в лице.

— Вы видели, кто находился в доме?

— Нет. Было темно, и человек стоял довольно далеко от окна.

— Во сколько это произошло?

— Примерно в одиннадцать вечера. Позже я видела кого-то возле ворот, но не уверена, был ли это тот же человек.

— Вы обращались в полицию?

— Нет. Я решила, что там могли находиться новые владельцы. Но сегодня утром агентство недвижимости сообщило, что больше не занимается продажей здания и никаких показов не проводило.

Детектив записал что-то в блокнот.

— У вас сохранились фотографии?

Я достала телефон и открыла галерею. Прайс попросил разрешения посмотреть снимки, после чего внимательно изучил каждый, не пытаясь увеличивать изображение сильнее, чем позволяла его чёткость.

— Возможно, это камера, — признал он. — Но по фотографии нельзя определить, куда она направлена и используется ли вообще.

— Я понимаю.

— Откуда открывается вид из этого окна?

— Почти прямо в мою гостиную.

Он вернул телефон.

— Сохраните исходные снимки. Если снова заметите подозрительную активность, сообщите в полицию. Но самостоятельно проверять дом я бы не рекомендовал, особенно пока вы не знаете, кто там находится.

— Вы считаете, что это связано с моим вчерашним обращением?

— У меня нет оснований утверждать подобное.

— Но вы ведь тоже видите, что совпадение выглядит странно?

Он немного помедлил.

— В расследовании недостаточно того, чтобы обстоятельства выглядели странно, мисс Келлер. Иногда события действительно оказываются не связанными между собой. Иногда связь существует, но её невозможно установить сразу.

Я посмотрела на него, пытаясь решить, успокаивает ли меня такой ответ. Скорее нет.

— При необходимости мы можем проверить сведения о собственнике здания и обстоятельствах его использования, — продолжил он. — Но пока я бы попросил вас не обсуждать эту историю с посторонними.

— Даже с соседкой, которая первая заметила незнакомых мужчин?

— Разговаривать с соседями вам никто не запрещает.

Просто не стоит превращать предположения в обвинения.

Я кивнула. В этом было достаточно здравого смысла, чтобы не спорить. Маркус тем временем собрал документы и сообщил, что мой рабочий доступ восстановят после смены пароля и повторного подтверждения личности. Прайс поднялся, собираясь уходить, но возле двери остановился.

— Мисс Келлер, ещё один вопрос.

Я посмотрела на него.

— Вы говорили, что прослушали запись только один раз. Что именно в ней заставило вас продолжить проверку, хотя ваш начальник рекомендовал передать материал руководству?

Мне потребовалось некоторое время, чтобы сформулировать ответ.

— Наверное, то, что женщина на линии знала о смерти Эйвери раньше, чем сама звонившая. И при этом совершенно не удивилась, когда услышала её голос.

Детектив ничего не сказал.

— Если бы это была ошибка, оператор наверняка попыталась бы выяснить, что происходит, — продолжила я. — Но она разговаривала так, словно заранее понимала, что такое возможно, и её гораздо больше беспокоило, откуда у девушки появился телефон.

Прайс внимательно слушал.

— А потом мужчина, который нашёл звонившую, потребовал узнать, кто получил доступ к разговору. Он не пытал-

ся выяснить, удалось ли ей вызвать полицию. Его интересовало, сохранилась ли запись.

Несколько секунд детектив смотрел на меня с выражением, которого я не могла прочитать.

— Вы очень внимательно слушаете, мисс Келлер.

— Это моя работа.

Он слегка кивнул.

— В таком случае постарайтесь пока ограничиться именно ею. Если обнаружите новые сведения, передавайте их официально, а не пытайтесь самостоятельно проверять людей и адреса.

Я хотела возразить, что не собираюсь заниматься никаким расследованием, но вспомнила утренний разговор с агентством недвижимости и решила промолчать. Прайс протянул мне визитную карточку с номером телефона и служебным адресом электронной почты.

— Если возникнут вопросы, которые имеют отношение к вашему сообщению или личной безопасности, можете связаться со мной.

Я взяла карточку.

— Спасибо.

Он попрощался с Маркусом и вышел. Когда дверь закрылась, я ещё некоторое время смотрела на его имя, напечатанное аккуратными чёрными буквами. Нолан Прайс. Детектив. Полиция Греймарша. Мне почему-то казалось, что на этом наше знакомство не закончится.

⁂

Вернувшись в отдел, я обнаружила Нору возле своего стола. Она делала вид, что просматривает рабочие материалы, но стоило мне появиться, как немедленно повернулась в мою сторону.

— Ну?

Я сняла куртку, которую зачем-то захватила с собой в переговорную, и повесила на спинку стула.

— Что именно тебя интересует?

— Для начала — почему тебя почти час допрашивал полицейский. Потом можем перейти к более незначительным вопросам, например, не собираются ли тебя уволить или арестовать.

— Никто меня не допрашивал. Просто проверяли обстоятельства несанкционированного доступа.

Нора сложила руки на груди.

— Слоан, я четыре года слушаю, как люди пытаются объяснить операторам, почему оказались в крайне сомнительной ситуации. Ты сейчас звучишь как мужчина, который утверждает, что совершенно случайно оказался голым на чужом балконе.

Я рассмеялась, хотя усталость постепенно начинала давать о себе знать.

— Меня не увольняют, не арестовывают и даже не собираются читать лекцию о соблюдении служебной дисциплины.

— Последнее особенно подозрительно. Харрис явно что-

то задумал.

Я рассказала ей о проверке, стараясь не упоминать подробности разговора, которые могли относиться к полицейскому расследованию. Нора слушала внимательно и почти не перебивала, а когда я дошла до сообщения о том, что запись Эйвери всё-таки сохранили, облегчённо выдохнула.

— Хорошо. По крайней мере, теперь у полиции есть возможность разобраться.

— Если им действительно позволят получить все материалы.

Она посмотрела на меня.

— Ты опять начинаешь.

Я взяла кофе, который к тому времени успел окончательно остыть.

— Что именно?

— Считать, что если кто-то не отвечает тебе немедленно, значит, обязательно пытается что-нибудь скрыть.

— А ты не находишь странным, что запись поступила через неизвестный канал, была закрыта до начала разговора, а потом кто-то использовал мою учётную запись, чтобы удалить её?

Нора вздохнула.

— Нахожу. Но теперь этим занимается полиция, а не мы с тобой за кухонным столом.

Я собиралась ответить, однако в этот момент возле нашего кабинета появился Харрис. Он остановился на пороге, по-

смотрел сначала на Нору, затем на меня и произнёс:

— Келлер, зайдите ко мне, когда восстановите доступ.

По его выражению лица было понятно, что разговор не доставит удовольствия ни одной из сторон.

⁂

Харрис ожидал меня за своим столом, аккуратно сложив руки поверх папки с документами. Я едва успела войти, как он сообщил, что руководство управления приняло решение временно отстранить меня от работы с материалами, связанными с делом Эйвери Кросс.

— До завершения внутренней проверки ваши обязанности будут ограничены текущей обработкой архивных записей, не относящихся к указанному происшествию, — произнёс он.

Я смотрела на него, пытаясь понять, является ли это наказанием или обычной мерой предосторожности.

— Но ведь саму запись сохранили, а подозрительный вход подтвердили.

— Именно поэтому дальнейшие действия будут выполнять сотрудники, обладающие соответствующими полномочиями.

— Я не возражаю против передачи материала полиции. Просто хотела понять, почему меня отстраняют от обычной технической проверки.

Харрис снял очки.

— Потому что вы уже сообщили о происшествии, и теперь

продолжение самостоятельной работы с ним может осложнить расследование.

Я почувствовала раздражение, но заставила себя говорить спокойно.

— Тогда я хотела бы получить письменное распоряжение об изменении моих обязанностей.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Вы сомневаетесь в моих словах?

— Нет. Просто после того, как кто-то воспользовался моими служебными полномочиями, я предпочитаю, чтобы все изменения фиксировались официально.

На несколько секунд в кабинете установилась тишина. Харрис медленно вернул очки на место.

— Вы получите соответствующее уведомление до конца рабочего дня.

Я кивнула.

— Спасибо.

Он уже собирался вернуться к документам, когда я спросила:

— Мистер Харрис, вы когда-нибудь слышали о подразделении под названием «Вторичная линия обработки»?

Его рука остановилась над клавиатурой. Изменение было настолько незначительным, что в других обстоятельствах я наверняка его не заметила.

— Разве этот вопрос не обсуждался вчера?

— Обсуждался. Но теперь выяснилось, что подобного

подразделения нет в действующем справочнике. Нора предположила, что название может относиться к старому контракту на обслуживание резервных линий.

Харрис посмотрел на меня.

— В городском управлении за последние двадцать лет использовалось множество технических систем и сторонних подрядчиков. Не все их обозначения сохраняются в актуальной документации.

— Значит, такой подрядчик действительно существовал?

— Я этого не говорил.

Мне показалось, что он начинает терять терпение.

— Я лишь объясняю, почему вам не следует делать выводы на основании одного служебного обозначения.

— Понимаю.

Он некоторое время молчал, после чего неожиданно спросил:

— Нора Беннет тоже занимается поиском информации об этом подразделении?

Я почувствовала неприятный холод в груди.

— Мы обсуждали техническую сторону вчерашнего происшествия. Она работает непосредственно с экстренными вызовами, поэтому я попросила объяснить особенности маршрутизации.

— Тогда передайте мисс Беннет, что её обязанности также не предполагают самостоятельного изучения материалов, которые находятся на проверке у полиции.

Я кивнула. Харрис вернулся к компьютеру, ясно дав понять, что разговор закончен. Уже возле двери мне пришло в голову, что он так и не ответил на первоначальный вопрос. И, возможно, вовсе не потому, что не знал ответа.

⁂

После обеда я получила новые данные для авторизации и смогла наконец вернуться к работе. На этот раз система открылась без ошибок, хотя доступ к нескольким архивным каталогам оказался ограничен. В личном кабинете появилось уведомление о смене полномочий, а в электронной почте лежало распоряжение Харриса, составленное настолько аккуратно, что мне даже стало немного стыдно за собственные подозрения. Я перечитала документ, убедилась, что он касается только материалов конкретного происшествия, и вернулась к проверке записей, назначенных на сегодня. Работы было достаточно.

За несколько часов мне предстояло обработать более сотни файлов, часть которых содержала совершенно обычные обращения о дорожных происшествиях, бытовых конфликтах и медицинских ситуациях. Несколько раз я ловила себя на том, что начинаю отвлекаться, пытаясь вспомнить голос Эйвери Кросс, и раздражённо возвращалась к таблице. Я понимала, что необходимо позволить полиции заниматься собственным расследованием, но отсутствие возможности хотя бы проверить, действительно ли запись будет сохранена, вызывало неприятное чувство беспомощности. Около трёх ча-

сов ко мне подошла Нора.

Она принесла распечатку с техническими обозначениями, которые нашла в старом справочнике, и положила её на стол.

— Это не материалы по делу, — сразу предупредила она, заметив мой взгляд. — Обычная историческая документация, доступная сотрудникам нашего подразделения. Я решила, что нам будет полезно разобраться в названиях, прежде чем мы окончательно начнём путать резервные линии с каким-нибудь секретным правительственным проектом.

Я улыбнулась и придвинула лист ближе. В таблице находились десятки обозначений, часть которых относилась к давно выведенным из эксплуатации системам. Нора отметила несколько строк, связанных с резервной передачей вызовов между округами. Одна из них привлекла моё внимание. Дополнительный канал обработки — линия 02. Я посмотрела на Нору.

— Это похоже на то, что мы ищем.

— Похоже, но здесь нет названия организации. Только обозначение технического шлюза и ссылка на старый договор обслуживания.

— Можно посмотреть сам договор?

— Насколько я поняла, он находится в муниципальном архиве договоров. Это не закрытые сведения, просто большая часть документов за тот период ещё не перенесена в электронную систему.

Я провела пальцем по строке. Дата заключения договора относилась к периоду, когда я ещё училась в колледже и понятия не имела, что однажды буду работать с архивами экстренных вызовов. Тогда всё казалось гораздо проще. Я собиралась получить образование, найти нормальную работу и как можно быстрее уехать из Греймарша, чтобы никогда больше не зависеть от людей, считавших, что способны принимать решения за меня. Прошло пять лет, а я по-прежнему жила в том же городе, работала с чужими трагедиями и теперь пыталась выяснить, почему неизвестная система смогла обработать звонок женщины, которая официально считалась мёртвой.

— Я могу запросить копию договора через обычный архивный сервис? — спросила я.

Нора пожала плечами.

— Если он общедоступный, почему нет? Только, пожалуйста, сначала убедись, что это не нарушает распоряжения Харриса. Мне бы не хотелось, чтобы завтра нас обеих вызвали в переговорную.

Я посмотрела на распечатку. Договор не относился непосредственно к делу Эйвери и, насколько я понимала, являлся обычным документом о закупке технических услуг. Но после сегодняшних разговоров мне совсем не хотелось проверять границы собственных полномочий.

— Знаешь что, — произнесла я, возвращая ей лист. — Давай пока не будем ничего запрашивать. Я сообщу Прай-

су, что нашла возможную связь с прежним подрядчиком, и пусть он решает, имеет ли смысл проверять документы.

Нора посмотрела на меня с неподдельным удивлением.

— Кто ты и что сделала с моей подругой?

Я рассмеялась.

— Пытаюсь вести себя как ответственный взрослый человек.

— Удивительно. Надеюсь, это состояние продлится хотя бы до завтра.

Она забрала распечатку, но перед уходом остановилась.

— Слоан, а ты не думала взять пару выходных?

Я посмотрела на неё.

— Из-за чего?

— Из-за всего этого. Ты почти не спишь, постоянно думаешь об одной записи и сегодня уже успела познакомиться с полицейским детективом, хотя обычно самое опасное событие твоей рабочей недели — спор с Харрисом о неправильно заполненной таблице.

Я улыбнулась, но её слова заставили задуматься. Возможно, небольшой перерыв действительно помог бы разобраться в собственных мыслях. Только мне почему-то казалось, что если сейчас просто уйти домой и постараться забыть о произошедшем, тревога никуда не исчезнет. Она лишь останется со мной наедине, без привычной рабочей суеты, за которой так удобно прятать неприятные вопросы.

— Может быть, на следующей неделе, — ответила я.

Нора посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала.

⁂

Я вышла из управления немного позже обычного. Дождь к тому времени почти закончился, однако воздух оставался влажным и холодным, а над восточной частью города постепенно поднимался густой туман. Возле главного входа стояли несколько сотрудников вечерней смены, обсуждавших предстоящие выходные, а на парковке кто-то безуспешно пытался завести старый автомобиль. Я остановилась под навесом, пытаясь найти в сумке ключи, когда порыв ветра вырвал из плохо закрытой папки несколько листов. Один упал возле моих ног, другой проскользил по мокрому асфальту, а третий полетел к лестнице, ведущей на нижнюю площадку.

Я выругалась и бросилась за ним, но не успела сделать и нескольких шагов, как бумагу остановил чей-то ботинок. Мужчина наклонился, поднял лист и протянул мне.

— Кажется, это ваше.

Я посмотрела на него и на мгновение растерялась. Незнакомец оказался настолько высоким, что мне пришлось заметно поднять голову. На нём было длинное тёмное пальто поверх чёрной рубашки, а коротко остриженные волосы почти не скрывали татуировку, поднимавшуюся от шеи к затылку. Его телосложение производило впечатление даже под одеждой: широкие плечи, мощные руки и спокойная уверенность в движениях человека, которому редко приходится

уступать дорогу. На пальцах правой руки виднелись чёрные линии татуировок, частично уходившие под манжет. Он не улыбался.

Но и не выглядел особенно недовольным тем, что ему пришлось остановиться из-за чужих бумаг.

— Спасибо, — произнесла я, забирая лист.

Он коротко кивнул. Я собиралась вернуться к машине, когда заметила, что незнакомец по-прежнему стоит возле лестницы. Взгляд его скользнул по документам в моих руках, но не задержался на них достаточно долго, чтобы я могла решить, что он пытается прочитать текст.

— Ветер здесь всегда такой? — спросил он.

Голос оказался низким, немного хрипловатым, с едва заметной ленивой интонацией. Я невольно усмехнулась.

— Это Греймарш. Здесь либо ветер, либо дождь, а иногда город старается порадовать нас обоими одновременно.

На его лице появилось что-то отдалённо напоминавшее улыбку.

— Значит, мне повезло с погодой.

— Если вы считаете сегодняшнюю погоду удачей, вам определённо стоит приехать сюда в январе.

Он посмотрел на небо, где низкие облака почти полностью скрывали верхушки соседних зданий.

— Возможно, так и сделаю.

Незнакомец произнёс это спокойно, без намёка на попытку продолжить разговор, но почему-то мне показалось, что

он действительно запомнил сказанное. Я поправила папку.

— Ещё раз спасибо.

— Не за что.

Он отошёл в сторону, освобождая проход, и я направилась к машине. Только оказавшись возле водительской двери, я поняла, что за всё время разговора незнакомец ни разу не спросил моего имени и даже не попытался познакомиться. Впрочем, это было вполне естественно. Люди иногда помогают друг другу поднять обронённые вещи, а затем продолжают заниматься собственными делами. В этом не обязательно существует какой-то скрытый смысл. Я положила папку на пассажирское сиденье и села за руль.

Когда завела двигатель, мужчина всё ещё стоял возле лестницы, разговаривая по телефону. Он повернулся спиной к парковке, и я заметила, что татуировка продолжается выше воротника, охватывая часть затылка. Даже издалека было видно, насколько широки его плечи по сравнению с большинством проходивших мимо людей. Я почему-то задержала на нём взгляд немного дольше, чем собиралась. Затем включила поворотник и выехала со стоянки, напомнив себе, что незнакомый мужчина, который поднял с земли бумажку, совершенно не заслуживает такого количества внимания.

По крайней мере, не больше, чем все остальные люди, с которыми я случайно сталкивалась в течение дня.

⁂

По дороге домой я заехала в супермаркет, решив, что ес-

ли собираюсь продолжать существовать на кофе и случайных ужинах с Норой, то рано или поздно сама стану героиней одного из медицинских вызовов, с которыми ежедневно работаю. Я купила продукты на несколько дней, новую упаковку стирального порошка и дешёвое комнатное растение, которое уже возле кассы начала считать совершенно необязательной покупкой. Оно стояло на полке среди уценённых товаров, выглядело немного несчастным и почему-то напомнило мне о собственной квартире, где большинство вещей существовало исключительно потому, что когда-то мне было жалко их выбросить.

Пока кассир пробивала покупки, я несколько раз доставала телефон, проверяя, не пришло ли сообщение от Норы или Маркуса Дейна. Ничего не было. Возможно, мне стоило воспринимать отсутствие новостей как хороший знак, но за последние сутки я настолько привыкла ждать очередной неприятности, что обычная тишина начала казаться подозрительной. Я попыталась отвлечься мыслями о предстоящем ужине, хотя особого желания готовить не испытывала. Ещё утром собиралась запечь курицу с овощами, но теперь идея провести час возле духовки выглядела значительно менее привлекательной, чем возможность просто заказать еду и лечь на диван.

На парковке я обнаружила сообщение от матери. Она напоминала о семейном ужине на День благодарения и спрашивала, не хочу ли я пригласить кого-нибудь из знакомых.

Судя по формулировке, под «знакомыми» подразумевался мужчина, существование которого мама продолжала упорно предполагать, несмотря на отсутствие каких-либо подтверждений. Я ответила, что приеду одна, и получила почти мгновенное сообщение: Ты хотя бы познакомилась с кем-нибудь интересным за последнее время? Я невольно вспомнила незнакомца возле лестницы управления. Высокого мужчину с короткой стрижкой, татуировками на пальцах и странно спокойным взглядом.

Это воспоминание оказалось настолько неожиданным, что я даже усмехнулась. Разумеется, знакомство продолжительностью меньше минуты едва ли соответствовало представлениям матери о перспективной личной жизни. Пока нет, — написала я. Затем добавила, что обязательно позвоню завтра вечером, убрала телефон и поехала домой.

⁂

На Харпер-стрит я вернулась около половины седьмого. К тому времени уже окончательно стемнело, а сырой ветер разогнал остатки тумана, открыв вид на верхние этажи соседних зданий. Возле круглосуточного магазина стояли два автомобиля, из открытой двери доносилась музыка, а мужчина в оранжевой рабочей куртке пытался убедить кого-то по телефону, что автомобиль сломался не по его вине. Улица выглядела совершенно привычно. И всё же, подъезжая к дому, я машинально посмотрела на особняк напротив. В окнах не было света. Калитка оставалась закрытой, а возле ворот

не стояло ни одного автомобиля.

Я даже почувствовала некоторое облегчение, словно отсутствие незнакомцев в заброшенном здании окончательно подтверждало, что вчерашние события не имели ко мне никакого отношения. Припарковавшись, я забрала пакеты с продуктами и направилась к подъезду. Миссис Уэллер, к счастью, не появилась, хотя из-под её двери доносились звуки телевизора. Я поднялась на второй этаж, открыла квартиру и почти сразу включила свет во всех комнатах, не желая возвращаться в тёмное помещение после настолько неприятного рабочего дня. Пока раскладывала продукты, телефон несколько раз завибрировал.

Сначала пришло сообщение от Норы с фотографией её кота, который опять занял большую часть кровати. Затем — короткое уведомление от матери, пожелавшей мне спокойного вечера. Я ответила обеим, поставила чайник и наконец переоделась в домашнюю одежду. Казалось, обычные вечерние дела постепенно возвращают чувство контроля над собственной жизнью. Я включила музыку, достала из холодильника овощи и начала готовить ужин, стараясь не думать ни о служебной проверке, ни о детективе Прайсе, ни о человеке, который воспользовался моими данными для удаления записи. Некоторое время мне даже удавалось.

Но когда я подошла к окну, собираясь закрыть шторы, взгляд снова остановился на доме напротив. Вчерашнее окно второго этажа выглядело пустым. Я внимательно рассмот-

рела его, хотя с наступлением темноты различить что-либо внутри было практически невозможно. Мне пришло в голову, что если предмет действительно являлся камерой, то за день его вполне могли убрать. Впрочем, при нынешнем освещении я не сумела бы заметить даже относительно крупный штатив, особенно если он находился немного в глубине комнаты. Я закрыла шторы.

Затем вернулась на кухню и попыталась убедить себя, что человек, который видел вчера незнакомую фигуру в пустующем доме, имеет полное право немного беспокоиться, не превращаясь при этом в параноика.

⁂

Около восьми вечера я открыла ноутбук, чтобы оплатить несколько счетов. После работы заниматься подобными вещами хотелось меньше всего, но я уже дважды откладывала оплату электричества, а перспектива остаться без света представлялась крайне непривлекательной, особенно после истории с соседним особняком. В почтовом ящике накопилось несколько рекламных сообщений, уведомление от банка и письмо от городской службы внутренней безопасности. Я открыла последнее, ожидая увидеть подтверждение того, что мой пароль изменён и все прежние подключения завершены.

Но содержание оказалось другим. Уведомление о завершении служебной проверки. Я нахмурилась и перечитала тему. В письме сообщалось, что обращение о несанкциониро-

ванном использовании учётной записи закрыто по инициативе заявителя. Ниже находился номер моего вчерашнего сообщения. Я некоторое время смотрела на экран, пытаясь понять, не перепутала ли что-нибудь. Возможно, речь шла о закрытии старого обращения после переноса материалов в полицейское производство. Подобная процедура выглядела бы вполне разумной, если бы в письме не содержалось уточнение о причине завершения проверки.

Заявитель подтвердил отсутствие признаков нарушения безопасности и отозвал ранее поданное уведомление. Я медленно поставила кружку на стол. Ничего подобного я не подтверждала. Более того, всего несколько часов назад Маркус Дейн лично сообщил, что расследование продолжается, а мою учётную запись восстановят исключительно после проверки личности и смены пароля. Я открыла прикреплённый документ. На первой странице находилось заявление, составленное от моего имени.

Я, Слоан М. Келлер, прошу прекратить проверку обстоятельств использования моей учётной записи, поскольку после дополнительного изучения доступных сведений не обнаружила оснований полагать, что имело место несанкционированное подключение. Дальше следовало несколько стандартных формулировок о том, что заявитель ознакомлен с возможными последствиями отзыва обращения и не имеет претензий к сотрудникам, осуществлявшим первоначальную обработку материалов. Я перечитала текст ещё раз.

Смысл был совершенно однозначным. Кто-то не просто пытался воспользоваться моими полномочиями для удаления записи Эйвери Кросс.

Теперь этот человек оформил документ, согласно которому я добровольно признала собственные подозрения ошибочными. Я прокрутила страницу вниз. Под текстом находилась электронная отметка о подтверждении личности, а рядом — дата и время регистрации заявления. Вторник. 19:14. Я посмотрела на часы в правом углу экрана. 20:06. Меньше часа назад кто-то снова воспользовался моим именем, несмотря на то что утром сотрудники службы безопасности заблокировали все прежние подключения и выдали мне новые данные для входа. Я почувствовала, как неприятно похолодели пальцы.

Вчера ещё можно было представить, что произошла техническая ошибка или кто-нибудь случайно использовал старый сеанс. Но теперь это объяснение больше не казалось убедительным. Кто-то получил возможность действовать от моего имени уже после того, как служба безопасности официально подтвердила нарушение. Я открыла сведения о документе. В графе способа подачи значилось: Внешний служебный канал. Ниже находился цифровой идентификатор. Он выглядел знакомым. Я потянулась за рабочим блокнотом, который после возвращения домой оставила в сумке, и начала торопливо перелистывать страницы, пока не нашла вчерашние записи.

Внешний оператор. Вторичная линия обработки. Под названием находился длинный номер, который я скопировала из журнала доступа к аудиофайлу Эйвери Кросс. Я положила блокнот рядом с ноутбуком и принялась внимательно сравнивать цифры. Первые четыре совпадали. Затем ещё несколько. Я проверила номер повторно, опасаясь, что от усталости начинаю видеть закономерности там, где их нет. Но ошибки не было. Идентификатор, указанный в заявлении об отзыве моей жалобы, полностью совпадал с номером внешнего оператора, который фигурировал в истории архивной записи Эйвери Кросс. Я медленно откинулась на спинку стула.

До этого момента всё происходящее ещё можно было попытаться объяснить несколькими независимыми нарушениями: ошибкой в маршрутизации старого вызова, некорректной регистрацией данных и компрометацией моей учётной записи. Теперь же становилось очевидно, что по крайней мере часть этих событий связана между собой. Неизвестный пользователь, который имел отношение к обработке звонка Эйвери, продолжал использовать служебные возможности спустя восемь месяцев после её исчезновения.

И почему-то ему было настолько важно прекратить проверку, что он решил подать от моего имени официальное заявление. Я попыталась открыть сведения о том, кто именно подтвердил электронную подпись, но система сообщила, что соответствующие данные доступны только сотрудникам

внутренней безопасности. Впервые за весь день мне захотелось немедленно поехать обратно в управление и потребовать объяснений. Однако я вспомнила слова Прайса о необходимости передавать новые сведения официально. Поэтому сделала несколько снимков экрана, сохранила исходное письмо вместе с вложением и открыла визитную карточку детектива.

Номер телефона находился в нижней части. Я набрала его. После нескольких гудков Прайс ответил.

— Слушаю.

— Детектив, это Слоан Келлер. Из городского архива.

Он узнал меня сразу.

— Что-то случилось?

Я посмотрела на документ.

— Кто-то только что закрыл моё обращение о несанкционированном доступе. Причём сделал это от моего имени.

На другом конце линии ненадолго воцарилась тишина.

— Вы подписывали какие-нибудь заявления после нашей встречи?

— Нет.

— Разрешали кому-нибудь пользоваться восстановленной учётной записью?

— Разумеется, нет. Но дело даже не в этом.

Я перевела взгляд на блокнот.

— В заявлении указан идентификатор пользователя, который фигурировал в истории звонка Эйвери Кросс. Тот са-

мый внешний оператор, о котором мы говорили утром.

Теперь Прайс молчал значительно дольше.

— Вы можете прислать мне письмо вместе с вложением, не изменяя файлы?

— Да.

— Отправьте на адрес, указанный на визитке. Не удаляйте оригинал и пока не отвечайте на само уведомление. Я свяжусь с сотрудником, который проводил вашу проверку.

Я открыла почту и начала создавать сообщение.

— Детектив, вы понимаете, что это означает?

— Пока я понимаю, что кто-то продолжает использовать ваши служебные данные. Остальные выводы будем делать после проверки.

Я почувствовала раздражение.

— Но это же тот самый идентификатор! Сначала запись девушки, которая официально умерла, потом попытка удалить её из архива, теперь заявление от моего имени...

— Слоан.

Он впервые обратился ко мне без формального «мисс Келлер», и я невольно замолчала.

— Я не говорю, что вы ошибаетесь. Но сейчас важнее сохранить доказательства, чем пытаться немедленно объяснить всё происходящее.

Я сделала глубокий вдох.

— Хорошо.

— Вы дома?

— Да.

— За сегодняшний вечер не происходило ничего необычного? Незнакомые звонки, сообщения, кто-нибудь возле подъезда?

Я посмотрела в сторону гостиной.

— Нет. По крайней мере, ничего не заметила.

— А дом напротив?

Меня неприятно удивило, что он вспомнил о нём.

— Когда приехала, там было темно. Больше я не смотрела.

— Тогда пока оставайтесь дома. Я уточню несколько обстоятельств и сообщу, если потребуется дополнительная информация. Если заметите что-нибудь, что заставит опасаться за собственную безопасность, сразу звоните в полицию.

— Вы действительно думаете, что мне может что-то угрожать?

Прайс ответил не сразу.

— Я думаю, что сейчас слишком рано исключать такую возможность.

От его слов мне стало значительно менее спокойно. Мы договорились, что я отправлю документы в течение ближайших минут, после чего детектив попрощался и завершил разговор. Я ещё некоторое время сидела с телефоном в руках, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. Сегодня утром я опасалась, что незнакомец из дома напротив мог наблюдать за моей квартирой. К вечеру мне уже стало известно, что неизвестный человек способен действовать от

моего имени внутри системы городского управления, даже после смены пароля и официальной проверки службы безопасности. Оба обстоятельства выглядели неприятно.

Но самым тревожным было то, что я по-прежнему не понимала, имеют ли они какое-нибудь отношение друг к другу.

⁂

Отправив письмо Прайсу, я выключила ноутбук и вернулась на кухню. Ужин давно остыл. Я разогрела еду, но почти не притронулась к ней, поскольку постоянно возвращалась мыслями к документу, который кто-то оформил от моего имени. Мне казалось странным, что человек, обладающий достаточными полномочиями для доступа к закрытым материалам, продолжает использовать именно мою учётную запись. Если его целью было уничтожить сведения о звонке Эйвери, гораздо проще оказалось бы воспользоваться административным доступом, не привлекая внимания к обычному сотруднику архива.

Но он дважды выбрал моё имя. Причём второй раз сделал это уже после того, как прекрасно должен был понимать, что нарушение обнаружено. Я попыталась представить, кому подобные действия могли принести пользу. Возможно, кто-то хотел создать впечатление, будто именно я пыталась удалить запись, а затем отозвала собственное обращение, испугавшись возможной проверки. Если расследование продолжится, в журналах останется последовательность событий, которую постороннему человеку будет нетрудно истол-

ковать против меня. Сотрудница архива обнаружила странный файл.

После этого с её учётной записи поступило распоряжение об удалении. Когда нарушение стало известно, та же сотрудница заявила, что никаких проблем не обнаружила. При желании подобную историю действительно можно представить как попытку скрыть собственные действия. Я почувствовала, как неприятно сжалось горло. До этого момента мне казалось, что неизвестный пользователь пытается заставить меня прекратить поиски. Теперь возникло куда более тревожное предположение. Возможно, он не просто хотел помешать мне.

Возможно, он собирался сделать так, чтобы в случае возникновения вопросов именно я оказалась человеком, которому придётся отвечать за происходящее. Я отодвинула тарелку и подошла к окну. На Харпер-стрит было тихо. Возле магазина на углу стояли двое мужчин, обсуждавших что-то рядом с припаркованным автомобилем. В нескольких окнах горел свет, а над дорогой медленно проплывали остатки тумана. Я осторожно отодвинула край шторы. Особняк напротив оставался тёмным. На втором этаже не было видно ни человека, ни предмета, напоминающего камеру. Я уже собиралась закрыть штору, когда заметила, что одно из окон теперь приоткрыто.

Раньше оно всегда оставалось закрытым. Насколько я помнила, деревянная рама выглядела настолько старой, что

вряд ли вообще могла двигаться без посторонней помощи. Я несколько секунд рассматривала узкую тёмную щель, пытаясь понять, действительно ли окно открыто или просто так падает тень от уличного фонаря. Затем заметила лёгкое движение занавески внутри комнаты. Возможно, сквозняк. Если в доме проводили ремонт, кто-то вполне мог открыть окно, чтобы проветрить помещение. Я уже собиралась отойти, когда из глубины комнаты на мгновение появился слабый свет.

Не яркий, как от потолочной лампы, а приглушённый, холодный, напоминавший экран телефона или небольшого монитора. Он осветил часть стены, затем исчез. Несколько секунд ничего не происходило. Потом свет появился снова. Я почувствовала неприятное напряжение, но заставила себя не делать поспешных выводов. За окном мог находиться кто угодно: новый владелец, строитель, охранник или просто человек, которому поручили проверить состояние здания. Само по себе присутствие людей в частном доме не являлось преступлением.

Но теперь мне было гораздо труднее воспринимать происходящее как случайность. Я достала телефон и сделала несколько фотографий, стараясь не двигать штору сильнее, чем необходимо. На последнем снимке удалось различить часть открытой рамы и небольшой участок стены внутри комнаты. Никакой фигуры не было видно. Я убрала телефон и уже собиралась вернуться на кухню, когда заметила ещё одну деталь. Окно второго этажа находилось точно напротив

моего. Если человек внутри комнаты стоял возле подоконника, он мог прекрасно видеть, что я наблюдаю за домом. Я медленно отпустила штору.

Сердце билось быстрее обычного, хотя происходящее всё ещё не давало оснований утверждать, что кто-то действительно следит за мной. Возможно, именно поэтому ситуация казалась настолько неприятной. Не существовало ничего, что я могла бы предъявить как убедительное доказательство. Лишь несколько размытых фотографий, странный дом напротив и служебная проверка, которую кто-то пытался закрыть моим именем. Я вернулась к столу и открыла сообщение Прайса, чтобы дополнительно отправить новые снимки.

Но прежде чем успела прикрепить файлы, телефон завибрировал. На экране появилось уведомление из служебной системы. Зарегистрировано новое действие от имени пользователя S. Keller. Я нахмурилась. Доступ к рабочим материалам должен был требовать повторной авторизации, а все прежние сеансы, по словам Маркуса Дейна, были завершены ещё утром. Я открыла уведомление. В строке операции значилось: Запрос на получение архивных материалов. Ниже находился номер обращения. GM-0417-9286. Я узнала его сразу. Это была запись Эйвери Кросс.

Но на этот раз неизвестный пользователь не пытался удалить файл или отозвать жалобу. Система сообщала, что с моей учётной записи оформлен запрос на получение копии материала, а в качестве места передачи указан внешний тер-

минал, расположенный в восточном административном секторе. Тот самый терминал, откуда вчера утром кто-то впервые воспользовался моим именем. Я продолжала смотреть на экран, чувствуя, как страх постепенно уступает место совершенно другому ощущению. До этого момента я считала, что неизвестный человек пытается уничтожить запись.

Но теперь он запрашивал её копию. И если раньше подобные действия ещё можно было объяснить попыткой скрыть следы, то сейчас возникал вопрос, на который у меня не находилось разумного ответа. Зачем кому-то, кто уже имел доступ к архивным материалам, снова понадобилась запись, причём оформленная именно от моего имени? Я прокрутила уведомление вниз, надеясь увидеть дополнительные сведения. В графе получателя находилось короткое служебное обозначение. Вторая линия обработки. А непосредственно под ним — время подтверждения запроса. 20:47. Я посмотрела на часы. 20:46.

Несколько секунд я не могла понять, что именно вижу, а затем заметила, что время на телефоне изменилось. 20:47. Запрос, который я не отправляла, только что вступил в силу. И кто-то, находившийся на другом конце города, снова начал действовать от моего имени. Я потянулась за телефоном, собираясь немедленно позвонить Прайсу, но остановилась, когда за окном раздался короткий металлический звук. Он был негромким, почти незаметным на фоне уличного шума. Я подошла к шторе и осторожно выглянула наружу. Окно

особняка напротив теперь было закрыто. Свет внутри погас.

Я не могла знать, находился ли там тот же человек, которого видела вчера, или совершенно посторонний посетитель, не имевший никакого отношения к происходящему. Но в тот момент меня впервые по-настоящему испугала мысль, что кто-то может наблюдать не только за действиями в моём рабочем кабинете. Возможно, он видел и то, как я стою сейчас возле окна собственной квартиры. Я отпустила штору и набрала номер детектива. И только когда в трубке раздался первый гудок, поняла, что за последние сутки перестала задавать себе вопрос, действительно ли произошло что-то необычное. Теперь меня интересовало другое.

Кто получил доступ к моей жизни настолько близко, что я до сих пор даже не заметила его присутствия?

# Глава 5

**Адрес отправителя**

*Слоан Келлер*

*Греймарш, штат Редмонт. Вторник, поздний вечер.*

Детектив Прайс ответил после третьего гудка, и я почувствовала неожиданное облегчение, хотя ещё не успела произнести ни слова. Последние несколько минут я стояла посреди гостиной, держа телефон возле уха и стараясь не смотреть в сторону окна, за которым находился старый особняк. Мне казалось, что стоит снова отодвинуть штору, как я непременно увижу там человека, и это окончательно превратит мои подозрения во что-то гораздо более неприятное.

— Келлер? — произнёс детектив. — Что произошло?

Я быстро объяснила ему содержание нового уведомления, стараясь не перескакивать с одной подробности на другую. Прайс выслушал меня, уточнил время операции и попросил продиктовать номер обращения, хотя наверняка уже помнил его после сегодняшнего разговора.

— Вы говорите, запрос на получение копии поступил через тот же внешний канал? — спросил он, когда я закончила.

— Именно. Причём снова от моего имени. Я даже не была подключена к рабочей системе, когда его зарегистрировали.

— Сам запрос исполнен или только принят к обработке?

Я вернулась к ноутбуку, который оставила открытым на

кухонном столе, и ещё раз просмотрела уведомление.

— Здесь указано «подтверждён». Ниже есть поле с получателем, но вместо названия организации стоит только обозначение линии.

— Отправьте мне всё, что получили. И, Слоан, не пытайтесь самостоятельно открывать связанные материалы, даже если система неожиданно предоставит такую возможность.

Я нахмурилась.

— Вы говорите так, словно я собираюсь взламывать собственное управление.

— Я говорю так, потому что за последние два дня кто-то несколько раз использовал ваши служебные данные, а теперь пытается получить материал, который находится на проверке у полиции. Мне бы не хотелось, чтобы вы случайно изменили какие-нибудь сведения до того, как мы установим происхождение запросов.

Объяснение было разумным, и всё же мне не понравилось, насколько беспомощной оно заставляло себя чувствовать. Я могла обнаружить нарушение, сообщить о нём, предоставить все имеющиеся сведения, но после этого от меня требовалось исключительно ждать, пока другие люди решат, что происходит.

— Хорошо, — произнесла я. — Документы отправлю сейчас.

Прайс помолчал, затем спросил:

— Вы ещё возле окна?

Я невольно повернула голову в сторону гостиной.

— Откуда вы знаете?

— Вы сказали, что заметили движение в доме напротив. Я хочу понять, продолжаете ли наблюдать за ним.

— Нет. Я закрыла шторы.

— Так и оставьте. Я направлю патруль, чтобы сотрудники осмотрели улицу. Если там действительно кто-то находится, они смогут хотя бы установить, есть ли основания для дальнейшей проверки.

Мне хотелось спросить, почему он сам не собирается приехать, но я вовремя напомнила себе, что расследование, вероятно, не ограничивается одной сотрудницей архива и её подозрительным соседом.

— Вы считаете, мне не следует выходить из квартиры?

— На данный момент у меня нет оснований утверждать, что вам непосредственно угрожают. Но если вы чувствуете себя небезопасно, лучше провести вечер дома. И, пожалуйста, не ходите проверять особняк самостоятельно.

Я почти обиделась.

— У меня не было таких планов.

— Рад это слышать.

Он сказал это с едва заметной иронией, и мне показалось, что впервые за время нашего знакомства детектив позволил себе разговаривать со мной не исключительно как с участницей служебной проверки. Перед тем как завершить разговор, Прайс уточнил мой домашний адрес и попросил не от-

крывать дверь незнакомым людям до приезда патруля. Я повторила, что поняла его рекомендации, и попрощалась. Но когда связь оборвалась, в голове неожиданно возник вопрос, который я не успела задать.

За последние сутки неизвестный человек получил возможность использовать мою учётную запись, оформлять документы от моего имени и получать материалы, к которым мне самой закрыли доступ. Откуда мне знать, что он не способен проделать нечто подобное с другими служебными системами? Я посмотрела на телефон, затем на визитную карточку Прайса, лежавшую рядом с ноутбуком. Разумеется, детектив не имел никакого отношения к моим подозрениям, и всё же происходящее постепенно лишало меня возможности безоговорочно доверять тому, что прежде казалось очевидным. Полиция должна была защищать людей.

Служба экстренных вызовов — принимать обращения о помощи. Сотрудники архива — сохранять записи, а не уничтожать их. Однако в истории Эйвери Кросс каждое из этих правил, похоже, оказалось нарушено. Я выключила ноутбук, ещё раз проверила входную дверь и вернулась в гостиную, где телевизор продолжал показывать какую-то передачу об организации небольших домашних пространств. Женщина на экране с энтузиазмом объясняла, как правильно распределять вещи по прозрачным контейнерам, и от этой совершенно обычной заботы о порядке мне вдруг стало так тоскливо, что я выключила звук.

Последние два дня в моей жизни не произошло ничего, что посторонний человек назвал бы настоящей катастрофой. Меня не похищали, никто не угрожал мне открыто, и даже незнакомец из дома напротив пока оставался всего лишь смутной фигурой на нескольких фотографиях. Тем не менее я уже не чувствовала себя спокойно в собственной квартире. И именно это раздражало сильнее всего.

⁂

Патруль приехал приблизительно через двадцать минут. Сначала я заметила свет фар, скользнувший по потолку гостиной, затем услышала короткий звук автомобильной радиостанции. Осторожно отодвинув штору, я увидела полицейскую машину, остановившуюся возле тротуара напротив особняка. Из автомобиля вышли двое сотрудников. Один остался возле ворот, а второй прошёл вдоль металлической ограды, освещая фонарём заросший участок. Они разговаривали по рации, несколько раз подходили к главному входу и осматривали окна, но внутрь не заходили.

Я наблюдала за ними, испытывая странное облегчение от того, что наконец кто-то ещё смотрит на дом, который последние сутки занимал слишком много места в моих мыслях. Через несколько минут полицейские направились к нашему подъезду. Раздался звонок в дверь. Я посмотрела в глазок, убедилась, что на лестничной площадке действительно находятся двое сотрудников в форме, и только после этого открыла.

Старший представился офицером Уильямсом. Ему было около пятидесяти, на висках заметно серебрилась седина, а выражение лица принадлежало человеку, который привык выслушивать самые разнообразные жалобы жителей и уже давно перестал удивляться их содержанию. Второй полицейский был значительно моложе. Он держал небольшой блокнот и периодически поглядывал в сторону лестницы, словно ожидал, что оттуда в любой момент появится ещё кто-нибудь.

— Мисс Келлер? — уточнил Уильямс. — Детектив Прайс попросил нас проверить информацию о подозрительной активности возле соседнего здания.

Я пригласила их войти. Офицер попросил показать окна, из которых я видела незнакомого человека, после чего некоторое время рассматривал особняк из гостиной.

— Давно дом пустует? — спросил он.

— Несколько лет. По крайней мере, за всё время, что я здесь живу, никто в него не переезжал.

— А новые владельцы?

— Агентство недвижимости сегодня сообщило, что больше не занимается продажей здания. Я не знаю, кому оно теперь принадлежит.

Полицейский кивнул. Я показала фотографии, сделанные прошлой ночью и несколько минут назад. Он внимательно просмотрел их, но почти сразу признал, что изображение не позволяет установить ни личность человека, ни назначение

предмета возле окна.

— Мы осмотрели участок с улицы, — сообщил Уильямс. — Следов взлома ворот или входной двери нет. На территории действительно могли находиться люди, но само по себе это не означает, что они совершали что-либо незаконное.

— Я понимаю.

— Если у здания появился новый собственник, он вполне мог проводить осмотр. Даже поздно вечером.

Мне хотелось объяснить, что прекрасно осознаю такую возможность, но вместо этого я просто кивнула. Офицер снова посмотрел на противоположное окно.

— Вы сказали детективу Прайсу, что почувствовали, будто за вами наблюдают?

Я немного смутилась.

— Скорее, меня обеспокоило расположение предмета, похожего на камеру. Если он действительно находится напротив моей гостиной, хотелось бы знать, не направлен ли объектив на мои окна.

— Это разумное беспокойство. Мы зафиксируем ваше сообщение и передадим детективу фотографии. Если возникнут основания считать, что кто-то ведёт незаконное наблюдение, потребуется дополнительная проверка.

Он объяснил, как можно дополнить заявление новыми сведениями, после чего они с напарником направились к выходу. Уже возле двери молодой полицейский неожиданно спросил:

— А вы вчера видели возле дома какие-нибудь автомобили?

Я вспомнила рассказ миссис Уэллер о двух мужчинах и чёрной машине.

— Сама не видела, но соседка рассказала, что днём возле ворот стоял автомобиль. Двое мужчин заходили на территорию, а потом уехали.

Уильямс записал это в блокнот.

— Мы можем поговорить с вашей соседкой?

— Она живёт на первом этаже. Но сейчас довольно поздно.

Офицер посмотрел на часы.

— Тогда лучше свяжемся с ней завтра.

Когда они ушли, я закрыла дверь и некоторое время стояла в коридоре, прислушиваясь к звукам лестничной площадки. Мне было неловко за собственные подозрения. Полицейские разговаривали вежливо, не проявляли раздражения и отнеслись к моему обращению серьёзно, однако я всё равно чувствовала себя женщиной, которая вызвала патруль из-за плохо различимого силуэта в соседнем окне. С другой стороны, за последние двое суток произошло достаточно странностей, чтобы подобная осторожность не выглядела совершенно необоснованной. Я вернулась в спальню, переоделась и легла, оставив прикроватную лампу включённой. Сон не приходил.

За окном изредка проезжали автомобили, на лестнице

скрипели старые ступени, а где-то в соседней квартире женщина несколько минут разговаривала по телефону, негромко смеясь. Меня раздражало, что я прислушиваюсь к каждому звуку. Около полуночи пришло сообщение от Норы. *Ты не спишь?* Я посмотрела на экран и усмехнулась. *Не особенно успешно пытаюсь.* Ответ появился почти сразу. *С завтрашнего дня официально запрещаю тебе слушать странные записи без моего присутствия.*

Я написала, что подобная мера вряд ли поможет решить проблему несанкционированного доступа, но подруга заявила, что в любом случае считает себя достаточно квалифицированным специалистом по борьбе с моими дурными решениями. Мы переписывались ещё несколько минут, обсуждая её кота, испорченный ужин и невероятную способность Харриса появляться в кабинете именно тогда, когда сотрудники пытаются нормально пообедать. Постепенно напряжение немного ослабло. Нора умела возвращать меня в обычную жизнь, даже когда сама не придавала этому особого значения. Я отложила телефон и наконец закрыла глаза.

Но прежде чем уснуть, невольно вспомнила высокого мужчину возле лестницы управления. Его спокойный голос, татуировки на пальцах и то, как он без малейшего усилия удержал лист бумаги, который ветер едва не утащил к парковке. Знакомство продолжалось меньше минуты, и я совершенно не понимала, почему именно сейчас вспомнила о нём. Наверное, потому, что за весь вчерашний день это был един-

ственный незнакомый человек, который ничего от меня не требовал. Он просто помог поднять бумагу.

И ушёл.

⁂

Утром телефон зазвонил без четверти семь. Я нащупала его на тумбочке, с трудом открыла глаза и увидела номер Нолана Прайса.

— Доброе утро, — произнесла я, стараясь не выдать сонливость. — Надеюсь, вы звоните сказать, что всё произошедшее оказалось ошибкой в программном обеспечении и мне можно возвращаться к нормальной жизни.

На другом конце линии послышался короткий смешок.

— Боюсь, для такого сообщения пока рановато.

Я села, откидывая волосы с лица.

— Что случилось?

— Мы проверили вчерашнее обращение. Данные действительно совпадают с идентификатором, который фигурировал в первоначальной истории архивной записи, но пока не установили, откуда именно поступил запрос.

— А восточное административное здание?

— Именно с этим возникли определённые сложности.

Я потянулась за блокнотом, лежавшим на тумбочке.

— Какие?

Прайс немного помолчал.

— Несколько лет назад там действительно размещалось оборудование, обслуживавшее старые каналы связи город-

ского управления. После пожара часть систем вывели из эксплуатации, а оставшиеся перенесли на другие площадки. Но обозначения некоторых узлов продолжали использовать в технических журналах.

— То есть запрос мог поступить вообще из другого места?

— Именно. Название терминала в журнале ещё не доказывает, что человек физически находился в этом здании.

Я почувствовала разочарование. До этого момента старый административный корпус казался единственным конкретным адресом, который можно было связать с происходящим. Теперь выяснялось, что даже он мог оказаться всего лишь устаревшим техническим обозначением.

— И что дальше?

— Сегодня мы проведём дополнительную проверку маршрутизации. Кроме того, мне нужно, чтобы вы приехали в управление полиции и подтвердили несколько обстоятельств, связанных с вашими служебными действиями.

Я посмотрела на часы.

— Мне необходимо быть на работе к девяти.

— Мы можем согласовать время с вашим руководителем. Разговор не должен занять весь день.

В обычных обстоятельствах перспектива провести утро в полицейском управлении едва ли вызвала бы у меня энтузиазм, но сейчас я почти обрадовалась возможности получить хотя бы какие-нибудь объяснения. Мы договорились встретиться в десять. Перед тем как завершить разговор, Прайс

неожиданно спросил:

— Мисс Келлер, вы когда-нибудь работали в восточной промышленной части Греймарша?

Я задумалась.

— В городском управлении — нет. А раньше... наверное, бывала там несколько раз. Почему вы спрашиваете?

— Просто проверяем историю возможных подключений. Важно понимать, могли ли ваши данные оказаться на каком-нибудь старом устройстве.

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз посещала восточную часть города. Пять лет назад я действительно бывала там во время волонтёрской работы, но с тех пор почти не возвращалась в этот район.

— Несколько раз приезжала по волонтёрским делам, когда мне было двадцать два, — ответила я. — Мы помогали женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Иногда сопровождали их в социальные учреждения и временные центры размещения.

Прайс ничего не сказал.

— Но к городскому архиву это не имело отношения, — добавила я. — Тогда я вообще здесь не работала.

— Понимаю. При встрече уточним детали.

Он попрощался. Я положила телефон на кровать и некоторое время сидела неподвижно, пытаясь понять, почему вопрос о старой волонтёрской работе вызвал настолько неприятное чувство. Возможно, из-за того, что последние пять лет

я старательно избегала воспоминаний об этом периоде. А возможно, потому, что мне вдруг пришло в голову: если кто-то действительно изучал мою жизнь настолько подробно, насколько предполагали последние события, он мог знать обо мне значительно больше, чем обычный сотрудник технической службы.

⁂

Полицейское управление находилось в старом здании неподалёку от центральной площади, и я прибыла туда немного раньше назначенного времени. Накануне мне казалось, что встреча с детективом Прайсом была самым необычным событием недели. Теперь же я начинала привыкать к мысли, что в ближайшее время придётся регулярно объяснять собственные действия людям, которые намного лучше меня разбираются в расследовании преступлений. В приёмной пахло кофе и мокрой одеждой.

Возле стойки дежурного стоял пожилой мужчина, пытавшийся объяснить сотруднице, почему его сосед неправильно устанавливает мусорные контейнеры. Чуть дальше молодая женщина разговаривала по телефону, нервно перебирая пальцами ремешок сумки. Я представилась, после чего меня попросили подождать. Нолан появился примерно через десять минут. На нём были тёмные брюки и серая рубашка с закатанными рукавами. Под глазами заметно проступали следы усталости, а в руках он держал папку, которую, судя по торчащим листам, уже несколько раз открывали и закры-

вали.

— Доброе утро, мисс Келлер.

— Доброе. Надеюсь, вы успели хотя бы немного поспать.

Он посмотрел на меня с удивлением, затем коротко улыбнулся.

— Зависит от того, что считать достаточным количеством сна.

Мы прошли по длинному коридору, где находилось несколько кабинетов и небольших переговорных. Прайс открыл дверь одного из них, предложил мне сесть и поставил папку на стол.

— Для начала хочу уточнить: вчерашний запрос на получение копии записи был оформлен без вашего участия?

— Да.

— Вы не пытались самостоятельно открыть архивный материал после восстановления доступа?

— Нет. Более того, Харрис официально запретил мне работать с этим происшествием.

Прайс кивнул и сделал пометку.

— Хорошо. Мы проверили время операции, и оно действительно совпадает с вашим уведомлением. Сам исходный файл находится в защищённом хранилище, поэтому запрос не должен был привести к его удалению или изменению.

— Но копию могли получить?

Детектив отложил ручку.

— Пока не установлено, была ли передача завершена. За-

прос зарегистрирован и подтверждён внешней системой, но подтверждение не означает, что файл физически доставлен получателю.

Я некоторое время размышляла над его словами.

— Получается, кто-то сначала хотел удалить запись, а затем попытался получить её копию?

— Это одна из возможных последовательностей.

— Но зачем?

— Не обязательно оба запроса выполнял один человек, даже если они зарегистрированы под одинаковым идентификатором.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы хотите сказать, что в этой истории могут участвовать несколько человек, которые используют один и тот же доступ?

— Я хочу сказать, что пока мы не установили владельца учётной записи, нельзя делать выводы о количестве пользователей.

Объяснение было профессионально осторожным, но мне казалось, что детектив намеренно избегает обсуждения версии, которая сама собой напрашивается.

— А вы лично что думаете?

Он слегка приподнял бровь.

— О чём именно?

— О происходящем. Вы же наверняка уже составили хотя бы предварительное мнение.

Прайс некоторое время рассматривал меня, после чего откинулся на спинку стула.

— Думаю, кто-то создал систему, которая позволяет выполнять отдельные операции с архивными записями, не проходя обычную процедуру авторизации. И сейчас нам необходимо выяснить, кто обладает такой возможностью.

Я почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Значит, мои пароли могли вообще не иметь значения?

— Возможно.

— Тогда почему запросы оформляли именно от моего имени?

— Это хороший вопрос.

Он произнёс последние слова настолько спокойно, что мне захотелось рассмеяться от раздражения.

— Вы когда-нибудь отвечаете на вопросы иначе, чем «возможно» и «пока не установлено»?

На этот раз он действительно улыбнулся.

— Когда появляются основания для более определённого ответа.

Я покачала головой.

— Полагаю, из вас получился бы ужасный собеседник за ужином.

— Мне уже говорили.

Он ответил без малейшего смущения, и я неожиданно поняла, что детектив гораздо меньше похож на человека, по-

стоянно произносящего официальные формулировки, когда позволяет себе хотя бы ненадолго отвлечься от работы. Однако расслабиться нам не дали. В дверь постучали. Вошёл мужчина лет шестидесяти, с аккуратно подстриженной бородой и вязаным жилетом поверх рубашки. В руках он держал толстую папку, перетянутую резинкой. Прайс поднялся.

— Мистер Моррис, спасибо, что приехали.

Мужчина коротко кивнул и посмотрел на меня.

— Это та самая девушка из архива?

Я почувствовала некоторое раздражение от того, насколько естественно незнакомые люди начали обсуждать меня в третьем лице.

— Слоан Келлер, — представилась я, поднимаясь. — Приятно познакомиться.

— Артур Моррис. Больше тридцати лет занимался городскими системами связи, пока не вышел на пенсию. Нолан попросил меня посмотреть кое-какие старые документы.

Он пожал мне руку и с явным облегчением опустился на свободный стул.

— Если бы вы знали, сколько раз я говорил этим идиотам, что нельзя одновременно обновлять оборудование и оставлять половину старых систем без нормальной документации, вы бы поняли, почему я в своё время решил уйти на пенсию.

Я невольно улыбнулась. Кажется, в Греймарше существовало гораздо больше людей, недовольных организацией работы городского управления, чем я предполагала. ***

Артур Моррис разложил на столе несколько схем, распечатанных на пожелтевшей бумаге. Большинство обозначений ничего мне не говорило, хотя некоторые названия казались знакомыми по техническим справочникам архива. На одной из страниц находилась карта старых каналов связи, соединявших центральную диспетчерскую с резервными площадками в разных частях города.

— Это оборудование использовали ещё до последнего обновления, — пояснил Моррис, проводя пальцем вдоль одной из линий. — В те годы город постепенно переходил на более современную систему маршрутизации, но старые узлы нельзя было отключить одномоментно, поскольку часть районов зависела от резервной инфраструктуры.

Прайс слушал внимательно. Я же пыталась понять, где на схеме может находиться нужная нам линия.

— А восточный административный сектор? — спросила я.

Моррис перевернул страницу.

— Вот здесь. Когда-то там размещался дополнительный узел, через который обрабатывали часть внутренних соединений. После пожара оборудование вывели из эксплуатации, хотя некоторые обозначения остались в технических журналах.

Он показал небольшую таблицу в нижней части документа. В одной из строк значилось знакомое мне название. *До-

полнительный канал обработки. Линия 02.* Я придвинулась ближе.

— Именно это обозначение мы вчера нашли в старом справочнике.

Моррис кивнул.

— Ничего удивительного. Документация составлялась разными подрядчиками, поэтому названия периодически отличались. Но я бы не стал считать «линию 02» названием отдельного подразделения. Скорее всего, речь шла о техническом канале.

— А кто его обслуживал?

Мужчина посмотрел на следующую страницу.

— В последние годы существования системы основным подрядчиком была компания «Норт-Кей Релей Сервисез». Она занималась резервной передачей данных, обслуживанием оборудования и поддержкой отдельных каналов связи.

Я записала название. Прайс заметил это, но ничего не сказал.

— Компания существует до сих пор? — спросила я.

Моррис пожал плечами.

— Насколько мне известно, её закрыли несколько лет назад. Часть сотрудников перешла в другие организации, часть оборудования передали новому подрядчику. Но точно утверждать не берусь, я тогда уже не работал в управлении.

Он достал из папки ещё один лист.

— Впрочем, вот что интересно. В последней редакции до-

говора имелось приложение, предусматривавшее обслуживание специальных каналов передачи обращений, которые не относились к обычным экстренным вызовам.

Прайс наклонился ближе.

— Каких именно обращений?

— Трудно сказать. Здесь используется довольно расплывчатая формулировка об информационном взаимодействии между муниципальными учреждениями и сторонними операторами.

Я посмотрела на документ.

— Но разве через такие каналы могли передавать звонки в службу спасения?

Моррис нахмурился.

— Теоретически система могла перенаправить соединение практически куда угодно, если соответствующий маршрут был настроен. Но обычный оператор не должен был иметь возможности самостоятельно скрыть вызов из основного журнала.

— А если кто-то специально создал такой маршрут?

Он посмотрел на меня значительно внимательнее.

— Тогда речь идёт уже не об ошибке оборудования.

Я почувствовала, как напряжение постепенно возвращается. Прайс поднял одну из схем.

— Артур, а вы можете сказать, насколько сложно восстановить подобный канал после отключения оборудования?

Мужчина задумался.

— Если физическая инфраструктура полностью демонтирована, использовать прежний маршрут невозможно. Но если сохранился административный интерфейс или кто-то перенёс настройки в другую систему, старые обозначения вполне могли продолжить существование.

— То есть человек, обладающий соответствующими полномочиями, мог использовать старую линию, даже не находясь в административном корпусе?

— Разумеется. Но нужно понимать, что именно осталось от прежней системы. Без технических журналов я могу только предполагать.

Я перевела взгляд на Прайса. Он изучал схему с выражением человека, который наконец обнаружил интересующую его деталь, но пока не собирался делиться выводами. Мне захотелось спросить, что именно он заметил, однако в этот момент Моррис достал из папки ещё один документ.

— Есть кое-что, что меня действительно удивило, — произнёс он. — Последние официальные работы по этому контракту должны были завершиться несколько лет назад, но в архиве сохранился запрос на продление обслуживания отдельных каналов. Причём оформлен он был уже после закрытия основного проекта.

— Кто подписал запрос? — спросил Прайс.

Моррис перевернул страницу.

— Подпись есть, но фамилию я не разобрал. Документ несколько раз копировали, и качество ужасное.

Я посмотрела на нижнюю часть листа. Возле подписи находилась небольшая печать с обозначением муниципальной программы, а рядом — короткий служебный номер.

— Можно? — спросила я.

Моррис протянул документ. Я внимательно изучила его, стараясь не касаться бумаги грязными от кофе пальцами. В печати действительно было трудно что-либо разобрать. Но ниже находилось название подразделения. *Отдел межведомственного сопровождения.* Мне оно ничего не говорило. Зато ещё одна строка показалась неожиданно знакомой. В графе контактного адреса значился старый административный корпус восточного сектора. Тот самый, который несколько лет назад пострадал во время пожара. Я подняла голову.

— Получается, кто-то продолжал использовать этот адрес уже после закрытия основного договора?

Моррис кивнул.

— Именно. И это не обязательно нарушение. Иногда организации годами сохраняют старые юридические адреса, даже если фактически работают в другом месте.

— Но если контракт давно завершён, а компания закрыта, кто должен был обслуживать систему?

Он посмотрел на Прайса.

— На этот вопрос я бы тоже хотел получить ответ.

Детектив осторожно забрал документ, словно опасался случайно повредить бумагу.

— Спасибо, Артур. Это уже гораздо больше, чем у нас было вчера.

Моррис усмехнулся.

— Не уверен, что вы будете рады, когда начнёте разбираться. В старых городских контрактах иногда можно найти вещи, которые лучше бы вообще никогда не существовали.

Он произнёс это с такой усталой убеждённостью, что мне стало ясно: речь идёт не только о плохо организованной технической документации.

⁂

После ухода Морриса Прайс некоторое время просматривал бумаги, не обращая на меня внимания. Я сидела напротив, пытаясь самостоятельно разобраться в значении услышанного. Мы установили, что резервная линия действительно существовала. Её обслуживала частная компания, закрытая несколько лет назад, а часть старой инфраструктуры каким-то образом продолжала фигурировать в документах даже после прекращения основного контракта. Но самым странным оставалось то, что именно через этот канал восемь месяцев назад прошёл звонок Эйвери Кросс.

И после этого кто-то получил возможность использовать мою учётную запись для изменения связанных с ним материалов.

— Детектив, — произнесла я, — а вы проверяли саму компанию «Норт-Кей»?

Прайс поднял голову.

— Проверяем.

— И что выяснили?

— Пока недостаточно, чтобы делать выводы.

Я сдержала раздражение.

— Вы ведь понимаете, что рано или поздно мне придётся начать брать с вас деньги за каждый ответ, начинающийся со слова «пока»?

Он посмотрел на меня с едва заметной улыбкой.

— Тогда мне придётся запросить дополнительное финансирование.

Я невольно рассмеялась. Этот человек обладал удивительной способностью одновременно раздражать меня и заставлять чувствовать, что происходящее находится под контролем. Впрочем, последнее было скорее моим собственным желанием, чем подтверждённым обстоятельством.

— Слоан, — произнёс он, откладывая папку, — я хочу вернуться к вопросу, который задавал вам утром.

Я посмотрела на него.

— О волонтёрской работе?

— Да. Вы сказали, что несколько лет назад помогали женщинам, которым требовалось временное размещение.

Я кивнула.

— В основном мы занимались документами, поиском жилья, сопровождением и организацией переездов. Ничего особенно необычного.

— Через какую организацию?

Мне не хотелось отвечать, хотя я прекрасно понимала, что вопрос совершенно естественный.

— Через небольшую благотворительную программу. Она работала совместно с несколькими местными фондами и социальными учреждениями.

— Название помните?

— Конечно.

Я назвала организацию. Прайс записал её в блокнот.

— А почему перестали участвовать?

Я посмотрела в окно. За стеклом медленно опускался дождь, размывая очертания соседнего здания. Мне не хотелось рассказывать о событиях пятилетней давности человеку, с которым я познакомилась только вчера. Особенно учитывая, что даже Нора знала о том периоде лишь общие обстоятельства.

— Не сложилось, — ответила я. — Несколько месяцев спустя возникла неприятная ситуация, и я решила уйти.

— Какая именно?

Я повернулась к нему.

— Это имеет отношение к проверке моей учётной записи?

Прайс несколько секунд молчал.

— Пока не знаю.

На этот раз его осторожность не вызвала раздражения. Скорее наоборот. Я вдруг почувствовала, что детектив задаёт вопросы не только потому, что должен проверить возможные источники утечки данных. Возможно, он уже обнаружил

какую-то связь, о которой предпочитал не говорить.

— Тогда я бы хотела пока не обсуждать это, — произнесла я.

Он посмотрел на меня внимательно, но не стал настаивать.

— Хорошо. Если обстоятельства изменятся, мы вернёмся к разговору.

Я кивнула. Несколько секунд мы молчали. Затем Прайс закрыл папку.

— На сегодня этого достаточно. Я попрошу Маркуса Дейна прислать вам подтверждение, что ваши служебные обращения остаются открытыми независимо от автоматически оформленных заявлений об отзыве.

Я почувствовала облегчение.

— Значит, мне не придётся снова доказывать, что я ничего не подписывала?

— Пока нет.

Я посмотрела на него. Он улыбнулся.

— Простите. Не удержался.

⁂

Из полицейского управления я вышла около половины первого. Нора прислала несколько сообщений, интересуясь, почему я до сих пор не появилась на работе и не собираюсь ли окончательно сменить профессию на частного детектива. Я ответила, что скоро приеду, после чего остановилась возле небольшого кафе напротив здания. Оттуда доносился запах

свежего хлеба и кофе, а за стеклом сидели люди, разговаривавшие о вещах, которые не имели никакого отношения к исчезнувшим женщинам, закрытым архивам и поддельным служебным запросам. Мне неожиданно захотелось остаться среди них хотя бы на полчаса.

Я заказала сэндвич и кофе, устроилась за маленьким столиком возле окна и открыла телефон. В почте уже находилось сообщение от Маркуса Дейна, подтверждавшее, что расследование обстоятельств несанкционированного использования моих служебных данных продолжается. Я перечитала его дважды. Пожалуй, впервые за последние дни мне удалось получить документ, содержание которого не вызывало желания немедленно искать скрытый смысл. Затем я открыла обычный браузер и ввела название компании, о которой рассказывал Моррис. *North Quay Relay Services.* Результатов оказалось немного.

Старый корпоративный сайт больше не работал, несколько упоминаний относились к муниципальным закупкам, а в одной из архивных публикаций говорилось о прекращении деятельности компании после реструктуризации. Я пролистала страницу, пытаясь понять, существует ли у организации правопреемник. Большинство документов содержало сухие юридические формулировки и номера регистрационных записей, которые без специальной подготовки практически ничего не объясняли.

Однако один результат привлёк моё внимание. В город-

ском реестре подрядчиков сохранилось упоминание о том, что компания участвовала в программе межведомственного обмена информацией между муниципальными учреждениями и некоммерческими организациями. Я нахмурилась. Техническая компания, обслуживавшая резервные каналы связи, вполне могла заключать договоры с городскими службами. Но какое отношение к этому имели некоммерческие организации? Я открыла страницу.

В документе говорилось о взаимодействии с социальными программами, временными центрами размещения и учреждениями, обеспечивавшими помощь людям в сложных жизненных обстоятельствах. Сами по себе подобные услуги не выглядели необычно. Однако формулировка показалась мне знакомой. Пять лет назад в волонтёрской организации, где я работала, тоже использовали выражение «межведомственное сопровождение», когда речь шла о передаче информации между сотрудниками социальных служб и временными центрами.

Я помнила, как раздражалась из-за этого названия, поскольку за ним обычно скрывались самые обычные задачи: согласовать время приезда, передать документы или выяснить, готово ли место для женщины, нуждавшейся в срочном размещении. Возможно, совпадение не имело никакого значения. Государственные учреждения любили одинаковые слова, особенно когда могли с их помощью превратить простое действие в длинный официальный процесс. И всё

же мне захотелось узнать, какие именно организации участвовали в программе. Я открыла приложение к договору. На экране появилось сообщение, что документ недоступен для просмотра в электронном виде.

Ниже указывалось, что с бумажной копией можно ознакомиться в муниципальном архиве. Я посмотрела на адрес учреждения. Оно находилось всего в нескольких кварталах от кафе. Здравый смысл подсказывал, что лучше передать эту информацию Прайсу и вернуться к работе, как мы договаривались. Но речь шла об общедоступных документах, не имевших прямого отношения к материалам уголовного расследования. Любой житель города мог запросить их в соответствии с установленной процедурой. Кроме того, мне хотелось убедиться, что совпадение терминологии действительно ничего не означает. Я допила кофе, убрала телефон и направилась к выходу.

Впоследствии я не раз вспоминала, как легко нашла для себя разумное объяснение этому решению. И как мало оно отличалось от всех предыдущих.

⁂

Муниципальный архив располагался в бывшем банковском здании, которое несколько десятилетий назад переоборудовали для хранения городских документов. Внутри пахло старой бумагой, полировкой для мебели и чем-то едва уловимо напоминавшим школьную библиотеку. На первом этаже находились стойка регистрации, небольшой читальный зал

и несколько компьютеров, с помощью которых посетители могли искать необходимые материалы. Я предъявила удостоверение личности, объяснила цель визита и получила номер обращения. Сотрудница архива, женщина лет пятидесяти с короткими седыми волосами, посмотрела на название компании и сразу нахмурилась.

— «Норт-Кей Релей»? Давно никто не спрашивал об этих документах.

— Вы их помните?

— Только потому, что часть договоров несколько лет назад переводили в другой раздел. Кажется, там были какие-то проблемы с нумерацией приложений.

Она провела меня к свободному столу и попросила немного подождать, пока найдёт нужную папку. Я огляделась. В читальном зале сидели всего три человека. Пожилой мужчина изучал старые газеты, студентка за соседним столом что-то быстро печатала на ноутбуке, а возле окна женщина в красном шарфе делала выписки из толстой папки. Обстановка была настолько спокойной, что мне даже стало немного неловко за собственное напряжение. Через десять минут сотрудница вернулась с несколькими документами.

— Основной договор здесь, а приложения находятся в отдельной папке. Копировать можно, но сначала отметьте нужные страницы, поскольку некоторые листы повреждены.

Я поблагодарила её и принялась читать. Первые страницы содержали обычные условия оказания услуг, стоимость

обслуживания оборудования и перечень обязательств подрядчика. В технических приложениях находились названия каналов связи, таблицы с обозначениями оборудования и схемы, большинство которых оставалось для меня совершенно непонятным. Я уже начала жалеть о своём решении, когда обнаружила документ, озаглавленный «Протокол дополнительных условий взаимодействия». Он был датирован несколькими годами позже основного договора.

В тексте упоминалась программа, предусматривавшая передачу отдельных категорий обращений сторонним организациям, участвующим в муниципальных проектах социальной поддержки. Ниже находился перечень учреждений. Я начала просматривать названия и почти сразу заметила знакомое. Организация, в которой я работала волонтёром пять лет назад. Я перечитала строку, затем посмотрела на дату документа. На тот момент я ещё участвовала в программе и вполне могла сталкиваться с сотрудниками, имевшими отношение к этим соглашениям.

В памяти неожиданно всплыло воспоминание о небольшой комнате с пластиковыми стульями, где мы несколько раз в неделю собирались перед распределением волонтёрских заданий. На стене висела карта города, а возле компьютера лежали папки с анкетами женщин, которым требовалась помощь. Тогда я почти не интересовалась тем, каким образом данные попадали из одной организации в другую. Нам объясняли, что все процессы согласованы, документы защище-

ны, а передача информации необходима для быстрого размещения женщин в безопасных условиях. Я верила. Почему бы и нет?

Мне было двадцать два, и я искренне считала, что участие в подобной программе позволяет делать что-то действительно полезное. Я ещё раз просмотрела список. Рядом с названием нашей организации находилось обозначение внутреннего канала связи. *Линия 02.* Я почувствовала, как неприятно похолодели ладони. Теперь совпадений становилось слишком много. Один и тот же технический канал фигурировал в истории звонка Эйвери Кросс, документах старого подрядчика и соглашении о взаимодействии с социальной программой, где я когда-то работала. Это всё ещё не доказывало существования преступной схемы.

Но объяснить происходящее простой случайностью становилось значительно сложнее. Я достала телефон, сфотографировала открытые страницы и записала номер договора, стараясь действовать спокойно и не привлекать внимания других посетителей. Затем нашла раздел с контактными данными. В нём находился адрес административного центра, через который должны были проходить запросы от организаций-участников. Восточный сектор. Старое административное здание. Я медленно отложила документ. Теперь у меня имелся не только технический идентификатор, связанный с архивом экстренных вызовов.

Существовала официальная бумага, подтверждавшая, что

этот канал использовали для обмена информацией с социальными учреждениями. И одной из организаций, подключённых к системе, была программа, где я когда-то помогала женщинам, которым некуда было обратиться. Я некоторое время сидела неподвижно, пытаясь убедить себя, что между этими обстоятельствами может существовать совершенно невинная связь. В конце концов именно для обмена информацией подобные системы и создавали.

Однако меня мучил вопрос, на который документы не давали ответа. Почему через канал, предназначенный для взаимодействия социальных учреждений, восемь месяцев назад прошёл звонок женщины, утверждавшей, что её удерживают вместе с другими пленницами? И почему оператор этой линии вместо помощи сообщил ей, что она уже мертва? Я перевернула страницу. На последнем листе находилась небольшая таблица с перечнем ответственных сотрудников. Несколько фамилий были мне незнакомы, но одна заставила остановиться.

Это было имя женщины, которая пять лет назад проводила для нас вводные занятия, объясняла правила обращения с личными данными и постоянно повторяла, что успех программы зависит от способности сотрудников работать сообща. Я помнила её достаточно хорошо. Она всегда носила яркие платки, разговаривала негромко и однажды подарила мне небольшой ежедневник, сказав, что у людей, которые стремятся помогать другим, должна существовать привыч-

ка записывать всё важное. Тогда этот подарок показался мне проявлением искренней заботы.

Я долго пользовалась ежедневником, пока после ухода из программы не убрала его вместе с другими вещами, напоминавшими о неприятном прошлом. Теперь фамилия той женщины стояла в официальном документе рядом с названием технического канала, через который прошёл звонок Эйвери. Я осторожно закрыла папку. Впервые за всё время расследования мне захотелось не узнать больше, а отложить найденные сведения и сделать вид, что я никогда их не видела. Потому что если прошлое действительно связано с происходящим, мне придётся снова вернуться к событиям, которые я пять лет пыталась оставить позади.

⁂

Когда я вышла из архива, часы показывали почти три. Я пропустила обед и уже получила от Норы сообщение с вопросом, не собираюсь ли объяснить своё отсутствие на работе, прежде чем Харрис начнёт разыскивать меня через отдел кадров. Я ответила, что задержалась по личным делам и скоро приеду, после чего открыла переписку с Прайсом. Мне хотелось немедленно отправить ему фотографии документов, но я не знала, как объяснить, почему после его настойчивых рекомендаций не заниматься самостоятельными проверками я всё-таки отправилась в муниципальный архив. Впрочем, скрывать находку было бы ещё глупее.

Я прикрепила несколько снимков и написала, что обнару-

жила в общедоступных материалах старый договор, подтверждающий использование второй линии для взаимодействия с социальными учреждениями. Ответ пришёл через несколько минут. *Где вы нашли документы?* Я сообщила адрес архива. Телефон зазвонил почти сразу.

— Слоан, — произнёс Прайс, и по его голосу было понятно, что он не особенно доволен, — вы ведь помните, о чём мы договорились утром?

Я вздохнула.

— Помню. Но это общедоступные документы, и я ничего не нарушила.

— Я не говорил, что вы нарушили закон.

— Тогда в чём проблема?

Он некоторое время молчал.

— В том, что кто-то уже несколько раз использовал ваши личные данные, а вы продолжаете самостоятельно искать людей и организации, которые могут быть связаны с этим происшествием.

Я посмотрела на поток автомобилей, медленно двигавшихся по центральной улице.

— Детектив, я всего лишь прочитала старый муниципальный договор в публичном архиве.

— И обнаружили информацию, которую, по вашим собственным словам, считаете важной для расследования.

— Да.

— Тогда вы должны понимать, почему я беспокоюсь.

Последние слова прозвучали неожиданно мягко. Я почувствовала, что начинаю злиться уже не на него, а на саму ситуацию.

— Послушайте, Нолан. Последние два дня мне объясняют, что я должна передать информацию ответственным людям и больше ничем не заниматься. Но в это же время кто-то использует моё имя, закрывает мои обращения и пытается получить архивные материалы. Вы говорите, что разбираетесь, и я вам верю, но мне трудно просто сидеть и ждать, пока неизвестный человек продолжает распоряжаться моей жизнью.

На другом конце линии воцарилась тишина. Я уже начала жалеть, что сказала слишком много, когда детектив ответил:

— Я понимаю. Но именно поэтому вам стоит быть осторожнее. Сейчас мы не знаем, кто следит за вашими действиями в служебных системах и насколько далеко распространяется его доступ.

Я опустила взгляд на телефон.

— Вы действительно считаете, что кто-то следит за каждым моим шагом?

— Я считаю, что не стоит исключать такую возможность, пока мы не установим, кто стоит за этими запросами.

Его слова неприятно отозвались в памяти. Заброшенный особняк напротив квартиры. Человек в тёмном окне. Предмет, похожий на камеру. И незнакомец с татуировками, который вчера поднял с земли мой лист бумаги. Последнее

воспоминание появилось совершенно неожиданно, и я раздражённо отбросила его. Мужчина возле лестницы не сделал ничего подозрительного, а превращать случайную встречу в часть криминальной истории только потому, что он выглядел необычно, было бы несправедливо.

— Хорошо, — наконец произнесла я. — Больше не стану заниматься самостоятельными проверками.

Прайс коротко выдохнул.

— Спасибо. А документы, которые вы нашли, действительно могут оказаться полезными. Я изучу их и при необходимости свяжусь с архивом официально.

Мы попрощались. Я убрала телефон в сумку, но не сразу направилась к машине. Передо мной находился оживлённый центр Греймарша, где люди спешили по своим делам, покупали кофе, разговаривали по телефонам и совершенно не подозревали, что где-то рядом может существовать система, позволяющая человеку исчезнуть из официальных документов задолго до собственной смерти. Я попыталась представить, сколько женщин за последние годы обращались за помощью к организациям, подобным той, где когда-то работала. Скольким действительно удалось найти безопасное жильё.

А сколько могли попасть к людям, использовавшим официальные программы для совершенно других целей. Мне стало нехорошо. Возможно, связь между старым договором и звонком Эйвери оказалась случайной. Возможно, я про-

сто пыталась найти объяснение там, где пока существовали лишь отдельные технические совпадения. Но одна мысль никак не желала уходить. Пять лет назад я искренне верила, что помогаю женщинам начинать новую жизнь. И если теперь выяснится, что кто-то использовал ту же систему для противоположных целей, мне придётся задать себе вопрос, к которому я совершенно не была готова.

Что именно происходило с женщинами после того, как мы передавали их данные и организовывали размещение?

⁂

Когда я вернулась на работу, Нора уже собиралась уходить на короткий перерыв. Она встретила меня возле двери с выражением человека, который готов одновременно обнять и отругать.

— Ты вообще понимаешь, что я успела придумать за последние несколько часов?

Я сняла куртку.

— Боюсь даже предполагать.

— Для начала решила, что тебя арестовали. Потом подумала, что ты сбежала из города с каким-нибудь подозрительным мужчиной. А ближе к трём начала склоняться к версии, что Харрис наконец окончательно довёл тебя до нервного срыва.

Я устало улыбнулась.

— Последний вариант пока ближе всего к действительности.

Нора посмотрела на меня внимательнее.

— Что случилось?

Я рассказала о встрече с Прайсом и старом договоре, найденном в муниципальном архиве, стараясь не углубляться в подробности, которые могли поставить под угрозу дальнейшее расследование. Когда я упомянула название организации, где работала волонтёром, Нора перестала улыбаться.

— Подожди, — произнесла она. — Это ведь та самая программа, из которой ты ушла пять лет назад?

Я кивнула.

— Да.

— И ты думаешь, что она может быть связана со звонком Эйвери?

— Пока не знаю. В документах говорится только о взаимодействии через старый канал связи. Возможно, ничего необычного в этом нет.

Нора некоторое время смотрела на меня.

— Слоан, я знаю, что ты не любишь говорить о том периоде, но если обнаруженная связь действительно касается твоей прежней работы, может быть, стоит рассказать Прайсу, что тогда произошло?

Я отвела взгляд.

— Я сообщила ему название программы.

— Я не об этом.

Я прекрасно понимала, что она имеет в виду. Нора знала, что пять лет назад я участвовала в благотворительной

организации, помогавшей женщинам, оказавшимся в тяжёлых жизненных обстоятельствах. Знала, что несколько месяцев спустя я внезапно ушла, перестала общаться с большинством сотрудников и какое-то время почти не разговаривала о произошедшем. Но даже ей я никогда не рассказывала всех подробностей. Не потому, что не доверяла. Просто некоторые воспоминания становились настолько неприятными, что каждый раз, когда я пыталась объяснить их словами, начинало казаться, будто я снова переживаю тот же день.

— Сейчас не время, — тихо произнесла я.

Нора посмотрела на меня с сочувствием.

— Хорошо. Но ты ведь понимаешь, что я не собираюсь заставлять тебя рассказывать то, к чему ты не готова.

Я кивнула. Некоторое время мы молчали. Потом она неожиданно предложила приехать ко мне вечером и остаться на ночь, если я не хочу находиться одна после истории с домом напротив. Я улыбнулась.

— Ты же ненавидишь мой диван.

— Терпеть не могу. Но, возможно, ради дружбы соглашусь провести на нём одну ночь. Только предупреждаю, что в случае возникновения проблем со спиной отправлю тебе счёт.

Я рассмеялась. После двух дней непрерывного напряжения мысль о том, что вечером в квартире будет кто-то знакомый, показалась неожиданно привлекательной. Мы договорились заказать ужин, посмотреть какой-нибудь фильм и хо-

тя бы на несколько часов перестать обсуждать работу. Впрочем, прежде чем уйти, Нора всё-таки напомнила, что мне следует поговорить с Харрисом по поводу пропущенных рабочих часов. Я пообещала сделать это и направилась к своему столу. Но стоило мне включить компьютер, как я заметила небольшое изменение, которое в других обстоятельствах наверняка проигнорировала бы. На столе лежала фотография.

Не служебная, не распечатка архивного материала, а обычный снимок размером примерно с открытку. На нём была изображена центральная лестница нашего управления. Я узнала её сразу, поскольку каждый день проходила по этим ступеням, возвращаясь с работы. Фотография оказалась сделана вчера вечером. Возле лестницы стоял мужчина в длинном тёмном пальто. Высокий, широкоплечий, с коротко остриженными волосами. Его лицо было повернуто в сторону, поэтому разглядеть черты оказалось невозможно, но я без труда узнала одежду и татуировку, поднимавшуюся по шее. Это был незнакомец, который вчера помог мне поднять обронённые документы.

Несколько секунд я смотрела на фотографию, пытаясь понять, почему она оказалась на моём столе. Затем перевернула её. На обороте не было подписи. Только дата и время. Вторник. 17:42. Я почувствовала неприятное напряжение. Снимок был сделан почти в тот же момент, когда мы разговаривали возле лестницы. Кто-то наблюдал за нами. Или, по

крайней мере, фотографировал людей возле входа в управление. Я огляделась. В кабинете находились несколько сотрудников, занятых работой. Никто не смотрел в мою сторону, и всё вокруг выглядело совершенно обычно.

— Нора, — позвала я.

Подруга, уже направлявшаяся к выходу, обернулась.

— Что?

Я показала ей фотографию.

— Это ты положила на мой стол?

Она вернулась и взяла снимок. Несколько секунд рассматривала его, после чего нахмурилась.

— Нет. Откуда он?

— Понятия не имею.

— А кто мужчина?

Я помедлила.

— Вчера он помог мне собрать бумаги, которые ветер разбросал возле лестницы.

Нора посмотрела на меня значительно внимательнее.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что кто-то сфотографировал тебя с незнакомым мужчиной, а потом оставил снимок на твоём рабочем столе?

— На фотографии меня нет. Только он.

Она перевернула снимок.

— И зачем?

Я не ответила. В этом заключалась самая неприятная часть происходящего. Я не понимала, кому понадоби-

лось фотографировать мужчину, с которым я разговаривала меньше минуты, и почему снимок оказался именно у меня. Возможно, кто-то из сотрудников сделал фотографию совершенно случайно и решил оставить её, поскольку узнал человека. Но тогда почему не подписал? Почему не объяснил, что именно хотел показать? Нора некоторое время рассматривала изображение, после чего осторожно положила его на стол.

— Слоан, мне это не нравится.

Я подняла глаза. Подруга выглядела настолько серьёзной, что мне стало ещё тревожнее.

— Мне тоже.

Она посмотрела на входную дверь кабинета.

— Ты собираешься сообщить Прайсу?

Я медленно кивнула.

— Да. Но сначала хочу понять, кто мог оставить её здесь.

Нора взяла свой телефон.

— Тогда давай начнём с самого простого. Спросим, кто заходил в кабинет, пока тебя не было.

Я посмотрела на фотографию ещё раз. Мужчина стоял возле лестницы, слегка повернув голову, а под воротником пальто виднелась татуировка, которую я запомнила ещё вчера. Он не выглядел человеком, заметившим фотографа. И всё же что-то в положении его головы заставило меня задержать взгляд. Возможно, дело было в том, как он стоял: спокойно, без малейшего напряжения, словно прекрасно понимал, что за ним наблюдают. Я осторожно убрала снимок в

отдельный конверт.

За последние два дня неизвестный человек использовал мои служебные данные, пытался получить чужую запись и каким-то образом оказался связан с системой, о существовании которой я прежде даже не подозревала. Теперь кто-то оставил на моём столе фотографию мужчины, встреченного всего один раз. И впервые за всё время мне пришло в голову, что происходящее может быть устроено значительно сложнее, чем попытка скрыть один старый звонок. Возможно, неизвестные люди не только следили за мной. Возможно, кто-то из них наблюдал и за теми, кто случайно оказывался рядом.

# Глава 6

**Кто-то был здесь**

Слоан Келлер

*Греймарш, штат Редмонт. Среда, вечер.*

На фотографии, которую кто-то оставил на моём рабочем столе, был мужчина, встреченный мной накануне возле лестницы управления, и чем дольше я рассматривала его лицо, тем сильнее раздражалась от невозможности вспомнить хоть что-нибудь действительно полезное о нашем разговоре. Он помог мне собрать бумаги, которые ветер вырвал из папки, обменялся со мной несколькими замечаниями о погоде и ушёл, не представившись и не попытавшись продолжить знакомство. В обычных обстоятельствах к вечеру следующего дня я, вероятно, уже забыла бы о нём, однако теперь фотография лежала передо мной, а человек, сделавший её, явно рассчитывал, что я узнаю незнакомца.

Нора стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела на снимок с тем же недоумением, которое испытывала я. Мы уже успели обсудить несколько возможных объяснений, включая неудачную шутку кого-нибудь из сотрудников, когда за моей спиной неожиданно заработал принтер. Сначала я не обратила на него внимания. Аппарат постоянно печатал документы для соседних кабинетов, а к вечеру обычно начинал работать особенно шумно, словно пытался вы-

разить собственное недовольство количеством заданий. Но когда первый лист упал в пластиковый лоток, за ним последовал второй, хотя на экране моего компьютера не было открыто ни одного документа, отправленного на печать.

— Ты что-нибудь распечатывала? — спросила Нора, направляясь к устройству.

Я покачала головой и продолжила рассматривать фотографию, пытаясь определить, с какого расстояния её сделали. Судя по ракурсу, человек с камерой находился возле парковки, немного ниже лестницы, и мог беспрепятственно наблюдать за нашим коротким разговором. Принтер снова загудел, после чего раздался резкий скрежет механизма, пытавшегося протянуть бумагу.

— Кажется, он опять решил испортить кому-нибудь вечер, — пробормотала Нора, забирая верхний лист.

Я услышала, как она резко втянула воздух, и подняла голову. Подруга стояла неподвижно, держа перед собой распечатку. Её лицо за несколько секунд изменилось настолько сильно, что я сразу поняла: на листе находится нечто, совершенно не похожее на обычные служебные документы.

— Что там? — спросила я, поднимаясь.

Нора не ответила, только медленно повернула бумагу ко мне. На чёрно-белой фотографии была изображена моя спальня. Я узнала комнату мгновенно, хотя снимок оказался зернистым, а освещение настолько слабым, что отдельные предметы почти растворялись в тени. Возле кровати стояла

тумбочка с чашкой и раскрытой книгой, которую я несколько дней назад оставила там после особенно тяжёлого рабочего вечера. Складка на покрывале, полоска света из коридора, приоткрытая дверца шкафа — всё соответствовало тому, как выглядела моя квартира, и от этой пугающей точности мне стало трудно дышать. Под одеялом спала женщина.

Её тёмные волосы разметались по подушке, одна рука лежала возле лица, а плечо было частично открыто, потому что во сне она, по всей видимости, сбросила край одеяла. Я смотрела на собственное изображение и никак не могла понять, кто и зачем сделал этот снимок, пока взгляд не остановился на дверной ручке, попавшей в правую часть кадра. Она принадлежала двери моей спальни, причём фотограф находился не снаружи квартиры и не возле окна, а в коридоре, всего в нескольких шагах от кровати.

— Слоан, — негромко произнесла Нора, — скажи, что у тебя установлена какая-нибудь камера.

Я медленно покачала головой.

— Нет.

— Может быть, ты снимала что-то для страховки или охранной системы?

— У меня никогда не было камеры в спальне.

Я забрала лист и посмотрела на нижний край изображения, где находилась небольшая временная отметка. Цифры показывали два часа тринадцать минут ночи, однако дата отсутствовала, и я не могла определить, когда именно снима-

ли комнату. От этой неизвестности стало ещё страшнее, поскольку человек мог находиться у меня дома вчера, неделю назад или даже несколько месяцев назад, а я всё это время продолжала спокойно спать, не подозревая о чужом присутствии. Принтер снова заработал.

Мы одновременно повернулись к нему, и я увидела, как из устройства медленно выходит ещё один лист. На этот раз спальня была снята ближе: камера находилась уже не в коридоре, а возле самой кровати, и на фотографии отчётливо различалось моё лицо с закрытыми глазами. В нижней части кадра появилась чужая рука, затянутая в чёрную перчатку. Она находилась возле моей подушки, настолько близко к волосам, что я невольно отступила, словно прикосновение могло произойти прямо сейчас.

— Господи, — прошептала Нора, хватаясь за телефон.

Я продолжала смотреть на изображение, чувствуя, как привычная реальность постепенно распадается на вещи, которым больше невозможно доверять. Квартира, в которой я прожила несколько лет, всегда казалась единственным местом, где можно не следить за выражением лица, не подбирать слова и не думать о том, кто находится рядом. Теперь выяснялось, что неизвестный человек мог свободно передвигаться по комнатам, пока я спала, и даже подходил к кровати, зная, что я ничего не замечу.

Нора уже разговаривала с детективом Прайсом, быстро объясняя ему происходящее, когда принтер начал выдавать

третий снимок. Я подошла и выключила питание, не желая видеть продолжение, однако аппарат успел вытолкнуть половину страницы, на которой крупным планом оказалось моё лицо и часть той же чёрной перчатки. Я почувствовала тошноту и опёрлась на стол. В тот момент меня впервые по-настоящему испугало не то, что за мной наблюдают, а то, насколько близко этот человек уже находился и сколько возможностей причинить мне вред у него было, пока я ничего не подозревала.

⁂

Прайс велел не трогать распечатки и сообщил, что направит в управление сотрудников службы безопасности. Нора закончила разговор, убрала телефон и подошла ко мне, осторожно положив ладонь на плечо, но я почти не почувствовала прикосновения, поскольку продолжала смотреть на собственное лицо на фотографии.

— Нам нужно выйти отсюда, — сказала она. — Хотя бы до приезда охраны.

Я кивнула, однако прежде чем успела двинуться с места, из коридора донёсся женский голос, произнёсший моё имя. Мы обе замерли. Голос прозвучал негромко, словно человек, находившийся за дверью, не хотел привлекать внимание остальных сотрудников.

— Слоан, ты здесь?

Нора первой направилась к выходу, но я схватила её за руку.

— Подожди.

Она обернулась.

— Что?

Я не успела ответить, потому что за дверью раздались шаги, постепенно удалявшиеся в сторону служебного лифта. Нора осторожно приоткрыла дверь. Коридор был почти пуст, только возле дальнего поворота стояла женщина в тёмном пальто, с чёрной сумкой на плече. Её волосы были собраны в низкий хвост, а на шее висел синий пропуск городского управления, слишком похожий на тот, который я каждый день носила на работу.

— Вы кого-то ищете? — громко спросила Нора.

Женщина остановилась и повернула голову. Из-за расстояния я не смогла разглядеть её лицо, но заметила странную неподвижность, с которой она смотрела в нашу сторону. Она не пыталась объяснить своё присутствие, не удивлялась вопросу и даже не сделала вид, что случайно оказалась возле архивного сектора. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, после чего незнакомка спокойно развернулась и скрылась за дверью лестничной клетки.

Мне захотелось броситься следом, хотя разум подсказывал, что подобная попытка может закончиться крайне плохо. Человек, который прислал фотографии из моей спальни, наверняка располагал возможностями, о которых я ничего не знала, и если женщина в коридоре имела к нему отношение, приближаться к ней без сотрудников охраны было бы

глупостью.

— Ты её знаешь? — спросила Нора.

Я покачала головой.

— Нет, но у неё был пропуск.

— Я заметила.

Она быстро закрыла дверь и снова достала телефон, собираясь сообщить Прайсу о незнакомке, однако связь неожиданно прервалась после первого гудка, а на экране появилась надпись об отсутствии сети. Я проверила собственный телефон. Сотовый сигнал оставался, но служебное приложение сообщало о временной недоступности соединения. Тревога постепенно усиливалась, хотя я пыталась убедить себя, что совпадение между фотографиями и техническими неполадками может оказаться случайным.

Через несколько минут в кабинет вошёл Аарон Блейк, сотрудник внутренней охраны, которого Нора успела вызвать по внутреннему телефону. Он внимательно осмотрел распечатки и почти сразу связался с дежурным постом, попросив проверить записи камер наблюдения и заблокировать доступ к нашему сектору до выяснения обстоятельств. Блейк был крупным мужчиной лет тридцати пяти, с короткой бородой и усталым лицом человека, которому давно хотелось закончить смену. Обычно он разговаривал с нами довольно непринуждённо, однако сейчас в его поведении появилась сосредоточенность, которую я прежде не замечала.

Пока он проверял служебный планшет, я рассказала о

женщине в тёмном пальто, а Нора добавила, что незнакомка направилась к восточной лестнице. Блейк нахмурился.

— Мисс Келлер, вы сегодня выходили из здания после возвращения с обеда?

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, только спускалась к кофейному автомату.

Он ещё несколько секунд смотрел на экран, после чего повернул планшет ко мне. В журнале значилась операция прохода через служебный турникет, зарегистрированная несколько минут назад. В графе пользователя находилось моё полное имя, а ниже указывалось время, когда я, совершенно точно находясь в собственном кабинете, якобы вошла в здание через восточную лестницу. Я почувствовала, как холодеют ладони.

— Но мой пропуск всё это время был со мной.

— Именно поэтому я и собираюсь проверить записи камер, — ответил Блейк, снова поднося рацию к лицу.

Он передал приметы женщины дежурному посту, попросил никого не выпускать через служебные двери без проверки документов и направился к лестнице, предварительно приказав нам оставаться в кабинете до его возвращения. Когда дверь закрылась, Нора повернула замок. Я смотрела на фотографии, лежавшие возле принтера, и пыталась понять, чего именно добивается неизвестный человек. Если его целью было просто напугать меня, достаточно оказалось бы одного снимка, но он продолжал действовать, словно наме-

ренно хотел показать, что способен беспрепятственно проникать и в мою квартиру, и в рабочий кабинет. Из коридора донёсся глухой удар. Мы одновременно подняли головы.

Затем послышался скрежет металла, мужской возглас и звук, с которым что-то тяжёлое упало на плиточный пол. Нора бросилась к двери, но я удержала её за локоть, потому что за стеной уже раздавались быстрые шаги, приближавшиеся к кабинету. Кто-то пробежал мимо. На несколько секунд наступила тишина, после чего дверная ручка медленно опустилась. Замок удержал. Человек снаружи попробовал ещё раз, уже сильнее, и я увидела, как металлическая защёлка едва заметно дрогнула. Нора отступила к столу и набрала 911, одновременно жестом показывая мне, чтобы я держалась подальше от двери. А затем снаружи раздался женский голос.

— Слоан, открой, пожалуйста.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Голос был мягким, почти ласковым, но в нём отсутствовало обычное нетерпение человека, оказавшегося перед закрытой дверью.

— Кто вы? — спросила я.

Незнакомка некоторое время молчала.

— Неужели ты совсем меня не помнишь?

Я замерла. Вопрос был произнесён с таким спокойствием, словно мы действительно встречались раньше и она лишь ожидала, когда я наконец это осознаю.

— Назовите своё имя.

Снаружи послышался тихий смешок.

— Ты ведь уже однажды записала его, Слоан.

Мне вспомнились старый ежедневник, волонтёрская программа и женщина, исчезнувшая после того, как мы организовали для неё временное размещение. Я не знала, имеют ли эти воспоминания отношение к незнакомке, но сама возможность того, что события пятилетней давности каким-то образом связаны с происходящим, заставила меня приблизиться к двери. Нора схватила меня за руку.

— Не подходи.

Я остановилась. В следующую секунду женщина ударила по двери настолько сильно, что деревянная рама содрогнулась, а возле замка послышался неприятный треск. Нора вскрикнула и отступила. Последовал второй удар, от которого защёлка немного сместилась, оставив между дверью и косяком узкую щель. Я смотрела на повреждённое дерево, постепенно осознавая, что ещё несколько подобных ударов — и мы окажемся лицом к лицу с человеком, который, возможно, только что напал на охранника.

— Полиция уже едет! — крикнула Нора.

За дверью на мгновение стало тихо. Потом женщина произнесла:

— Тогда вам лучше поторопиться.

Шаги постепенно удалились. Я не двигалась, пока не убедилась, что она действительно ушла, и только тогда смогла выдохнуть.

⁂

Оператор службы спасения оставалась на линии, когда мы вышли в коридор. Нора объяснила, что подозреваемая отошла от двери, а сотрудник охраны, вероятно, получил травму. Нам посоветовали оставаться в безопасном помещении, однако повреждённый замок уже не внушал доверия, а ближайший выход находился всего в нескольких десятках метров. Мы решили добраться до центральной проходной, где постоянно дежурили другие охранники. Коридор выглядел пустым, но возле противопожарного шкафа я заметила рацию Блейка, лежавшую на полу. Рядом расплывалось тёмное пятно, которое поначалу показалось мне пролитым кофе, пока свет потолочной лампы не отразился от влажной поверхности.

Кровь. Она тянулась неровной полосой к двери лестничной клетки. Я остановилась, чувствуя, как желудок болезненно сжимается от страха. Нора заметила пятно почти одновременно со мной.

— Аарон?

Ответа не последовало. Мы осторожно приблизились к повороту и увидели Блейка, лежавшего возле стены. Он был в сознании, но явно испытывал сильную боль, а из рассечённой кожи возле виска текла кровь, пропитывая воротник рубашки. Нора немедленно сообщила оператору о пострадавшем. Я опустилась рядом с охранником и осторожно обратилась к нему:

— Аарон, вы меня слышите?

Он открыл глаза и попытался подняться, но сразу поморщился, когда движение отозвалось болью в голове.

— Женщина, — с трудом произнёс он. — Она была с вашим пропуском.

— Вы видели её лицо?

Блейк отрицательно покачал головой.

— Маска... Она сказала, что из архива...

Он закашлялся и попытался приподняться, но Нора осторожно удержала его, объяснив, что помощь уже вызвана. Я посмотрела на открытую дверь лестничной клетки. За ней было темно. Снизу доносился отдалённый гул вентиляции и какие-то неразборчивые звуки, которые могли принадлежать людям, находившимся несколькими этажами ниже. Мы помогли Блейку подняться, надеясь добраться до центрального коридора, но не успели сделать и нескольких шагов, как потолочные лампы одновременно погасли. Сначала раздался короткий щелчок. Потом в помещении стало темно, а спустя несколько секунд включилось аварийное освещение, окрасившее стены тусклым красноватым светом.

Я почувствовала, как паника поднимается к горлу. До выхода оставалось совсем немного, но теперь лестница выглядела значительно дальше, чем прежде, а каждый звук отражался от стен настолько отчётливо, что казалось, будто кто-то движется рядом с нами. Нора крепче обхватила Блейка за пояс.

— Нужно идти, пока она не вернулась.

Мы продолжили двигаться вдоль стены. И именно тогда из динамика старой системы оповещения послышался голос. Сначала раздался знакомый электронный сигнал, за которым последовал приглушённый шум соединения. Затем женщина начала говорить, с трудом сдерживая плач.

— Пожалуйста, пришлите кого-нибудь. Я не знаю адреса...

Я остановилась настолько резко, что Нора едва не потеряла равновесие. Этот голос я уже слышала. Два дня назад, когда впервые открыла запись GM-0417-9286. Эйвери Кросс.

— Здесь другие девушки, — продолжала женщина, и её дыхание становилось всё более прерывистым. — Они не знают, что у меня телефон...

Нора посмотрела на динамик.

— Это же та запись?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Кто-то вывел архивный вызов в систему оповещения здания, словно специально хотел, чтобы я снова услышала разговор, с которого всё началось. Причём теперь запись звучала не через наушники в безопасном кабинете, а над нашими головами, пока мы пытались добраться до выхода после нападения. Голос Эйвери дрогнул. Она просила прислать полицию, объясняла, что возле здания находятся вооружённые мужчины, и пыталась назвать хотя бы приблизительный район порта. Я помнила каждую интонацию, потому что неоднократно возвращалась мыслями к тому, насколько отчаянно она пыталась

убедить оператора не прекращать разговор.

Затем из динамика раздался мужской голос. Он был приглушённым, но я без труда узнала момент, когда неизвестный вошёл в комнату и обнаружил у Эйвери телефон. Нора резко потянула меня за руку.

— Слоан, нам нельзя здесь оставаться.

Мы почти добрались до лестницы, когда из бокового коридора появилась женщина. Она была в тёмном пальто, а нижнюю половину лица закрывала медицинская маска. Светлые глаза казались почти бесцветными в красноватом аварийном освещении, волосы были аккуратно собраны на затылке, и только её правая рука, в которой блестел небольшой строительный нож, выдавала истинный характер происходящего. Несколько секунд незнакомка молча рассматривала нас, словно решала, кого из троих следует остановить первым. Затем её взгляд остановился на мне.

— Ты всегда была слишком любопытной, Слоан.

Я почувствовала, как Нора напряглась рядом. Блейк попытался выпрямиться, но едва удержался на ногах. Женщина сделала шаг вперёд. Я невольно отступила, пытаясь понять, насколько далеко находится ближайший выход и успеем ли мы добежать до него, если она бросится следом.

— Кто вы? — спросила я, хотя прекрасно понимала, что не получу ответа.

Она слегка наклонила голову.

— Мне казалось, ты уже догадалась.

В этот момент из динамика снова донёсся голос Эйвери, умолявшей оператора не отключать соединение. Неизвестная посмотрела на потолок и едва заметно улыбнулась.

— Забавно, правда? — произнесла она. — Люди всегда думают, что если успеют попросить о помощи, кто-нибудь обязательно придёт.

Мне стало трудно дышать. Она произнесла эти слова без малейшего сочувствия, словно речь шла о неприятной особенности человеческого характера, которую она давно привыкла наблюдать.

— Отойдите от нас, — потребовала Нора.

Женщина повернула голову в её сторону.

— А ты, наверное, подруга.

В следующий момент она бросилась ко мне. Я успела схватить огнетушитель, висевший возле пожарного шкафа, и поднять его перед собой, когда незнакомка взмахнула рукой. Лезвие скользнуло по моему предплечью, разрезая ткань блузки, и только спустя секунду я почувствовала резкую жгучую боль. Я вскрикнула и ударила огнетушителем, почти не целясь. Тяжёлый металлический корпус пришёлся женщине по плечу, заставив её отшатнуться, но она быстро восстановила равновесие и снова приблизилась, не обращая внимания на кровь, которая уже начала проступать сквозь разорванный рукав. Я попыталась ударить ещё раз.

Незнакомка схватила меня за запястье и резко выкрутила руку, заставив выпустить огнетушитель. Он с грохотом

упал на плитку. Я ударилась спиной о стену, чувствуя, как пальцы начинают неметь от боли. Женщина приблизилась настолько, что я ощутила сладковатый запах её духов, совершенно неуместный среди пыли, крови и нагретой проводки. Она удерживала мою руку с неожиданной силой, а её светлые глаза оставались такими же спокойными, как несколько секунд назад.

— Вспомни женщину, которую ты отправила туда пять лет назад, — произнесла она почти шёпотом.

Я перестала сопротивляться на одно короткое мгновение. Перед глазами возникла небольшая комната социальной программы, пластиковый стул возле окна и молодая женщина, которая несколько раз спрашивала, действительно ли никто не сможет узнать адрес нового жилья. Я помнила, как уверенно обещала ей безопасность. И то, как через несколько дней она исчезла.

— Откуда вы...

Договорить я не успела. Нора ударила нападавшую рацией Блейка, которую подобрала с пола, и та неожиданно отпустила мою руку, резко повернувшись в её сторону. Я воспользовалась мгновением, оттолкнула женщину плечом и схватила Нору за рукав. Мы бросились к лестнице. Позади послышались торопливые шаги, но я не решилась обернуться, поскольку единственным желанием теперь было добраться до центральной проходной, где находились другие сотрудники охраны. На следующем пролёте я поскользнулась и удари-

лась коленом о ступень, однако Нора помогла мне подняться, не позволив задержаться дольше нескольких секунд. Снизу донёсся громкий стук. Затем открылась дверь.

Я остановилась, уверенная, что мы оказались между двумя нападавшими, но вместо женского голоса услышала знакомую команду полицейского.

— Полиция! Всем оставаться на месте!

Нора закричала, сообщая, что мы находимся на лестнице и нуждаемся в помощи. Позади нас снова раздались шаги. Женщина не стала спускаться дальше. Я успела увидеть только край тёмного пальто, исчезнувший за поворотом, после чего хлопнула противопожарная дверь и на лестничной клетке воцарилась тишина.

⁂

Прайс приехал примерно через двадцать минут. К тому времени медики уже обработали порез на моей руке и наложили повязку, а Блейка отправили в больницу с подозрением на сотрясение мозга. Нора сидела рядом со мной в небольшой комнате возле центральной проходной, крепко сжимая бутылку воды, к которой так и не притронулась, и время от времени смотрела на дверь, словно опасалась увидеть там женщину в медицинской маске.

Нас заверили, что здание находится под контролем полиции, однако нападавшую обнаружить пока не удалось. По предварительным сведениям, она могла воспользоваться техническими помещениями, соединявшими архивный сек-

тор с соседним корпусом, а затем покинуть территорию через один из служебных выходов. Я слушала объяснения, чувствуя усталость настолько сильную, что даже страх постепенно превращался в какое-то тяжёлое, почти физическое ощущение. Когда появился Прайс, на его лице было выражение, которого я прежде не замечала. Он выглядел злым.

Не раздражённым, как Харрис после очередного разговора со мной, а по-настоящему разозлённым, хотя старался сохранять профессиональное спокойствие. Первым делом он попросил показать раненую руку, внимательно осмотрел повязку и только после этого сел напротив.

— Медики сказали, что повреждение неглубокое?

— Да. Если не считать того, что меня попыталась зарезать неизвестная женщина, день прошёл вполне нормально.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.